ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

5 октября
1988 г.
№ 40 (5210)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С 1929 г.
ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
ЦЕНА 20 коп.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

30 сентября 1988 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

В свете решений XIX Всесоюзной партийной конференции Пленум рассмотрел предложения Политбюро, связанные с реорганизацией партийного аппарата, и некоторые кадровые вопросы. На Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Тов. Горбачев М. С. сообщил, что А. А. Громыко обратился в ЦК КПСС с просьбой о переходе на пенсию. М. С. Горбачев отметил большие заслуги А. А. Громыко перед Коммунистической партией и Советским государством и высказал ему добрые пожелания. [Выступления М. С. Горбачева и А. А. Громыко публикуются в печати].

Пленум удовлетворил просьбу А. А. Громыко и освободил его от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС.

Пленум принял решение о комиссиях ЦК КПСС по основным направлениям внутренней и внешней политики. [Постановление по этому вопросу публикуется в печати].

Пленум избрал секретаря ЦК КПСС В. А. Медведева членом Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал члена Политбюро ЦК КПСС В. М. Чебрикова секретарем ЦК КПСС.

Пленум избрал А. В. Власова кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал А. П. Бирюкову и А. И. Лукьянова кандидатами в члены Политбюро ЦК КПСС, освободив их от обязанностей секретарей ЦК КПСС.

Пленум освободил М. С. Соломенцева от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС и председателя Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию.

Пленум освободил В. И. Долгих от обязанностей кандидата в члены Политбюро и секретаря ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию.

Пленум освободил П. Н. Демичева от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию.

Пленум освободил А. Ф. Добрынина от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию.

Пленум утвердил Б. К. Пуго председателем Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА на Пленуме ЦК КПСС

Товарищи! Политбюро сочло необходимым созвать данный Пленум Центрального Комитета для того, чтобы рассмотреть предложения по вопросам политической реформы и совершенствования структуры партийного аппарата, вытекающим из установок XIX Всесоюзной партийной конференции.

Тщательная и всесторонняя проработка этих вопросов показала, что в связи с изменением функций партии, повышением ее роли как политического авангарда общества есть необходимость в совершенствовании деятельности ЦК, Политбюро, секретарей и аппарата Центрального Комитета партии. Естественно, что это требует внести определенные изменения в расстановке руководящих кадров партии.

Большинство из этих вопросов входит в компетенцию ЦК КПСС. Вот этим, собственно, и обусловлен созыв настоящего Пленума. Конкретные предложения Политбюро на этот счет я доложу Пленуму.

Но прежде всего я хотел бы сообщить товарищам, что на имя Центрального Комитета КПСС поступило заявление от члена Политбюро, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Андрея Андреевича Громыко. Разрешите его огласить.

«В Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, в Политбюро ЦК КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву М. С.

Возраст мой уже солидный. Оглядываясь на пройденный в жизни путь, считаю, что для меня единственно разумным решением является уйти на отдых.

Я горжусь тем, что 57 лет состою членом ленинской партии, 36 лет — в составе ЦК, 15 лет являюсь членом Политбюро. Везде, куда направляла меня партия, я старался выполнять работу честно, как того требовали интересы страны. Так было в системе Академии наук, так было на дипломатической работе, в том числе на посту министра иностранных дел СССР, так было и после избрания меня Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Являюсь убежденным сторонником великой перестройки советского общества и претворения в жизнь тех решений, которые приняты партией, ее XXVII съездом, XIX Всесоюзной конференцией, Пленумами ЦК. Долг каждого коммуниста, каждого сознательного советского человека — вносить свой вклад в выполнение этих исторических решений. Хочу каждый день идти в общем строю со всей партией, со всем народом, тешу себя надеждой, что вы меня правильно понимаете. Конечно, изменение моего положения не будет являться помехой для выполнения мною посильных обязанностей в интересах партии и государства.

Спасибо Центральному Комитету, вам всем спасибо за совместную работу на благо Родины, на благо мира.

А. Громыко».

На Политбюро мы обсуждали этот вопрос и решили поддержать просьбу Андрея Андреевича. Все мы знаем А. А. Громыко как крупного политического и государственного деятеля. Более тридцати лет он является членом Центрального Комитета партии. Почти полвека отдано дипломатической работе: посол в США, Великобритании, представитель СССР в Совете Безопасности ООН, заместитель министра, затем министр иностранных дел СССР. Под документами о создании Организации Объединенных Наций стоит подпись Андрея Андреевича Громыко, которую он сделал от имени Советского государства.

В 1973 году А. А. Громыко избран членом Политбюро ЦК, а в 1985 году — Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Как видите, товарищи, пройден большой жизненный путь, причем в разные, порой сложные годы. Его деятельность получила признание и в стране, и за рубежом.

В общем, богатая политическая судьба. Как говорится, есть что вспомнить и самому Андрею Андреевичу, и всем нам, давно и хорошо знающим его.

Сегодня, когда Андрей Андреевич уходит на заслуженный отдых, хотел бы от имени его коллег по Политбюро — и я надеюсь, что таково же мнение участников Пленума, — поблагодарить его за огромный труд, верную службу партии и государству, пожелать доброго здоровья.

Но я думаю, что Андрей Андреевич и дальше будет продолжать участвовать в общественно-политической жизни страны, поддерживать нас своим опытом.

Еще раз позвольте пожелать всего доброго Андрею Андреевичу Громыко. **(Аплодисменты).**

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС от 30 сентября 1988 года

Об образовании комиссий ЦК КПСС и реорганизации аппарата ЦК КПСС в свете решений XIX Всесоюзной партийной конференции

1. Пленум признал целесообразным иметь следующие комиссии ЦК КПСС:
— по вопросам партийного строительства и кадровой политики (председатель Г. П. Разумовский);
— идеологическую комиссию ЦК КПСС (председатель В. А. Медведев);
— по вопросам социально-экономической политики (председатель Н. Н. Слюньков);
— по вопросам аграрной политики (председатель Е. К. Лигачев);
— по вопросам международной политики (председатель А. Н. Яковлев);
— по вопросам правовой политики (председатель В. М. Чебриков).

2. Поручить Политбюро ЦК КПСС осуществить практические меры по созданию новой структуры аппарата ЦК КПСС и местных партийных комитетов с учетом изменения функций партийных органов в условиях углубления перестройки и осуществления реформы политической системы страны.

3. ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии в ходе проходящих отчетов и выборов особое внимание уделить вопросам подбора кадров в партийный аппарат, выдвижения на эту работу товарищей, обладающих высокими политическими и деловыми качествами, убежденных сторонников перестройки, пользующихся доверием и авторитетом среди коммунистов и беспартийных.

Выступление А. А. ГРОМЫКО на Пленуме ЦК КПСС

Дорогие товарищи!

Конечно, мне грустно в связи с тем, что мое положение в составе ЦК КПСС изменяется. Но возраст — штука упрямая, и с ним надо считаться.

Все мы прошагали по ступенькам жизни. У одних их больше, у других меньше. Но каждый взвешивает, и правильно делает, что же он совершил для страны, для людей, для партии? Так поступаю и я.

Трудился как мог. Везде ощущал плечо друзей по работе, хотя времена были разные, были и трудные, даже очень трудные. Мы все это знаем. Но безграничная вера в правоту марксистско-ленинской науки, в наши великие идеалы придавала силы в труде.

Спасибо Михаилу Сергеевичу Горбачеву за добрые слова, сказанные в мой адрес. Я тронут этими словами.

Глубоко убежден, что курс, взятый на революционную перестройку всей жизни страны, есть единственно правильный и научно обоснованный.

Решительно поддерживаю все, что делают партия и ее Центральный Комитет для осуществления решений XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции и Пленумов Центрального Комитета партии.

Выражаю глубокое удовлетворение в связи с тем, что в нашем руководящем коллективе — Центральном Комитете и Политбюро ЦК партии — существует единство идейное и политическое. В этом коллективе господствуют ленинские принципы, ленинские идеи.

Глубоко верю в то, что поставленные перед страной задачи должны быть и будут решены. Порукой тому — героические дела народа, которые он осуществил за семидесятилетнюю историю, начиная с ленинских дней.

Благодарю вас всех за совместную работу и за доверие.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о заседании Центральной Ревизионной Комиссии КПСС

30 сентября 1988 года состоялось заседание Центральной Ревизионной Комиссии КПСС. Был рассмотрен организационный вопрос. В связи с уходом на пенсию товарищ Капитонов И. В. освобожден от обязанностей председателя Центральной Ревизионной Комиссии КПСС.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС

МЕДВЕДЕВ Вадим Андреевич

Родился 29 марта 1929 года в деревне Мохоньково Даниловского района Ярославской области, русский.

В 1951 году окончил Ленинградский государственный университет. Работал ассистентом, а затем старшим преподавателем этого университета. Член КПСС с 1952 года. С 1956 года доцент Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, с 1961 года — заведующий кафедрой политэкономии Ленинградского технологического института имени Ленсовета.

В 1968 году был избран секретарем Ленинградского горкома партии. С 1970 по 1978 год работал заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС. В 1978—1983 годах — ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1983 году утвержден заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.

На XXV и XXVI съездах партии избирался членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, на XXVII съезде — членом Центрального Комитета КПСС. На мартовском (1986 г.) Пленуме Центрального Комитета партии избран секретарем ЦК КПСС. Одновременно он является заведующим Отделом ЦК КПСС.

Депутат Верховного Совета СССР. Член-корреспондент Академии наук СССР. Автор ряда трудов по политической экономии социализма.

ВНЕОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

1 октября в 12 часов в Большом Кремлевском дворце начала работу внеочередная сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. Она открылась совместным заседанием Совета Союза и Совета Национальностей.

Аплодисментами присутствующие встретили товарищей **Горбачева М. С., Воротникова В. И., Зайкова Л. Н., Лигачева Е. К., Медведева В. А., Никонова В. П., Рыжкова Н. И., Слюнькова Н. Н., Чебрикова В. М., Шеварднадзе Э. А., Щербицкого В. В., Яковлева А. Н., Бирюкову А. П., Власова А. В., Лукьянова А. И., Маслюкова Ю. Д., Разумовского Г. П., Соловьева Ю. Ф., Талызина Н. В., Язова Д. Т., Бакланова О. Д.**

Заседание вел Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР **Ю. Н. Христорадное.**

В повестку дня сессии вносятся следующие вопросы:

О Председателе Президиума Верховного Совета СССР. Вопрос вносится Центральным Комитетом КПСС и Президиумом Верховного Совета СССР.

О первом заместителе Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Вопрос вносится Центральным Комитетом КПСС и Президиумом Верховного Совета СССР.

О внесении изменений в состав Совета Министров СССР. Вопрос вносится Советом Министров СССР.

Приступая к рассмотрению первого вопроса повестки дня, председательствующий сообщил, что А. А. Громыко обратился с просьбой освободить его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с уходом на пенсию.

Слово предоставляется **А. А. Громыко.**

Выступление депутата ГРОМЫКО А. А.

Товарищи депутаты!

Прежде всего я хочу поблагодарить Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева за все то, что он сказал вчера на Пленуме ЦК в мой адрес, за оценку работы, в том числе в качестве Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Мою просьбу об уходе по соображениям возраста на отдых Пленум ЦК партии поддержал.

Что хотелось бы сказать еще.

Собственно говоря, моя работа хорошо известна. Почти всегда, начиная с назначения на дипломатическую службу, эта работа была на виду. Продолжительность ее — без малого полвека.

Глубоко благодарен вам, товарищи депутаты, за совместный труд в эти первые годы великой перестройки.

Весь наш народ, партия коммунистов заняты осуществлением грандиозных планов, встают новые задачи и перед избранниками народа — депутатами. Совершенствование политической системы и завершение создания социалистического правового государства потребуют огромных усилий. Но партия коммунистов, ее Центральный Комитет полны решимости выполнить смелую и обоснованную программу развития страны.

Обогащение советской демократии, гласность — могучий источник, из которого советские люди черпают силы для новых свершений и в области внутренней жизни, и в проведении ленинской политики мира в делах международных.

Верю в могучую силу наших идей и принципов. С этой верой наш народ прошел тяжелый и вместе с тем героический путь после Великого Октября. Все мы знаем, каких жертв это стоило на разных этапах истории Советского государства.

Но наша страна социализма, повторяю, страна социализма не только выжила. Она еще и обрела силы идти вперед, идти уверенной поступью.

Да, в истории нашей страны были срывы. Они хорошо известны. Мы их осуждаем решительно и справедливо. Но звезда социализма с октября семнадцатого года всегда светила. Она была зажжена для того, чтобы никогда не померкнуть в Стране Советов.

Сегодня народ ожидает от Советов всех ступеней вклада в перестройку. Вклада, достойного тех величественных планов, которые начертаны партией.

Опыт прошлого говорит о том, что для решения великих дел, стоящих перед страной, нашей ленинской партии нужны не только ясная голова и богатырские плечи, но и единство ее рядов.

Это доказано всей нашей послеоктябрьской историей. Единство рядов партии, единение ее с народом необходимы для решения стоящих перед нами серьезных задач, как воздух необходим для человека.

У нас есть такое единство, в том числе в Центральном Комитете и его Политбюро.

Окидывая взглядом нашу великую страну, мне хочется поделиться чувством, которое я постоянно ощущаю, — уверенностью в завтрашнем дне. Что придает эту уверенность?

Во-первых, у нас в стране живет замечательный народ, которому доступно решение самых сложных задач.

Во-вторых, у нас мудрая и прозорливая партия, тесно связанная с народом.

В-третьих, у нас сложилось руководство, достойное великих задач, вставших перед страной на новом переломном этапе развития советского общества и на новом этапе развития международной обстановки.

Партия и страна будут вместе с другими братскими партиями и странами продолжать вести неустанную борьбу за мир между народами. Это — наше главное дело, смысл жизни нашей, наших детей и внуков.

Спасибо, товарищи депутаты, за доверие, которое вы мне оказывали. Это доверие я глубоко ценил и ценю. **(Аплодисменты).**

***

По предложению состоявшегося 30 сентября Пленума ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советов Старейшин обеих палат депутаты принимают постановление удовлетворить просьбу А. А. Громыко об освобождении его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с уходом на пенсию.

Слово предоставляется члену Политбюро, секретарю ЦК КПСС, члену Президиума Верховного Совета СССР **Л. Н. Зайкову.**

Выступление депутата ЗАЙКОВА Л. Н.

Товарищи депутаты!

Состоявшийся вчера Пленум Центрального Комитета партии рассмотрел вопрос о Председателе Президиума Верховного Совета СССР.

Исходя из решений XIX Всесоюзной партийной конференции, Пленум ЦК внес предложение рекомендовать настоящей сессии избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева. **(Аплодисменты).**

Товарищи! Принимая такое решение, Пленум ЦК руководствовался ленинскими принципами развития подлинного народовластия.

Выдвижение Генерального секретаря ЦК на пост главы нашего государства будет соответствовать высшим интересам страны. Нам необходимо подкрепить полновластие Советов авторитетом партии и тем самым повысить эффективность функционирования нашей политической системы, чтобы еще успешнее выполнять масштабные задачи перестройки и социалистического обновления страны, политики нового мышления на мировой арене.

По поручению Центрального Комитета партии, Президиума Верховного Совета СССР и Советов Старейшин обеих палат вношу на рассмотрение внеочередной сессии предложение — избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева. **(Аплодисменты).**

***

Единогласно принимается постановление Верховного Совета СССР об избрании депутата Горбачева Михаила Сергеевича Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Это решение депутаты сопровождают продолжительными аплодисментами.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР **М. С. Горбачеву.**

Выступление депутата ГОРБАЧЕВА М. С.

Уважаемые товарищи депутаты!

Я взял слово не для того, чтобы произнести развернутую программную речь. В этом, полагаю, нет необходимости. Мы имеем глубоко разработанную стратегию, продуманную, можно сказать, выстраданную программу перестройки. Она изложена в решениях XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов Центрального Комитета и, наконец, в решениях XIX партийной конференции. Наши цели и задачи определены, ясны и основные направления практической деятельности

● ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.

ВНЕОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Выступление депутата ГОРБАЧЕВА М. С.

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Я СТР.

Своим выступлением я хочу прежде всего выразить признательность за большое доверие, которое вы мне оказали, избрав на высший государственный пост. Принимая на себя эти обязанности, ясно понимаю всю меру ответственности, которая возлагается на меня.

Хочу заверить, что оказанное мне доверие и данные мне полномочия будут полностью использованы в интересах страны и советского народа. На этом посту я вижу перед собой задачу сделать все необходимое для укрепления и повышения авторитета Советов, превращения их в действительные органы полновластия народа.

Три с половиной года тому назад был сделан решительный поворот к глубокой перестройке основных сторон нашей общественной жизни, поворот, имеющий огромное значение для судеб страны. Взяв курс на перестройку, мы исходили из того, чтобы, опираясь на созданный в стране экономический и духовный потенциал, развивая инициативу и самодеятельность человека труда, решительно избавляясь от искажений и извращений принципов социализма, полнее раскрыть возможности нашего строя, в кратчайший срок вывести страну на современный уровень, добиться существенного улучшения материальных и социальных условий жизни людей.

С полным правом мы можем сказать, что это был исторический выбор. Перестройка коренным образом изменила морально-политический климат в стране, завоевала поддержку масс, которые все активнее включаются в ее реализацию.

Сейчас перестройка и обновление общества вступили в новую полосу. Бурными обсуждениями и митингами, анализом ошибок прошлого теперь не обойтись. Нужны практическое продвижение вперед, реальное улучшение положения дел на всех направлениях нашей работы, и особенно там, где речь идет об условиях жизни народа. Люди хорошо видят и понимают наши проблемы и трудности. Но они требуют более решительных и энергичных действий. Трудящиеся не удовлетворены тем, как действуют наши советские, хозяйственные органы, общественные организации и многие партийные комитеты.

Наступил именно тот момент, когда уже дальнейших указаний сверху ждать нечего, надо активно реализовать принятые решения повсюду: в каждом коллективе, в каждом городе и селе. И здесь важнейшая роль принадлежит Советам как подлинным органам народовластия.

Какой представляется эта роль практически? Как видится сегодня ее осуществление?

Прежде всего она в том, чтобы возродить ленинский дух и стиль Советов. Сделать их в полном смысле слова и народными, и властными. Напористыми, энергичными, деловыми защитниками интересов граждан. Мощными моторами развития своего села, города, района, области, республики.

Роль Советов — и в том, чтобы раскрыть максимальные возможности народной инициативы, неформального участия самых широких масс в решении всех вопросов. Через институт избирательного права. Через общественные организации и движения, с которыми Советы должны находиться в постоянном и тесном взаимодействии. Через любые иные формы, которые будут рождены в практике перестройки, покажут свою целесообразность и продуктивность.

Советы должны стать подлинными и высшими хозяевами на своей территории, исправить то ненормальное положение, которое сложилось во многих местах вследствие засилья ведомственности.

Крайне важно, чтобы Советы быстрее овладевали новыми методами управления хозяйством, брали в свои руки вопросы снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, строительства жилья и его справедливого распределения, развития сферы услуг, обеспечения законности и общественного порядка, оздоровления окружающей среды. Повсеместно должны внедряться принципы самофинансирования, самообеспечения, самоуправления, утверждаться гласность, стимулироваться инициатива местных органов и общественности. Ясно, что это пойдет тем активнее, чем быстрее будет подготовлен и принят закон о местном самоуправлении и местном хозяйстве.

Ничего нельзя откладывать на потом; то, что можно сделать сегодня, сегодня же должно стать предметом забот и решений Советов всех уровней.

Справиться со своими новыми задачами Советы смогут лишь в том случае, если в первую очередь перестроят сами себя, стиль и методы работы.

Предстоит наполнить насыщенной работой каждую сессию, заседание постоянной комиссии, исполкома, каждый день депутатских полномочий, взять под контроль решение тех вопросов, которые остро поставлены жизнью.

Советы всех ступеней ожидает большая работа, связанная и с развитием нашего государства как правового, с качественным подъемом правовой культуры общества. Именно так, наращивая и развивая роль Советов, мы выйдем на рациональное разделение прав и обязанностей между партийными, советскими, хозяйственными органами, общественными организациями.

Убежден: в реально существующих у нас условиях такое решение — оптимальный путь к развитию перестройки, повышению действенности Советов, к правовому социалистическому обществу, основанному на единстве целей, ответственности каждого за свое дело. Именно этими критериями, ходом перестройки будем мы мерить всю последующую практику.

Товарищи депутаты! Жизнь требует, чтобы оставшееся время полномочий нынешнего Верховного Совета СССР было бы использовано с наибольшей эффективностью. Надо придать новый импульс, обогатить содержание работы Верховного Совета, его Президиума, комиссий, депутатов.

В соответствии с решениями XIX партконференции сейчас завершается разработка проектов законов об изменениях и дополнениях в Конституцию и о выборах народных депутатов СССР. Они в ближайшее время будут вынесены на широкое всенародное обсуждение, а затем, в ноябре, имеется в виду представить их на рассмотрение Верховного Совета.

После принятия этих законов начнется подготовка к выборам в высший орган власти страны. Вновь избранный Съезд народных депутатов сформирует новую структуру центральных государственных органов. Затем такая работа будет проведена в республиках и на местах.

Этот процесс очень ответствен и требует большого внимания всей нашей партии. Придется иметь дело со многими новыми проблемами, осваивать новые подходы и методы работы, особенно в свете разграничения функций между партийными и государственными органами.

Партия будет самым активным образом способствовать повышению роли Советов, развитию их самостоятельности, инициативы и ответственности в решении многообразных хозяйственных и социально-культурных задач. Советы, приняв на свои плечи основной груз государственной работы, должны на деле повсеместно стать активными проводниками экономической, социальной, национальной политики партии.

Развертывая всю работу по повышению роли Советов, мы, конечно, должны взять на вооружение богатый опыт, накопленный Верховным Советом и всеми Советами нашей страны. Вместе с тем надо безбоязненно внедрять новые формы, которых требует перестройка. Старым арсеналом здесь обойтись нельзя. Время сегодня другое, другие условия, новые, более объемные задачи.

Наряду с решением важнейших вопросов внутренней политики, несомненно, будет наращиваться активность высшего органа власти страны в осуществлении советской внешней политики. Она в последние годы приобрела динамичный, наступательный характер.

Наш курс в международных делах ясен. Это курс на устранение опасности ядерной катастрофы, на нормализацию международных отношений, налаживание равноправных и взаимовыгодных связей между странами и народами мира, на широкое сотрудничество в самых различных сферах, на обеспечение каждому народу права на свободный выбор своей судьбы. Он горячо одобряется советским народом, пользуется поддержкой социалистических друзей, встречает все большее понимание в широких кругах международной общественности, и он уже приносит свои плоды.

Мы и дальше будем неуклонно проводить этот курс. И здесь в проведении советской внешней политики исключительно велика роль Верховного Совета, его Президиума и постоянных комиссий, Парламентской группы.

Товарищи! Вчера на Пленуме ЦК по заслугам была оценена многолетняя работа А. А. Громыко на всех постах, которые поручали ему партия и Советское государство.

Думаю, что я выражу мнение всех депутатов, если от имени Верховного Совета СССР сердечно поблагодарю Андрея Андреевича за его неустанную работу на благо народа и страны. (Аплодисменты).

Товарищи депутаты!

Как уже сообщалось, Пленум Центрального Комитета партии поддержал просьбу товарища Демичева Петра Ниловича об освобождении его от обязанностей первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с уходом на пенсию.

ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советы Старейшин Совета Союза и Совета Национальностей вносят этот вопрос на рассмотрение депутатов Верховного Совета СССР.

Одновременно Пленум ЦК КПСС рекомендовал для избрания первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР кандидата в члены Политбюро ЦК депутата Верховного Совета Лукьянова Анатолия Ивановича.

Товарищ Лукьянов А. И., русский, член партии с 1955 года, доктор юридических наук. Длительное время он работал в Совете Министров и в Президиуме Верховного Совета СССР, был начальником Секретариата Президиума, активно участвовал в подготовке проекта Конституции СССР и других законопроектов. В 1976—1977, а затем с 1983 года работает в Центральном Комитете партии. В 1987 году был избран секретарем ЦК КПСС. Занимался вопросами развития государственности, демократии и законности.

Вношу на ваше рассмотрение предложение об избрании депутата Лукьянова А. И. первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

В заключение, товарищи, хотел бы еще раз сердечно поблагодарить за доверие. Рассчитываю в работе на вашу поддержку. **(Продолжительные аплодисменты).**

***

Утверждается предложение об освобождении П. Н. Демичева от обязанностей первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР в связи с уходом на пенсию.

Первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР единогласно избирается депутат Лукьянов Анатолий Иванович.

Депутаты переходят к обсуждению вопроса о внесении изменений в состав Совета Министров СССР.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР депутату **Рыжкову Н. И.**

Выступление депутата РЫЖКОВА Н. И.

Товарищи депутаты!

В ходе перестройки, реформы политической системы возрастают роль и ответственность Совета Министров СССР в решении задач, стоящих перед страной. Естественно, возникает необходимость в более рациональной расстановке руководящих кадров в Совете Министров СССР и его Президиуме.

В связи с этим разрешите представить на ваше рассмотрение предложения о внесении некоторых изменений в состав правительства.

1. Тов. Антонов Алексей Константинович, являющийся заместителем Председателя Совета Министров СССР, подал заявление о переводе его на пенсию по возрасту. Совет Министров СССР считает возможным удовлетворить эту просьбу. Хочу отметить, что Алексей Константинович проводил большую работу как заместитель Председателя Совета Министров СССР, отдавал также много сил и энергии на посту постоянного представителя нашей страны в Совете Экономической Взаимопомощи.

В Верховный Совет СССР вносится предложение освободить т. Антонова А. К. от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР в связи с уходом на пенсию. При этом намечается также освободить т. Антонова А. К. в установленном порядке от обязанностей постоянного представителя СССР в СЭВ.

2. Учитывая значение экономического и научно-технического сотрудничества Советского Союза с другими странами социалистического содружества, новые требования, которые Центральный Комитет партии и правительство выдвигают в связи с необходимостью ускорения и углубления социалистической экономической интеграции, Совет Министров СССР считает целесообразным использовать опыт т. Талызина Николая Владимировича в этой области и назначить его заместителем Председателя Совета Министров СССР, постоянным представителем СССР в СЭВ, освободив от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, а также председателя Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию.

3. Заместителем Председателя Совета Министров СССР, в ведении которого находились бы вопросы социально-культурной сферы, предлагается назначить т. Бирюкову Александру Павловну. Ее опыт работы в легкой промышленности, ВЦСПС и последние годы в Центральном Комитете партии будет полезен и при выполнении товарищем Бирюковой А. П. новых обязанностей на этом важном направлении нашей политики. Немаловажно и то, что в руководстве Совета Министров СССР была бы представлена и женская часть населения нашей страны.

При принятии Верховным Советом СССР этих предложений по кандидатурам заместителей Председателя Совета Министров СССР имеется также в виду утвердить в установленном порядке т. Талызина Н. В. постоянным представителем СССР в Совете Экономической Взаимопомощи, а т. Бирюкову А. П. — председателем Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию, освободив от этих обязанностей т. Талызина Н. В.

4. В связи с избранием т. Чебрикова Виктора Михайловича секретарем ЦК КПСС вносится предложение назначить председателем Комитета государственной безопасности СССР т. Крючкова Владимира Александровича, работающего в настоящее время заместителем председателя этого комитета.

Прошу Верховный Совет СССР рассмотреть внесенные предложения.

***

Депутаты принимают предложение об освобождении А. К. Антонова от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Утверждается предложение о назначении кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, депутата Талызина Николая Владимировича заместителем Председателя Совета Министров СССР и освобождении его от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Принимается предложение о назначении кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, депутата Бирюковой Александры Павловны заместителем Председателя Совета Министров СССР.

Депутаты принимают предложение об освобождении члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС, депутата Чебрикова В. М. от обязанностей председателя Комитета государственной безопасности СССР.

Председателем Комитета государственной безопасности СССР назначается депутат Крючков Владимир Александрович.

На этом внеочередная сессия Верховного Совета СССР закончила работу. (ТАСС)

ВНЕОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

3 октября в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялась внеочередная сессия Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва.

Аплодисментами встретили присутствующие товарищей Горбачева М. С., Воротникова В. И., Зайкова Л. Н., Медведева В. А., Никонова В. П., Рыжкова Н. И., Слюнькова Н. Н., Чебрикова В. М., Шеварднадзе Э. А., Яковлева А. Н., Бирюкову А. П., Власова А. В., Лукьянова А. И., Маслюкова Ю. Д., Разумовского Г. П., Талызина Н. В., Язова Д. Т., Бакланова О. Д.

В повестку дня сессии были внесены следующие вопросы:

О Председателе Президиума Верховного Совета РСФСР.

О Председателе Совета Министров РСФСР.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачеву. Он сообщил, что В. П. Орлов обратился с просьбой освободить его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья. Предложив удовлетворить эту просьбу и выразив В. П. Орлову благодарность за все то, что он сделал в интересах партии и государства, М. С. Горбачев внес предложение, поддержанное Советом Старейшин Верховного Совета РСФСР, избрать Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР члена Политбюро ЦК КПСС В. И. Воротникова.

Депутаты утвердили предложение об освобождении В. П. Орлова от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР в связи с уходом на пенсию.

Единогласно принимается постановление Верховного Совета РСФСР об избрании члена Политбюро ЦК КПСС, депутата Воротникова В. И. Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР и об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров РСФСР.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР В. И. Воротникову. Поблагодарив депутатов за избрание на высокий пост, он заверил, что приложит все силы, чтобы оправдать высокую честь.

Депутаты переходят к обсуждению второго вопроса повестки дня. Рассматривается предложение о назначении кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС А. В. Власова Председателем Совета Министров РСФСР. Постановление по этому вопросу принимается единогласно.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов выразил глубокую признательность Верховному Совету республики за оказанное доверие.

На этом внеочередная сессия Верховного Совета РСФСР закончила работу.

(ТАСС)

Художник В. ФЕТЛЯЕВ. Плакат из комплекта «Всенародные и знаменательные дни», выпускаемого издательством «Плакат».

ЛГ ИНФОРМИРУЕТ

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

Очередное заседание секретариата правления СП СССР началось с информации первого секретаря правления СП СССР В. Карпова о состоявшейся в ЦК КПСС встрече с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов. И докладчик, и принимающие участие в прениях писатели говорили о том, что основные мысли, высказанные в выступлении М. С. Горбачева, должны стать руководством к действию для литераторов. Особое внимание ораторы уделили задачам, стоящим и перед партией, и перед прессой. Одна из первоочередных таких задач — необходимость организационно и идеологически поддерживать перестройку. Подчеркивалось, что теперь главенствовать должны позиции реализма. Для любого человека, который берет в руки перо, необходимо знание жизни, умение давать точные и взвешенные оценки всему, что происходит в стране. Сегодня довольно широко распространен худший вид социального иждивенчества — вера в то, что порядок будет наведен «сверху». Большую помощь в борьбе с этим пороком может и должна оказать пресса. В ходе перестройки меняется отношение людей к делу, к жизни, к обществу. Задача прессы — всемерно способствовать этому процессу, активно используя политику гласности и демократизации.

С сообщением по второму вопросу — утверждение плана работы секретариата правления Союза писателей СССР на IV квартал 1988 года — выступил секретарь правления СП СССР Ю. Верченко. Определена тема предстоящего пленума СП СССР — «Земля, экология, первый этап перестройки и литература». Докладчиком утвержден Ю. Черниченко. Во второй половине октября совместно с АН СССР, комитетом по спасению Арала и Приаралья при СП Узбекистана намечено провести конференцию публицистов, ученых и руководителей соответствующих республиканских министерств по проблемам Аральского моря.

Один из важных пунктов плана — заседание комиссии по выработке новой редакции устава СП СССР с последующей публикацией проекта и обсуждением предложений в «Литературной газете».

Совместно со Всесоюзным центром пропаганды художественной литературы будет проведено обсуждение произведений среднеазиатских писателей, пишущих на русском языке. Для этого в республики Средней Азии выедут бригады литераторов. Состоится творческая встреча критиков, литературоведов, писателей «Нынешний этап перестройки. Современный литературный процесс. Актуальные задачи критики».

В планах СП СССР — совещание-семинар драматургов, посвященное проблемам комсомольско-молодежной тематики, всесоюзное совещание молодых рассказчиков «Проблемы современности в зеркале рассказа», IV совещание переводчиков.

В прениях приняли участие писатели М. Алексеев, Р. Гамзатов, Н. Горбачев, Мумин Каноат, В. Кобенко, В. Коротич, Ал. Михайлов, П. Николаев, Б. Олейник, В. Осипов, Р. Рождественский, К. Скворцов, Ю. Суровцев, Максим Танк, Ю. Черниченко, А. Чепуров.

В работе секретариата принял участие заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС В. Егоров.

Наш корр.

IV ВСЕСОЮЗНЫЙ ЕСЕНИНСКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

ХОЧУ Я БЫТЬ ПЕВЦОМ И ГРАЖДАНИНОМ...

«Он никогда не был нигде прописан, поэт жил просто под небом России», — услышал я от экскурсовода в музее-заповеднике С. А. Есенина в Константинове. И небо в этот день словно не случайно было первозданно голубым, каким оно бывает в дни золотой осени, когда приходит на рязанскую землю Всесоюзный Есенинский праздник поэзии.

Нынешний, как обычно, собрал на поляне на высоком берегу Оки тех, кому дороги Есенин и русская поэзия. «Если писатели не живут интересами народа, они — ремесленники и халтурщики. Таких здесь нет», — сказал, открывая поэтическую часть праздника, Ю. Прокушев. С эстрады звучали стихи на русском, украинском, татарском, мордовском языках. Сменяя друг друга, их читали московские поэты С. Викулов, М. Годенко, В. Костров, В. Кочетков, Ю. Кузнецов, С. Куняев, В. Сорокин, А. Софронов, Н. Старшинов, Ф. Чуев, М. Шевченко, рязанцы Н. Краснова, Т. Краснова, Б. Жаворонков, В. Золотов, А. Корнеев, А. Сенин, поэты из Горького, Орла, Саранска, Черновцов. В торжествах принимал участие первый секретарь Рязанского обкома КПСС Л. Хитрун. Есенин неотделим от стихии народного искусства, и его праздник был невозможен без выступлений фольклорных танцевальных коллективов, народных песен, частушек. И, конечно, каждый, кто в этот день приехал сюда, хотел посетить дом, где родился и жил Есенин, посмотреть экспозицию литературного музея. Не за горами юбилей — 100-летие со дня рождения поэта, и уже сейчас на его родине к этому событию готовятся особенно тщательно. По сохранившимся в фондах музея документам восстановлена церковь, строители обещают убрать «чертов палец» — так называют здесь кирпично-ржавого цвета трубу котельной. Начинается восстановление парка...

Есенинский праздник прошел в рамках Дней российской литературы на рязанской земле и был их логическим завершением. Ему предшествовали встречи в обкоме партии, выездное заседание секретариата правления СП РСФСР «Наша культура и литература в годы перестройки», на котором российские литераторы обсуждали наиболее тревожащие их проблемы, например, экологические. Другая не менее важная тема — нынешнее состояние национальной российской культуры. Рязань может стать центром российской поэзии — эту мысль высказал председательствующий на заседании Ю. Бондарев. Были и другие встречи. В концертном зале имени С. А. Есенина прошел благотворительный литературный вечер, сбор от которого поступит в Советский фонд культуры. Жители города встречались с писателями на авторских вечерах, в беседах за «круглым столом», на предприятиях. Один день был целиком посвящен выезду писательских делегаций в Рыбновский, Клепиковский, Скопинский и другие районы области. Состоялся также вечер-встреча с редколлегией и авторами журнала «Наш современник».

Угасал день, заканчивался праздник в Константинове. Перед отъездом вспомнились экскурсии по городу и прекрасный ансамбль Рязанского кремля. Сейчас здесь музей, и в одном из его залов создан своеобразный мемориал: собрана галерея портретов и открыта экспозиция, посвященная уроженцам и жителям Рязани. Славные имена, доказывающие исконную культурную мощь российской провинции. Одно из этих имен — Сергей Есенин.

А. ЗОТИКОВ,
спец. корр. «ЛГ»

ПОСВЯЩАЕТСЯ Л. ПЕРВОМАЙСКОМУ

Вечер, посвященный памяти украинского советского писателя, лауреата Государственной премии СССР Л. Первомайского, состоялся на прошедшей неделе в ЦДЛ имени А. А. Фадеева. Председательствовал секретарь правления СП СССР Ю. Суровцев. На вечере выступили писатели Б. Олейник, Л. Озеров, А. Борщаговский, Я. Хелемский, Л. Григорьева, С. Майданская, П. Гирнык, А. Еременко, С. Чернилевский, И. Шкварко, Н. Кондакова, В. Чубур, М. Котенко, Г. Кипнис, О. Николаева, Мухаммаду Шериф (Индия). Свои переводы на русский язык произведений Л. Первомайского читал его внук С. Пархомовский.

В программу вечера был включен художественный фильм «Дикий мед», созданный по мотивам одноименного романа.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТЕМЕ

ЕЩЕ РАЗ О ЗНАМЕНИТОМ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

13 июля с. г. в «ЛГ» была опубликована статья Е. Кузьмина «Стена» об Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина [ОР ГБЛ], о конфликтах между учеными, работающими в архивных фондах отдела, и его администрацией, между этой администрацией и большей частью кадровых сотрудников ОР.

Как и предыдущие публикации «ЛГ» о библиотеке, статья вызвала большую почту, в том числе публикуемое сегодня письмо.

Письмо это сначала нас удивило, но удивление прошло, как только мы выяснили, что собрание, «единогласно» его принявшее, проводилось втайне не только от коллектива Отдела рукописей, но и от тех коммунистов, мнение которых не совпадает с мнением руководства. В отделе около 50 сотрудников, на партийном учете — 16 человек, присутствовало на собрании 9. О четырех из них — нынешних и бывших администраторах отдела В. Дерягине, В. Лосеве, Л. Тигановой, В. Молчанове — говорилось в статье «Стена». Им и обязано знаменитое архивное и научное учреждение нынешней кризисной ситуацией.

Мы печатаем письмо со своим комментарием. Надеемся, что эта публикация приблизит финал затянувшейся истории.

Глубокое беспокойство у нас вызывает кампания в печати, поднятая вокруг Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, особенно письмо группы ученых, помещенное в «Советской культуре» (28 января 1988 г.), и публикации в «Литературной газете» (23 декабря 1987 г., 10 февраля и 13 июля 1988 г.). В этих материалах руководителям отдела и библиотеки ставится в вину «недоверчивое отношение» к иностранным и советским исследователям, говорится о «произволе» в допуске к архивным документам, осуждаются даже решетки и «милицейская подозрительность».

Поражает, что в качестве примера постоянно указывается история с фондом М. Булгакова, хотя хорошо известно, что не опубликованные в нашей стране рукописи писателя и другие документы из этого фонда, даже до завершения его обработки, беспрепятственно выдавались в свое время иностранным гражданам, незаконно копировались, что позволило начать публикацию в США собрания сочинений М. Булгакова по рукописям, хранящимся в Ленинской библиотеке. О происхождении опубликованных материалов сообщила сама издательница Э. Проффер (см.: «Советская Россия», 22 ноября 1987 г., «Советское фото». № 4, 1988). При всех сложностях в оценке нашей истории служебное преступление архивиста, по нашему мнению, нельзя выдавать за подвиг. История с фондом М. Булгакова свидетельствует о преступном расхищении национальных богатств теми, кого теперь пытаются обелить авторы указанных публикаций, — С. В. Житомирской (руководила отделом с 1952 по 1976 г.) и М. О. Чудаковой (в качестве сотрудника отдела занималась описанием фонда в 1968—1978 гг.).

Людьми, которые руководили отделом в 1950—1970 гг., допускались серьезные нарушения правил использования других архивных материалов. Эти факты рассматривались в свое время, по делу С. В. Житомирской принимал решение Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

Между тем некоторые статьи Е. Кузьмина вроде прошедшей в «ЛГ» под рубрикой «Бюрократические игры» и заголовком «Пропуск.. к Булгакову» и последней его статьи «Стена» способны сбить с толку неосведомленного читателя. Нужен ли пропуск к рукописям? Нужны ли стены, решетки и милиция, неукоснительное соблюдение наистрожайших правил обработки документов и допуска к архивным материалам? Убеждены, что все это совершенно необходимо. Судите сами.

Рукописное собрание Ленинской библиотеки, основанное более 125 лет назад графом Н. П. Румянцевым, представляет собой крупнейшее национальное архивохранилище. Здесь хранятся древнерусские рукописи начиная с XI века, например, знаменитое Архангельское евангелие 1092 года, рукописи таких произведений, как Житие Сергия Радонежского, списки Изборника Святослава 1073 года, архивы Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии, родовые архивы известных династий Апраксиных, Барятинских, Головиных, Корсаковых, Самариных, Шереметевых, Юсуповых, персональные фонды Петра I, Кутузова, фонды классиков русской литературы — Державина, Жуковского, Карамзина, Лермонтова, Некрасова, Даля, Тургенева, Гоголя, Гончарова, Достоевского, Чехова, Брюсова, Шишкова.., великих русских историков Соловьева, Ключевского.., фонды декабристов, архивы Герцена и Огарева, Михайловского, Кропоткина, Бонч-Бруевича.., бесценные по своей информации фонды Аракчеева, Бенкендорфа, Милютина, автографы практически всех русских и европейских знаменитостей XVIII—XX вв. В отделе хранятся крупнейшие собрания и фонды русских масонов и второе в мире собрание древнееврейских рукописей, собрания рукописей на греческом, западноевропейских, китайском, монгольском и многих других языках. Всего более 820 фондов и собраний. Фонд М. Булгакова, согласитесь, ценная, но капля в этом бесценном море. Заметим кстати, что и в самые суровые времена доля документов, находившихся на спецхранении, составляла в наших фондах всего 0,2 процента.

Отдел рукописей ГБЛ — это не просто хранилище старых рукописей, но активно пополняющееся собрание. Только в последние годы сюда поступили личные архивы Н. К. Гудзия, Н. Ф. Бельчикова, Ф. П. Филина, Вс. Кочетова, В. Д. Иванова.., автографы М. Горького, В. Г. Короленко...

А что такое личный архив писателя, редактора, ученого или общественного деятеля? Это не только рукописи, черновики, подготовительные материалы к его собственным сочинениям. В фонде Тургенева, например, имеются письма Бальзака к нему; в архиве Кочетова — многие тысячи писем его читателей, среди которых настоящие исповеди и размышления о важнейших событиях эпохи, письма руководителей зарубежных коммунистических и рабочих партий, крупных советских военачальников, партийных руководителей, деятелей культуры, искусства, покойных и ныне здравствующих. Непрофессиональные суждения о стоимости того или иного архива, попадающие на газетную полосу, возмутительны. Журналист не поинтересовался ни составом фондов, ни правилами оценки, предусматривающими, например, отличать автограф от третьего экземпляра машинописи, письмо бытовое от делового и т. д. и т. п. Поражает появление этих бесцеремонных суждений на страницах «ЛГ», редактором которой, кстати, был когда-то и Вс. Кочетов.

Отдел рукописей ГБЛ — хранилище, в которое и в будущем должны поступать архивы писателей, ученых, педагогов, редакторов, библиофилов, коллекционеров. Люди должны нести сюда старинные книги и грамоты, унаследованные или случайно оказавшиеся у них письма и документы выдающихся деятелей культуры. Нести и быть спокойными и уверенными в том, что народное достояние не будет расхищено, будет служить народу.

Нельзя снять охрану с Отдела рукописей, как нельзя ее снять с Алмазного фонда, Эрмитажа, Оружейной палаты.

В упомянутых выступлениях по поводу Отдела рукописей ГБЛ, как и архивов и библиотек вообще, просматривается если не стремление дискредитировать в глазах общественности одну из наших национальных святынь — Румянцевское рукописное собрание и другие хранилища, — то по крайней мере внедрить в общественное сознание весьма своеобразное понимание демократии и гласности. Оно сводится к тому, что одни лица имеют лишь права, а другие — только обязанности. Ответственность при этом нести вообще некому. Разве не безответственно печатное заявление профессора-историка: «всем просто осточертели прегоады, чинимые... хранителями наследства»? Заметим с горечью, что никто из академиков, подписавших полгода назад открытое письмо министру культуры, не является нашим читателем, а некоторые из них вообще никогда не были в Отделе рукописей ГБЛ.

Основная задача хранителей архивов действительно состоит в том, чтобы сохранить народное достояние. Народ — это не только мы с вами, ныне живущие, но и те, кто придет после нас. А как можно оценить поведение агрессивно настроенной группы наших читателей, требующих во что бы то ни стало предоставления им рукописей, не довольствующихся прекрасно выполненными микрокопиями? После нас хоть потоп? Булгаков, например, писал, делал пометки, часто карандашом, на плохой бумаге 20—30-х годов. Выдавать по первому требованию такие документы, делать с них ксерокопии — значит нарушать служебный и гражданский долг. Рукопись утрачивается один раз. А с нас требуют нарушать наш долг, требуют принять участие в уничтожении действительно уникальных памятников культуры. Требуют через министров, известных артистов, собирают подписи уважаемых, но не вполне осведомленных в нашем деле людей. Читателей газет просто вводят в заблуждение.

Не подлежит сомнению также, что использование в печати материалов из личных архивных фондов (а такова одна из специализаций Отдела рукописей ГБЛ), да и вообще архивных документов — вопрос не чисто академический, а чрезвычайно деликатный и ответственный с человеческой, воспитательной, государственной, политической да еще с многих других точек зрения.

Пожары и кражи в библиотеках и архивах, сообщения о которых время от времени мелькают в печати, участившиеся случаи контрабандной публикации за рубежом документов из архивов СССР должны нас всех насторожить. Особое внимание, по нашему мнению, компетентным государственным органам надо обратить на такой вид воровства, как кража и разбазаривание информации. «Цепенеть», как пишут в «ЛГ», здесь не надо. В наш век, который журналисты давно уже окрестили веком информации, она представляет ссбой такую же народную собственность, как земля и недра, заводы и картины великих художников. Распоряжаться этой собственностью надо осмотрительно. Право на публикацию сведений, которые содержатся в документах государственных архивов, государство, а значит, по долгу своей службы архивисты обязаны свято и строго охранять. Использовать эти сведения надо во благо, а не во вред народу.

В нашем отделе есть люди, не согласные с высказанной здесь точкой зрения. Они все время пишут жалобы, по их письмам в последние годы в отделе постоянные комиссии. По две-три в год. После смены руководства отдела в конце января уже в апреле—мае по поручению Отдела пропаганды ЦК КПСС нас проверяла комиссия, составленная из представителей пяти ведомств, специалистов из Москвы, Ленинграда, Киева и Тбилиси. Комиссия признала, что ни одно из обвинений, выдвинутых в письмах группы сотрудников отдела и без проверки повторенных уважаемыми учеными и деятелями культуры, не подтвердилось. Выводы комиссии, по непонятным для нас причинам, не доведены до сведения общественности. Вместо этого «ЛГ» повторяет старые и давно опровергнутые факты, прибегает к оскорбительным выражениям, используя исключительно некомпетентные оценки.

А стены между тем рушатся, в прямом смысле этого слова. Пашков дом, во флигеле которого вот уже 125 лет помещаются наше хранилище и читальный зал, требует срочной реставрации. Куда переместить фонды? Постановления Совета Министров СССР предусматривали предоставление библиотеке на время ее реконструкции помещений, приспособленных для хранения фондов. Обстановка, казалось бы, сейчас чрезвычайно благоприятная: ликвидируются конторы и управления, даже министерства. В Москве должны бы освобождаться хорошие здания. Но... библиотеке их не дают, и мы с удивлением замечаем, как великолепные особняки на бульварах, даже рядом с библиотекой, осваивают новые конторы.

Принято единогласно на партийном собрании Отдела рукописей ГБЛ 15 июля 1988 г.

В тот же жаркий день, 15 июля, когда в Отделе рукописей ГБЛ проходило закрытое партийное собрание, из Ленинской библиотеки ушел и другой документ.

Это было заявление в прокуратуру Киевского района Москвы «о возможных (подчеркиваем: «возможных». — **Прим. ред.**) утратах рукописей-автографов и других материалов из архива М. А. Булгакова». Еще в заявлении говорилось: «Однако **установить вину того или иного лица затруднительно**». Можно лишь гадать: одной и той же или разными руками В. Дерягин, В. Лосев и другие подписывали это заявление и опубликованное выше письмо с его грозным утверждением о **«преступном расхищении** национальных богатств», с **конкретным указанием имен** «преступников».

Во всяком случае, когда мы положили рядом оба текста с одной и той же датой, подписанные одними и теми же лицами, то вполне ощутили незримое присутствие в нашей жизни булгаковских персонажей — но не Воланда со свитой, а попроще — Шарикова со Швондером, например.

Что же заставило руководителей ОР столь быстро перейти от смутных предположений к дерзким обвинениям, ведь по закону только суд может назвать кого-то преступником? Стремление отвести удар от себя? Ибо на любой взыскующий вопрос начальства после этого можно отвечать: «Мы передали дело в прокуратуру!» И наверняка больше вопросов не последует. Ведь действительно передали! Неужели были уверены в том, что следователи не смогут разобраться во всех сложностях и тонкостях архивного дела и специфической архивной документации?

Разобрались! В возбуждении уголовного дела по заявлению администрации ОР «о возможных утратах рукописей-автографов и других материалов из архива М. А. Булгакова» отказано «**за отсутствием события** преступления».

На фоне этой булгаковской фантасмагории другие «разоблачительные» положения в открытом письме закрытого партсобрания — просто «мелочь».

Например, история оклеветанной С. Житомирской. В 1986 году Комитет партийного контроля восстановил ее в партии, сняв обвинения, которые возводились на нее Л. Тигановой и В. Лосевым. Вопрос, кажется, был закрыт. Но нет, в письме этот факт обыгрывается снова, да таким образом, что непосвященный думает, будто КПК наконец-то принял в отношении С. Житомирской решительные меры.

Далее. В связи с письмом академиков Д. Лихачева, И. Ковальченко, А. Самсонова, Н. Толстого и других ученых, а также письмом 23 сотрудников ОР по поручению Отдела пропаганды ЦК КПСС в ОР ГБЛ работала комиссия под председательством зам. директора ленинградской Публичной библиотеки Л. Шилова. Мы специально встретились с ним, и он сказал, что утверждение, будто «комиссия признала, что ни одно из обвинений, выдвинутых в письмах группы сотрудников отдела и без проверки повторенных уважаемыми учеными и деятелями культуры, не подтвердилось», не соответствует действительности. Комиссия, кстати, наметила меры по исправлению недостатков в работе руководства ОР.

Не соответствует действительности, мягко говоря, и утверждение, будто сама Э. Проффер подтвердила «кражу информации» из отдела рукописей. В интервью «Советской России» (13 сентября 1987 г.) американская издательница сказала: «Я знала вдову Булгакова Елену Сергеевну и его первую жену Любовь Белозерскую. Они сами мне передали бумаги до того, как архив (Булгакова. — **Ред.**) был передан в Ленинскую библиотеку, куда я никогда не ходила. Меня не впустили».

Что же касается материала Ю. Кривоносова («Советское фото», № 4), то по данному «вопросу» там нет ничего сверх цитат из «Советской России» и странных, неубедительных гипотез автора.

Можно прокомментировать и ряд других «положений», но надо ли?

Да что происходит?! В отделе рукописей Национальной библиотеки нетерпимое положение. Возмущаются крупнейшие ученые страны. Пишут в высокие инстанции, протестуют старейшие (а сейчас уже не только старейшие) сотрудники ОР, выражают недоверие своей администрации. Бьет тревогу печать.

В отделе рукописей третируют ученых, свернута научная и справочно-информационная работа. Состав отдела меняется с головокружительной быстротой, губительной для архивного учреждения: ведь квалификация здесь нарабатывается годы и годы. Вынуждены уходить кадровые сотрудники, архивисты уникальных знаний. А кто приходит на их место?

Готовя вышеопубликованное письмо к печати, мы послали гранки в ОР, попросили, чтобы свои подписи поставили все, кто «единогласно» его принимал.

Расписались из них в итоге лишь двое — и. о. зав. отделом В. Дерягин и В. Молчанов. Зато появились подписи других 19 человек. Кто же поддерживает администрацию ОР сегодня?

Среди сторонников профессора В. Дерягина разные люди, в том числе его секретарша, две машинистки, работники, взятые в ОР временно по случаю переезда в другое помещение... Из числа его единомышленников четверо работают в ОР год-полтора, еще пятеро — несколько месяцев, еще трое... 3 недели.

Мы выступаем с конкретной критикой, приводим факты, аргументы, доказательства. А что постоянно получаем в ответ? Преимущественно то, что уводит от главного и переключает разговор, внимание общественности с деятельности администрации на несуществующие чужие грехи.

Критика руководства ОР объявляется «кампанией в печати» вокруг всего отдела рукописей. Глазам не веришь, когда эту критику сравнивают чуть ли не со стремлением дискредитировать (?) Румянцевское рукописное собрание* и почему-то даже другие (?) хранилища.

Зачем приводят длинные списки архивных фондов, хранящихся в ОР? Дают понять, что история с фондом Булгакова («ценной каплей в бесценном море») лишь проходной, малозначительный эпизод в биографии руководства отдела? Что все остальные фонды они пока еще не закрывали на 5 лет от всех исследователей, дабы ими в это время могли спокойно пользоваться сами администраторы, и что, дескать, пока нет предмета разговора? По этой логике, вероятно, стоит нам всем подождать, пока они закроют что-нибудь еще. Пока из отдела не уйдут все специалисты и все несогласные.

Почему вместо конкретного выяснения того, что сегодня происходит в ОР, нам навязывают обсуждение проблемы физической сохранности рукописей? Интересно, почему только теперь задумался об этом В. Лосев, в кабинете которого (не в хранении, где поддерживается необходимый температурно-влажностный режим) по многу месяцев лежали драгоценные рукописи Булгакова?

Да, действительно, рукопись утрачивается лишь один раз. Но если ее не дают исследователю даже для научного, академического издания (как в случае с «Театральным наследием» Булгакова), то для чего вообще она хранится, для чего вообще архивы?

Дерягин, Лосев, Тиганова и другие отлично знают, что сохранять рукопись и не давать ее исследователям — это разные вещи. Да только разве сохранностью рукописей озабочены они в своей деятельности превыше всего? Разве только подлинники не выдают ученым? Не выдают они и копии, отказывают в их изготовлении. И не только булгаковедам. Другим ученым тоже. Известный специалист по русской литературе XIX века профессор Б. Егоров рассказал в «ЛГ» (23.12.1987 г.), как руководители ОР сначала не давали ему рукописи под предлогом, что они портятся, а потом отказали и в изготовлении микрофильма с них — это, мол, шире его темы.

Теперь под свои запреты они подводят чуть не правовую базу. Информация, оказывается, такая же общенародная собственность, как земля и недра, которую они-де «призваны свято и строго охранять». Откровенность, с какой авторы письма призывают «строго охранять» сведения, содержащиеся в исторических документах, поразительна. Тем более сегодня, когда общество стремится перейти от культа секретности к информационной культуре. Когда, мы надеемся, презумпция несекретности информации становится такой же нормой, как презумпция невиновности.

До каких же пор бюрократы в архивах будут присваивать себе право решать, что во благо, а что во вред народу, определять и контролировать рамки научных исследований? До каких пор будут мешать свободному развитию науки, культуры, гласности?

Сколько еще времени администраторы ОР будут противостоять критике, пороча других, вызывая оторопь словами о «кражах» и «разбазаривании», сея подозрительность? До каких пор разговор снова и снова будет идти по одному и тому же кругу? Есть ли предел нежеланию понимать, слышать? Проявят ли наконец добрую волю те, от кого зависит судьба отдела рукописей?

Но чему удивляться, если в длинном свиске архивных фондов называется родовой архив Головиных, которого в ОР нет и никогда не было, ибо он — в четырех других архивохранилищах?

Ну, а утверждение, будто в ОР ГБЛ есть архив Бенкендорфа, — это уже просто сенсация. Нет сомнений, он действительно был бы «бесценным по информации», если бы дошел до наших дней. Но чего нет, того нет. А архив тамбовских помещиков Бенкендорфов, хранящийся в ОР, не может заменить исследователям пушкинского времени архив самого шефа жандармов.

КОММЕНТАРИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА «ЛГ»

* Малопонятно, почему подписавшие письмо называют ОР ГБЛ Румянцевским рукописным собранием, почему пишут: «Рукописное собрание Ленинской библиотеки, основанное более 125 лет назад графом Н. П. Румянцевым...»

Более 125 лет назад, в 1862 году, в Москве был основан Румянцевский музей (ныне ГБЛ). Но отнюдь не Н. П. Румянцевым, умершим почти за 40 лет до этого — в 1826 году.

Румянцевское же рукописное собрание — это всего лишь один из 820 фондов ОР.

БОЛЬШИЕ ЗАБОТЫ МАЛЕНЬКИХ ЛИТЕРАТУРЫ

В номере от 7 сентября мы начали разговор о литературе для самых маленьких, обратившись к мамам и папам, бабушкам и дедушкам с анкетой:

1. Какие книги были для вас первыми, «зачитанными до дыр», запомнившимися на всю жизнь? Читаете ли вы их своим детям и внукам? Если нет, то почему? Пользуются ли они у них успехом?

2. Какие книги стали первыми у ваших малышей, что вообще вы им читаете? Ориентируетесь ли в нашей сегодняшней детской литературе, знаете ли работающих в ней авторов?

3. Какой литературы для детей вам острее всего не хватает? Если бы издателем были вы, что бы вы выпустили в первую очередь?

4. Устраивает ли вас оформление книг для самых маленьких?

5. Собираете ли вы свою «малышовую» библиотеку? Если собираете, то делаете это целенаправленно или покупаете все, что попадется?

Первыми в разговор вступили три мамы — писательницы Татьяна Набатникова, Олеся Николаева, Анна Родионова: их беседа «Трынцы-брынцы, бубенцы» была опубликована в том же номере «ЛГ». В редакцию уже поступила большая почта, причем откликнулись не только родители, но и те, кто причастен к литературному процессу, к созданию книг для детей. Публикуем некоторые отклики. Приглашаем читателей к продолжению разговора.

НАДО АН ВЫРЫВАТЬ ЗУБЫ ДРАКОНУ?

В беседе трех писательниц о детской литературе я нашла много созвучного собственным мыслям, сомнениям.

У меня два сборника «взрослых» стихов, остальные книги — их более десяти — для детей. Совсем уйти во «взрослую» литературу мешает убеждение, что воспитывать (не стоит пугаться этого слова!) человека надо с детства не добрыми или злыми историями, а жизненной правдой, чтобы ребенок, повзрослев, сам мог разобраться, что к чему.

Помочь ему к моменту взросления определиться в жизни по главной позиции — делать добро людям, быть милосердным или грести под себя, на других плевать, лишь бы мне хорошо, — вот, на мой взгляд, задача детской литературы. Ведь и плюмбумы — опасное отклонение от нормы.

Да, мир несовершенен. И, бесспорно, нужно отражать это и в произведениях для детей. Так было в лучших книгах, на которых воспитывалось не одно поколение: «Лев и собачка», «Каштанка», «Гуттаперчевый мальчик», «Муму»...

Но еще совсем недавно не могло быть и речи о какой-то конфликтной ситуации в детской книжке! В моей повести-сказке «Молочный зуб дракона Тишки» тогдашний главный редактор издательства «Веселка» снял два листа из шести, поскольку там героев заточили в подземелье и принуждали работать: «Вы что, намекаете на советские концлагеря?» Это было в 1985 году. Книга вышла более «гладкой», без кажущихся начальству «параллелей». Думаю, что так было не только со мной.

И еще один немаловажный аспект. Уважаемые собеседницы назвали в основном имена прежних и теперешних писателей, живущих в России, и всего несколько имен из других республик. И это, к сожалению, закономерно. В самом деле, как быть тем, кого знают и читают в республиках, но как им добраться даже, скажем, до страниц «Литературной газеты»? Вы можете сказать, что в Москве есть издательство «Детская литература». Но, как известно, это издательство РСФСР и в нем лишь две редакции выпускают книги, переведенные с языков народов СССР.

И есть тут еще одна закавыка. Центральное издательство может быть заинтересовано в издании перевода с какого-то языка: подключить своего переводчика — уже дело, уже, прямо скажем, материальная заинтересованность. А какой интерес для центрального издательства представляет русский писатель из другой республики? Переводить его не надо, проку от него — ноль, тут своих русских хоть отбавляй.

Поэтому хорошо бы продумать такую систему, при которой как национальные, так и русские авторы, пишущие для детей и живущие в республиках, имели бы возможность выйти со своими произведениями на всесоюзного читателя. В том числе и с переизданием книг, признанных в своей республике.

Необходимо, на мой взгляд, во всех «взрослых» журналах и газетах отвести место для рецензий на детские книги, а может, и для публикаций детских произведений. Ускорить решение с выходом детской «Роман-газеты», расширив ее диапазон до младшего школьного возраста.

Одновременно хочу высказать искреннюю благодарность «Литературной газете» за то, что у нее, как говорится, руки дошли до этого наболевшего вопроса.

С глубоким уважением

Алла ПОТАПОВА

КИЕВ

АОРД ФАУНТЛЕРОЙ И ДРУГИЕ

Я родилась в 1923 году, старший брат — в 1913-м, и мои впечатления от книг связаны не только с советской, но и с дореволюционной литературой. Как и у других, первыми любимыми книжками были сказки Чуковского и еще книжка дореволюционного издания, на очень плотной бумаге, чудом сохранившаяся до сих пор, без фамилии автора, с яркими картинками — «Бабушка Забавушка и собачка Бум». Потом она стала любимой книжкой племянника, потом — моего сына, потом — внучки, которой теперь 7 лет.

Ярче всего помню книги, которые читала сама в 5—8 лет. Первой была «Маленький лорд Фаунтлерой». Я могла ее перечитывать без конца, потом оказалось, что мой вкус совпал со вкусом маленького Володи Ульянова... Работая в библиотеке, я как-то в беседе назвала школьникам эту книгу в числе любимых книг маленького Ленина — на свою голову, как говорится, так как дети тотчас стали спрашивать ее и недоумевать, почему же она отсутствует в библиотеке. Не объяснять же было им, что книжка не подлежит переизданию из-за чуждого соцпроисхождения маленького героя и других персонажей...

В современной детской литературе я ориентируюсь неплохо, так как сравнительно недавно ушла на пенсию из школьной библиотеки. У минских учеников начальных классов в последнее время самой популярной была выпущенная в Белоруссии книга Э. Скобелева «Необыкновенные приключения Арбузика и Бебешки». Мне кажется, эта повесть-сказка заслуживает того, чтобы ее выпустили в Москве для детей всей страны. Еще я бы переиздавала Заходера, Житкова. А из наших минских — В. Машкова «Как я был вундеркиндом».

Оформление книг для маленьких в последнее время яркое, детям нравится. Вот только есть книги с рисунками в условной манере, — знаю, что детей больше привлекают реалистические картинки (хотя сами они фантазеры).

Е. БОРИЧЕВСКАЯ

МИНСК

СКАЗОЧНЫЙ ДЕФИЦИТ

Полностью поддерживаю высказывание О. Николаевой о необходимости переложения для детей «Житий святых». Поддерживаю и в то же время боюсь. Боюсь не «Житий», конечно, а тех, кто будет их перелагать. Мне всегда казалось, что многие наши пишущие для детей литераторы склонны (не знаю, как и выразиться) к упрощению, что ли, к примитивизации того, что излагают. Произведения таких «писателей» напоминают, скорее, литературу для умственно отсталых взрослых, нежели литературу для детей. «Жития святых» — материал сложный, деликатный, вызывающий к тому же неизбежные опасения за атеистическую непорочность юных созданий. Переложение легко можно сделать плохим и тем самым загубить полезное дело... Что же касается «Анкеты ЛГ», то, думаю, многие не будут вам отвечать лишь потому, что уверены — это ничего не изменит.

Считаю нужным сказать то, что сейчас русские сказки в России превратили в дефицит, не только позорно, но и преступно. Интересный все-таки народ наши государственные служащие — сначала эти «слуги Отечества» духовно обворовывают ребенка (иначе не скажешь), а затем требуют от него искренней любви к Отечеству.

В «Анкете» был вопрос: целенаправленно ли вы собираете «малышовую» библиотеку? Извините, но, по-моему, это невозможно для рядового, не уцепившегося за какие-то льготы человека. Хорошей же детской литературы в магазинах практически нет. Если на прилавке появляется что-то приличное, папы-мамы немедленно образуют очередь и расхватывают то, что дают. Изумительно быстро расхватывают. А вы задаете вопрос о каком-то целенаправленном собирании.

А. МАРКОВ

ОМСК

СПАСИБО «МАКУЛАТУРЕ»

Вы посмотрите, что продается в книжных отделах московского «Детского мира» на площади Дзержинского — книжки в тонких обложках и книжки-раскраски. И все.

Хорошо еще, что мама сберегла некоторые мои книги: Маршака, Михалкова, Чуковского, «Сказки» Пушкина с рисунками Конашевича, «Алису» Л. Кэрролла... Все они в твердых обложках, большого формата. А как можно сохранить сегодняшние книги, если обложка у них отрывается после первого же чтения, а затем вылетают листы?

Однако, судя по отделам обмена в книжных магазинах, не все родители находятся в таком бедственном положении, как я. Недавно я была свидетелем, как одна женщина принесла целую стопку таких книг, о которых я могу только мечтать: и Э. Успенский, и «Волшебник Изумрудного города» Волкова, и «Незнайка» Носова, новое издание «Почемучки» и многое другое. Все книги выпуска 1986—1988 гг., все новые, в подарочных переплетах. Где простому смертному взять такие книги? Я часто бываю в магазине «Орленок» в Безбожном переулке, но ни разу не видела подобных книг в продаже.

Сейчас мои дети читают «макулатурного» Карлсона и Винни-Пуха, «макулатурные» русские народные сказки, сказки зарубежных писателей. Вот вышла книга Б. Житкова «Избранное». Конечно, этого недостаточно. Но хоть на этом спасибо, хоть «макулатура» нас выручает. Может быть, имеет смысл один год отдать «макулатуру» только детским изданиям? Хорошо, что принята комплексная прорамма по выпуску детских книг из 195 названий. Но кто даст гарантию, что «простые смертные» смогут купить эти книги? А с помощью макулатуры эту проблему решить все-таки можно.

И. КОРЯГИНА

МОСКВА

ЗОЛОТЫЕ СЛЕДЫ

Владимир Чивилихин. «Дорога». Роман. Журнал «Наш современник», №№ 4—7.

Куприн написал о Гарине-Михайловском, что он исколесил всю Россию и повсюду оставлял золотые следы; его деловые проекты всегда отличались пламенной, сказочной фантазией..

По свидетельству Максима Горького, Савва Мамонтов, строитель Северной дороги, проживший жизнь среди таких людей, как Федор Шаляпин, Врубель, Виктор Васнецов, о Николае Георгиевиче Михайловском, инженере и писателе, говорил: «Даже инженерскую тужурку свою талантливо носил».

Владимир Чивилихин вырос на станции Тайга, основателем которой был тот же Михайловский, оставивший о себе память повсеместно. С юности в душе Чивилихина жила мечта написать о Гарине-Михайловском. Кто из нас не увлекался в юности его «Детством Тёмы» и «Гимназистами»? Но много ли мы знаем об авторе этих книг, прожившем жизнь с умным, веселым размахом — писателе, инженере-путейце, путешественнике, публицисте, земце, сказочнике, социальном реформаторе, неутомимом искателе живой воды.

Журнал «Наш современник» напечатал неоконченный роман Владимира Чивилихина о Гарине-Михайловском «Дорога», начатый еще в семидесятых годах, разросшийся во многонаселенное и многоплановое повествование об эпохе, но, увы, оставшийся в черновиках. Вдова писателя Елена Владимировна Чивилихина проделала поистине адову работу, разбирая и соединяя написанные трудным почерком фрагменты.

Читая страницы, написанные естественно, предметно и, я бы сказал, весело (как бы в духе самого Гарина-Михайловского), не знаешь, чему более дивиться — художественному открытию не так уж (сравнительно!) давней эпохи, предстающей в живописных лицах, или переменам, которые происходили с Владимиром Чивилихиным.

Начну с последнего. На протяжении краткой, но неутомимо деятельной жизни Чивилихин несколько раз поразительно менялся, оставаясь все-таки самим собой. В этом легко убедиться, перечитав такие его ранние вещи, как «Про Клаву Иванову», «Серебряные рельсы», «Пестрый камень», или написанные а зрелом периоде — «Шведские остановки», «По городам и весям» и, наконец, «Память», получившую всенародную известность. Перечень все-таки неполон, если не добавить к этому «Зеркало души», сборник, вышедший после смерти Чивилихина, вобравший в себя из ранее не собранного и публикуемого впервые.

При всех очевидных художественных переменах Чивилихин упорно сохранял свой журналистский заквас — писал ли он о кедрах в тайге, о героях-изыскателях, шедших из Абакана в Тайшет, или о том, как русский средневековый городок выдерживал осаду кочевников. «Память», конечно, осталась главной книгой Чивилихина, проведшего необыкновенно темпераментный репортаж из глубин истории. И вот теперь перед нами «Дорога», роман, точнее, отрывки из огромной незавершенной книги, написанные увлеченной рукой опытного романиста, производящие (самое удивительное!) целостное впечатление.

Перед глазами проходит конец девятнадцатого столетия, когда завязывались и обозначались узлы истории — разрубить их было суждено двадцатому веку. Невольно напрашивается аналогия. Сегодня все мы одновременно работаем и на двадцать первое столетие, которые будут собирать урожай, посеянный нами в бурные дни капитальной перестройки. Владимир Чивилихин (недаром Пушкин называл журналистов людьми государственными) предчувствовал настоящее время. Его — Чивилихина — девизом было: пиши досконально правду, потому что это нужнее всего сейчас. И еще его важнейший лозунг-правило: поддержка народа сильнее поддержки начальства. Постоянно вспоминаю, с какой государственной яростью боролся Чивилихин с безумным проектом поворота рек, отстаивал сохранение природных богатств страны, сомкнувшись в походе за охрану окружающей среды с неутомимым Леонидом Максимовичем Леоновым.

Главное в романе — мотив дороги, раскинувшегося и еще предстоящего пути. Недаром эпиграфом поставлены юношеские стихи Михайловского: «Сердце рвется на простор, сердце ищет дела». Мотив традиционный в русском искусстве, вспомним «Путешествие...» Радищева, «Письма русского путешественника» Карамзина и, наконец, «Владимирку» Левитана или дорожные стихи Александра Блока. Не случайно Чивилихин на страницах романа сводит Михайловского, еще только начинающего путь, с путешественником-писателем Станюковичем, автором морских рассказов, которые и поныне пленяют юношество. Именно Константин Станюкович—по Чивилихину — преподнес будущему писателю первый общественно-литературный урок: «...честный литератор, как выразитель интересов большинства, не выгоден ни одному правительству, потому что все правители на земле сейчас держатся на обмане своих народов. Я так и сказал американскому писателю Джорджу Кеннану, посетившему меня в Томске. Интереснейший, кстати, человек! Досконально изучил Сибирь, хорошую книгу о ней написал. И чувствительный, как наш брат русский интеллигент».

Умная, деятельная жизнь не бывает бесплодной. Это давнее положение подтвердил Владимир Чивилихин своей биографией. Это подтверждают и его любимые литературные герои, представители самых различных слоев общества. Мы видим прекрасное лицо Николая Георгиевича, блеск его глаз, чистые и умные линии его лба. Живой человек! А героев в произведении много, они все наделены своеобразными характерами, как говорится, каждый из них на свой лад.

Таков, к примеру, образ Петра Александровича Валуева, государственного деятеля, работавшего некогда со знаменитым Сперанским, бывшего в шестидесятых годах министром внутренних дел, руководившего так называемой земской реформой, автора интереснейших записок, в частности «Мысли невоенного о военных делах», создателя обширных дневников, которые и сегодня читаются с захватывающим интересом, одного из противников революционного движения, предвидевшего, однако, крах империи. Чивилихин показывает Валуева таким, каким и был он, не поступаясь романной и исторической правдой.

Подробно рисует Чивилихин, как жизнь помогает честным и ищущим героям изживать иллюзии, обнажая действительность во всей ее невыдуманной полноте: «Нет, не верилось, не хотелось верить, что от этих вот горячих южных полей до бесконечно далекого самарского Заволжья так живет сейчас Сеятель и Хранитель, стихи о котором читались еще в гимназии! Абстрактного того мужичину, помнится, жалко было незрелой полудетской жалостью, а вот он живой перед тобою, с неподкупной общероссийской правдой, какую дружно подтверждают новыми адресами и подробностями все сидящие вокруг усталые люди...»

Перед нами проходят события то на Балканах, под Плевной, то в Симферополе, то в Севастополе, то на Малаховом кургане, обильно политом кровью... События мы видим глазами героев: «И только после рождества Николенька сообщил, что их отряд обошел Шипку с юга, спустился в равнину по скользким скалам и окружил Вессель-пашу, который этого никак не ожидал и сдался. К Скобелеву будто бы стекаются со всех сторон болгары-ополченцы и просто всякие «братушки», чтобы поглядеть на него...» И далее: «Скобелевский авангард, преследуя бегущих турок, взял Адрианополь, на плечах неприятеля ворвался в пригород Константинополя Сан-Стефано». Так памятные исторические события предстают перед нами в своей будничности и поэтому производят наибольшее впечатление.

С особой симпатией рисует Чивилихин образы простых людей: «Молодой кучер Листрат, что долго и негромко пел в темноте унылую свою песню, в которой сквозила неизбывная тоска по какой-то иной, неизвестной жизни, замолкает, наконец, идет на конюшню спать...»

Последней фразой в своем незаконченном фрагменте Чивилихин поставил вопрос, который всю жизнь мучил Гарина-Михайловского и лучших людей, его окружавших: **«Где правда и где в жизни сознательное место борца?»**

Жаль, что писателю не хватило времени показать Гарина-Михайловского во время работы над сооружением Великого Сибирского пути — в этом был замысел романа, посвященного созидательным историческим силам народа и «соли земли», как в былые годы называли русскую интеллигенцию, оставившую золотой след в отечественной истории.

Евгений ОСЕТРОВ

Журналы: МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ

ЗАКОН ГИППОКРАТА

Александр Великин. «Санитар». Повесть. Журнал «Знамя», № 6; Дмитрий Притула. «Ноль три». Роман. Журнал «Нева», №№ 6, 7.

Воистину в каждой случайности являет себя некая закономерность. Почти одновременная публикация в московском и ленинградском журналах произведений, где главные герои — врачи «Скорой помощи», конечно же, случайность, но за нею угадываются вовсе не случайные процессы духовной жизни нашего общества. Идея милосердия, ставшая сегодня столь популярной, отражает ту озабоченность, которая растет в обществе, испытывающем потребность в преодолении своих нравственных недугов. Эта идея созрела закономерно в атмосфере всеобщего интереса к так называемым «белым пятнам» недавнего прошлого, красным от крови и черным от беспримерной жестокости.

О доброте, милосердии, человечности много пишут и говорят сегодня, и на фоне этой гуманистической идеологии кажется вполне естественным появление произведений, где главные герои—люди самой гуманной профессии. Да к тому же еще написанных теми, кто, пожалуй, лучше кого бы то ни было знает, что почем в этой профессии, — врачами «Скорой помощи». Кстати замечу, что в этой метаморфозе — врач становится писателем — есть свой особый смысл: может быть, изучение болезней общества даст наиболее убедительные результаты, если вести его именно в той сфере, где каждый день идет борьба с болезнями отнюдь не метафорическими и где действует либо нарушается завет великого древнегреческого врачевателя Гиппократа, получивший в цивилизованном мире статус закона: нон ноцере — не причинять вреда.

Профессионализм и нравственность в одинаковой мере обеспечивают действие «закона Гиппократа». И не только в медицине. Всюду. В литературе, естественно, тоже. И уж коли врач вступает на литературное поприще, то тут, как говорится, сам бог велит ему держаться великого принципа, ибо писатель — тот же врачеватель, с той лишь разницей, что он не занимается впрямую лечением общественных недугов, а через их правдивое и резкое изображение очищает сознание и души своих сограждан от болезнетворной грязи безнравственности.

С этой точки зрения, название повести А. Великина имеет отношение не только к профессии героя, но и к новой (то есть писательской) профессии автора. Правда, я знаю, что А. Великин пишет прозу давно, однако «Санитар» — первая его вещь в печати, и надо отдать должное редакции «Знамени», открывшей для своих читателей новое литературное имя. И если художественный смысл «Санитара» станет нам ясен сколько-нибудь, то заодно мы поймем и тот побудительный мотив, который заставил врача обратиться к литературному творчеству.

По-хорошему удивляет то, что повесть написана профессионально, неизбежный у начинающих писателей дилетантизм в ней не виден (ну разве что иногда попадаются «красивости» вроде выражения «услышал взгляд», но в общей метафорике повести и они выглядят естественно; а какая хорошая фраза, например, «задышал западный ветер сырым молоком»).

Внешне выраженного сюжета — как системы взаимообусловленных событий — в повести нет, но есть в ней сюжет скрытый, есть центральное событие, дающее импульс рассказу о буднях доктора Антона Сергеевича Серого. Это событие — разговор Серого с «симпатичным мальчиком», субординатором-практикантом Мишей, который работу на «Скорой» воспринимает как временное зло — пройти поскорее через это зло да заняться чистой наукой, изучать состав крови у шизофреников (тоже, конечно, вещь необходимая, но...), чтобы видеть этих плебеев, работающих на «фельдшерском» уровне и не помышляющих о каком-либо научном росте. Мише непонятно, почему Серый, талантливый врач, не уходит из «Скорой». Но Серый и сам этого не понимает: «Вы давно на «скорой»?» «Давно»... «И вам не надоело?» «Надоело». «Почему же не уходите?» Этот разговор с Мишей всадил сильнейшую занозу в сознание Серого, и он невольно стал рефлексировать, пытаясь понять самого себя, чтобы ответить и на вопрос заносчивого субординатора, и на собственные сомнения.

В юности, студентом, Серый мечтал открыть вакцину против рака, прославиться, стать академиком. Однако уже на четвертом курсе института он сделал совсем другое открытие. Серый увидел изнанку «божественной» медицины, которая оказалась не только не всесильной, как мнилось ему когда-то, а зачастую просто бессильной. Если не варварской. «Мастэктомия, которую профессор Кабанов произвел тридцатилетней красавице по поводу опухоли молочной железы. Серому душу вытрясла на всю жизнь. Он и сейчас помнит и никогда не забудет, как шлепнулось в белый эмалированный таз то, что было красой женской, как мощно выдирал профессор волосатыми лапами гроздья лимфатических узлов из нежной подмышки, а ее еще и кастрировали, эту женщину, муж которой рыдал на парадной лестнице, когда шла операция. Она бы не жила без операции, это Серый понимал. Но как же можно кричать о всесилии, важничать, выгибать грудь, умничать, если мы делаем такие операции и ничего толком не в состоянии вылечить?»

Примерный и благонравный студент стал явно впадать в ересь. А потом — потеря лучшего друга. Все тот же проклятый рак. И ни малейшего намека во всей мировой медицине на возможность что-то действенное противопоставить этой гнусной болезни. «Тогда он и возненавидел, раз и навсегда, — все и разом, — клиники, их размеренную академическую тягомотину, белые крахмальные воротнички и, туда же, белые крахмальные халаты, сюсюканье с кафедр, прихлебывание чая и рассуждения о патогенезе болезней, про которые, теперь Серый знал это твердо, и понятия не имел, возненавидел весь этот наукообразный орнамент. И в нем шиш с маслом, называемый врачебной наукой. Прорвалось — профессорские свиты, ритуальное подавание полотенца, жреческое закатывание глаз, набитый терминами язык, которым он и сам еще вчера щеголял как последний фанфарон, все — обман. Обман».

Максимализм? Нетерпение, которое как правило, идет рука об руку с нетерпимостью? И да, и нет. Во всяком случае, это максимализм не циничного нигилиста, а жаждущего справедливости демократа, которому равно ненавистно любое разделение на «верх» и «низ» в обществе, будь то социальная, научная или иная сфера.

Серый окончил институт, на распределении ему предложили «Скорую», и он мгновенно согласился. И не пожалел. «Скорая» дала движение, возможность изводить себя трудом пахаря. Она дала усталость поработавшего всласть трудяги. Она давала пусть какой-нибудь, но немедленный результат.

Первоначальная эйфория, однако, со временем сменилась состоянием уравновешенного, хотя и жесткого критицизма. Бесшабашное молодечество первых лет работы на «Скорой» было разбито вдребезги размеренным молотом реальности. Испытывать унижение, когда больной сует тебе в карман смятую трешку и когда приходится самому делать денежные подношения служителям медицины, носиться в любую погоду и любое время суток на «дрянных, вонючих машинах, без нужных препаратов, с ржавым железным ломом», вытаскивать пьяных из луж, ненавидеть себя за искушение присвоить вынутые из кармана «пса» деньги — неужели всего этого мало, чтобы разочароваться в «скоропомощной» романтике? И однажды Серый дрогнул. «Одно желание овладело им — бежать. Рвать — так сразу и со всем!» Убедил себя, что никакой он не врач, ушел со «Скорой», устроился в поликлинику статистиком, сочинял липовые отчеты, «потому что, если не давать липовую отчетность, деятельность медицины сочтут неэффективной». Жена не понимала его нового умонастроения; размолвка тихо тлела, пока не вспыхнула уходом Серого из семьи... Но поликлинический «рай» обернулся для Серого в конце концов «адом». Герой наш понял, что «живет жизнью подлой». Случай помог ему: пришлось как-то оказать помощь упавшему без сознания в коридоре поликлиники больному — и возродились силы, пришло решение вернуться на «Скорую».

Это возвращение счастья Антону Сергеевичу не принесло, но наступила та полоса в его жизни, когда исчезают у человека былые колебания и сомнения (надо было пройти через них), и он, убежденный в правильности избранного пути, со спокойно-твердым стоицизмом следует своему призванию. А какое у Серого призвание? Почему обреченная на смерть (и знающая, что она обречена) молодая женщина, уже умирая, горевала, что не доктор Серый приехал к ней на последний в ее жизни вызов «Скорой помощи»? Да потому, что есть у Серого дар, без которого никакие дипломы и звания не значат ничего. Этот дар — человечность.

Юная помощница Серого, Таня Семочкина, не понимает, как можно помогать, например, человеку, который в минуту, когда жизнь его повисла на тонкой паутинке, думает о своем бумажнике, о пыжиковой шапке... «Лечи таких! Я не знаю, что бы таким сделала!»

Серый ничего не говорит ей: чужой опыт не поможет, надо самому до всего дойти. Возмущение ее понятно, но «нельзя ему поддаваться, заведет далеко». Превратится в стойкое презрение к людям, а, презирая, как их лечить? Мы не можем быть судьями других, потому что сами — люди.

Так думает доктор Серый, на том стоит он и не может иначе.

В утверждении приоритета человеччости — в любой профессиональной деятельности — мне и видится ключ к художественному смыслу повести А. Великина.

Гораздо труднее мне было понять смысл романа Д. Притулы. Слишком много оказалось в нем загадок. Опять же взять название. Звучит оно многообещающе: в нам уже как бы запрограммированы интереснейшие и продуктивные возможности — и стремительность повествовательного потока, и сопоставление службы «03» с другими оперативными службами, и тема формализма в здравоохранении, и изображение бедственного состояния нашей медицинской сферы. Прекрасная метафора для «остаточного» принципа — ноль целых три десятых, крохи, которые достаются здравоохранению наряду с народным образованием и культурой, в сравнении с гигантскими суммами, идущими в другие сферы.

Между тем с каждой новой прочитанной страницей нарастает недоумение: роман-то, оказывается, совсем не про то, медицинская тематика в нем — нечто вроде приправы к основному блюду, а главное — жизнь героя, от лица которого ведется повествование, за пределами его профессионального труда. Особенно загадочным показалось мне то, что Д. Притула наделил своего героя авторскими полномочиями, никак не мотивировав этот свой ход. Совершенно непонятно, с какой целью и кому рассказывает о своей жизни Всеволод Сергеевич Лобанов, врач «Скорой помощи». Правда, мы имеем дело с журнальным вариантом романа, и, возможно, полный текст содержит необходимые мотивировки.

Но уж исповедальный характер романа нельзя никак «сократить» или «порезать», а в такого рода прозе, как известно, основной пружиной сюжета должно быть искреннее и направленное к истине стремление героя-рассказчика разобраться в своей жизни, осознать свои цели, мотивы своих поступков и реакцию на них окружающих... Ну и, естественно, уровень самоанализа героя и его жизненная философия должны быть высокими настолько, чтобы они явились важными, содержательными и для читателя.

Ничего подобного в романе нет.

Если герой А. Великина честно и бесстрашно называет все принципиально важные моменты своей жизни, то Лобанов, при всем его многословии, кое-что весьма существенное утаивает от самого себя. Или, во всяком случае, некоторые щекотливые вопросы обходит, как бы не замечая их. Ну, например, вопрос о том, какое место в его жизни занимает работа. Почему этот вопрос возникает? Да потому, что в своей «исповеди» Лобанов предпочтение отдает тому, что прямо к его работе не относится.

Рассказывает о том, как познакомился с парнишкой, у которого отец был алкоголиком, как приохотил его к чтению, привил любовь к истории, снабжая редкими книгами, как парнишка вырос, увлекся литературным сочинительством, написал повесть о Каховском; Лобанов выступает в роли первого читателя и критика юного автора.

Рассказывает о своих отношениях с любовницей. Она молодая мать-одиночка, работает библиотекарем, живет в общежитии, ютится в комнатушке с дочкой в ожидании отдельной квартиры. В свободное от дежурства на станции «Скорой помощи» время Лобанов проводит часы «отдыха» у Наташи: никто об этой стороне его жизни не знает, может быть, поэтому угрызениями совести Лобанов не терзается. А чего терзаться? Жена и сын о его адюльтере не ведают, все нормально, и жизнь прекрасна. Но сам-то он понимает, что делает? Понимает ли, что значит в жизни человека личная тайна? Что она делает невозможным полноценное человеческое общение, что неискренность войдет в его отношения с Павликом, сыном, и с Андреем, начинающим прозаиком, и с женой, и с коллегами? Ведь должен понимать, сорок три года человеку как-никак, да и врач он опытный и авторитетный (таким он сам аттестует себя перед читателем). Стало быть, не хочет понимать, сам с собою хитрит. А когда рассказывает о разных курьезных случаях из своей практики, замечает ли он, как неестественно бесстрастен его тон?

Нет, он замечает, что его рассказы слишком однобоки своей «невеселостью», и, вероятно, чтобы несколько развеять мрачноватость предлагаемых читателю «картинок жизни», Лобанов подпускает немного иронии, немного шутливости, немного пафоса. «Случись, к примеру, мне рассказывать о семейной жизни, тоже однобокое может выйти представление. Что-то не вызывают нас для того, чтобы порадовать долгим миром и счастливой улыбкой, нет, вызывают нас в случае семейной войны, вернее, последствий этой войны, как-то: побои, разбитая голова, стенокардия после очередной ссоры». Какая тонкая усмешечка! «Что-то не вызывают нас...» Да ты где, мил человек, работаешь, не перепутал ли чего?

Нет, ничего не перепутал Лобанов. Он торопится разделаться с собственно медицинской частью своего повествования, чтобы перейти к самому «главному». А самое главное для него — это, во-первых, история его отношений с Наташей; а во-вторых, история противостояния Алферову, заведующему станцией «Скорой помощи», который очень сильно невзлюбил Лобанова, чуял в нем соперника, так невзлюбил, что всю мощь своей небольшой бюрократической власти направил на выживание Лобанова со «Скорой».

Действовать методами Алферова, то есть пакостить человеку всеми возможными способами, Лобанову не позволяет интеллигентность. Так можно интерпретировать его объяснение того упорства, с которым он и не уходит, и не вступает в борьбу. Но как видит Лобанов свою конфронтацию с Алферовым? Как вечный антагонизм между хамом и нехамом. Ему и в голову не приходит спросить себя: а что же случилось с Алферовым, откуда такая метаморфоза? Был врач как врач, не шибко талантливый, зато аккуратный и знающий дело, никакими замашками хама не отличался, а тут на тебе — стал начальником, и откуда что взялось. В чем дело, почему? А вот как раз в этом — так устроен Алферов, хам он от природы, и все тут. И объяснять нечего.

Нет, это не признак ограниченности Лобанова, это такая позиция. То есть ограниченность, разумеется, налицо, но не в ней дело, она, скорее, следствие позиции. Какой позиции? А вот какой.

Это такая простодушно-хитроватая убежденность, что если ты хороший специалист, профессионал в своем деле, то остальное — пустяки.

Когда главврач, навестивший Лобанова в больнице, куда тот угодил с приступом стенокардии (приступ, между прочим, произошел во время очередного свидания с Наташей), заикнулся о том, что в случае с Алферовым, развалившим работу станции, есть доля вины и Лобанова, тот разозлился до такой степени, что возражал почти оскорбительными словами, назвав собеседника демагогом: «Назначив Алферова, вы поступили непрофессионально. Желание спокойной жизни — желание именно демагога, а не профессионала. Так что я здесь ни при чем».

Что-то крайне любопытное есть в этих словах, и мне кажется, я начинаю догадываться. Да он же перевертыш, этот Лобанов. Это же он себя защищает, обвиняя в демагогии и непрофессионализме главного врача больницы. И это именно у него, Лобанова, желание спокойной жизни, только есть тут одна хитрость: надо было ему все обставить так, чтобы ни у кого и тени подозрения не возникло, что он вынашивает мечту стать заведующим станцией, в том числе и у читателя. Ну просто детектив!

А ведь однажды Лобанов сказал о себе правду, в самом начале «своего» романа, только я как-то невнимательно отнесся к его словам:

«Нет, чего там, я люблю свою работу, но всего больше люблю конец дежурства. Потому что всякий раз ты вылетаешь обалделый от счастья и своей свободы, и в тебе сидит нехитрое философское соображение — возможно, в окружающей жизни есть несовершенства, но все-таки жизнь эта прекрасна.

Когда ты едешь в машине и как бы со стороны видишь городскую жизнь, то испытываешь непереносимую зависть: господи, ну как это замечательно бежать трусцой к парку, неторопливо идти с подругой, гулять с детьми. Глупые! Ну что они все ссорятся, пакостят и отравляют друг другу жизнь! Только кончится смена, и у меня начнется новая, вовсе замечательная жизнь, уж я сумею ценить отпущенное время, дорожить счастливой минутой».

Да, «философское соображение» о том, что «возможно, в окружающей жизни есть несовершенства», действительно нехитрое соображение. Даже более чем нехитрое. Как, впрочем, и мысль о новой, замечательной жизни, как признание, что больше всего наш герой любит конец дежурства, как мечта о том, чтобы ценить отпущенное время и дорожить счастливой минутой. Не из этой ли мечты вырос роман с Наташей?

Да нет, не любит он свою работу, притворяется! И суровые сентенции его о профессионализме — маскировка, не более того. Дилетант он, обыкновенный дилетант, каких много в любой профессиональной сфере.

И если все это так, если именно в этом состоял замысел Д. Притулы — показать типичного среднего работника медицины, по воле случая, а не по призванию попавшего в «службу милосердия» и обреченного не на научную, а на административную карьеру, — этот замысел воплотился с полным успехом.

Ну а если все рассказанное Лобановым о себе рассказано без расчета на «обратный эффект», если автор хотел показать обыкновенного «хорошего» человека с обыкновенными человеческими слабостями, — тогда... тогда, значит, я неправ.

Но, сравнивая Лобанова и Серого, я четко вижу два совершенно разных типа, две противоположные позиции. У одного работа и «свободная» жизнь разделены и между ними нет связи, пропасть; у другого жизнь и работа — единое целое, как едины профессиональное и человеческое. Кто из них истинный служитель милосердия, кто принял гиппократову заповедь как закон своей жизни и кто всего лишь ловкий притвора, по-моему, ясно.

Валерий ЛЫСЕНКО

Художник и книга

Иллюстрации А. ДУГИНА к книге Рюсукэ Сайто «Огненный конь». Издательство «Детская литература». М. 1985.

Светлана СЕЛИВАНОВА

АМЕРИКАНЦЫ ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ

Встречи, беседы, комментарии

В Эвансто́не, близ Чикаго

Ирвина Уайла, профессора Северо-Западного университета, что расположен в Эвансто́не, неподалеку от Чикаго, коллеги шутливо называют советским консулом в Америке. Началось все в юности. В девятнадцать лет запоем прочел «Преступление и наказание» Достоевского, тогда же решил — станет русистом. И стал. Сегодня он один из известных в США специалистов по русской литературе и, как я убедилась, приехав по его приглашению для чтения лекций в Америку, один из любимых у студентов профессоров. Кстати, этот факт засвидетельствован, и вполне официально, результатами социологического исследования, проведенного популярным в американской студенческой среде журналом «Newsweek On Campus». Очередной номер журнала с портретом Ирвина Уайла и с рассказом о нем вышел как раз в дни моего пребывания в Чикаго.

Страноведческий курс Уайла «Введение в Советский Союз» растет год от года. Сегодня его слушают более восьмисот человек. Я присутствовала на одной из лекций. Речь шла о «Тихом Доне» Шолохова. Меня удивили вопросы (студенты задают их с места, не вставая, прямо по ходу лекции). Удивили своей дотошностью. Спрашивали о донском казачестве — об этнической принадлежности, истории, быте, обычаях, одежде. Даже о песнях. О песнях, как я поняла минутой позже, спросили не без явного умысла — студенты хорошо знали артистические способности своего профессора. Тут же при полном восторге аудитории Ирвин замечательно исполнил старинный казачий романс.

Вообще надо сказать, что курс, который читает Ирвин Уайл, не совсем для нас привычен. Студенты узнают нашу страну через вершины ее литературы — Пушкина, Достоевского, Толстого, Горького, Шолохова, одновременно получая необходимые сведения по культуре, истории, политике. Курс далек от сухого академизма. Я бы скорее назвала его просветительски-культурологическим. Это — начало знакомства с Советским Союзом, который Уайл знает не понаслышке. Он почти ежегодно бывает в нашей стране, активно сотрудничая с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького. Многие из тех, кто прослушал его курс, выбирают потом русский своей специальностью. В последние три года, рассказывает Уайл, количество желающих изучать русский возросло многократно. Это, конечно, связано с идущей в нашей стране перестройкой, с появлением у американских студентов перспективы — будет работа, можно поехать в Советский Союз. Ирвин Уайл усиленно ратует за расширение студенческого обмена. Главное, считает он, увидеть страну, которую изучаешь, собственными глазами, иметь возможность языковой практики. Раньше это было почти невозможно. Сейчас легче.

И все же сложности, как я убедилась, остаются.

«Осенний марафон» на черном рынке

Эта встреча состоялась в Национальном лингвистическом центре по иностранным языкам, расположенном на территории Университета Джонса Гопкинса в Вашингтоне. Центр создан в прошлом году и субсидируется четырьмя частными фондами. Его задача — способствовать более широкому и профессиональному изучению иностранных языков в США.

Мои собеседники — известные американские русисты профессора Дэн Дэвидсон и Ричард Брехт, оба активные деятели Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Дэн Дэвидсон — вице-президент ассоциации, оба — лауреаты золотой медали имени А. С. Пушкина, высшей награды ассоциации (кстати, такая медаль есть и у Ирвина Уайла, стоящего у истоков МАПРЯЛ: в 1967 году в Париже, где прошла первая учредительная конференция ассоциации, он представлял американскую сторону). Кроме того, Дэн Дэвидсон и Ричард Брехт — основатели и неизменные лидеры Американской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (АСПРЯЛ), она существует в Америке с 1974 года. Здесь, в Национальном лингвистическом центре, где ведутся исследования и разрабатывается методика изучения практически всех мировых языков, они, естественно, представляют русский.

Особую свою роль центр видит в пропаганде мало изучаемых сегодня языков, но тех, которые, по прогнозам специалистов, выйдут на авансцену мировых языков в будущем веке. Это русский, японский, китайский, арабский. Как видим, язык нашей страны в этом списке лидирует.

Деловитость американцев проявляется еще и в том, что они всерьез думают о завтрашнем дне. «Мы — люди прагматичные», — смеется Дэн. Моих собеседников не устраивает то положение русского языка, которое он занимает в системе современного американского образования, тем более если учитывать прогнозируемые перспективы его будущей значимости. Здесь, считают они, нужны решительные перемены. Прежде всего нужна точная информация: сколько человек в США изучает сегодня русский в школах, в вузах, какими кадрами американская русистика располагает, каковы ее потенциальные возможности, каковы потребности. Сбором такой информации недавно и занялась АСПРЯЛ, послав запросы в каждый штат, в каждый город. Ответы случались порой и комические: данными не располагаем, обратитесь в АСПРЯЛ. И все-таки в результате удалось создать компьютерный банк данных.

Вот цифры 1987 года: русский язык преподается в 800 школах (до этого считалось, что таких школ что-то около пятисот). Количество обучающихся — примерно 8 тысяч, преподавателей — 600—700 человек.

А вот статистика по вузам (данные 1986 года). Русский изучают 34 тысячи студентов и аспирантов. Он на пятом месте после итальянского — им занимаются 40 тысяч человек. Японским же — 24 тысячи. Цифры, может быть, и не очень высокие, но по сравнению с 1980 годом они выросли вдвое.

Растет и нужда в преподавателях-русистах. В прошлом году в США защитили диссертации по русистике 23 человека, а вакансий по стране было 55. В этом году ожидается примерно 18 защит, но уже сейчас известно, что вакансий будет не меньше 65. Как восполнить этот дефицит? АСПРЯЛ обратилась в Минвуз СССР, и в этом академическом году в американских университетах работали 30 советских преподавателей. Кстати, с некоторыми из них мне довелось встретиться — все в один голос говорили о серьезном интересе к русскому у американских студентов, поэтому нагрузка была немалая, преподавателей явно не хватает.

Дэн Дэвидсон и Ричард Брехт считают, что если АСПРЯЛ в ближайшее время не сможет подготовить свои собственные кадры, своих преподавателей, то их места займут эмигранты из Советского Союза. А они зачастую всего лишь носители языка, но не специалисты и, по мнению моих собеседников, держать общенациональный уровень американской русистики не могут.

В том, что тревога имеет основания, я убедилась сама, побывав на многих университетских кафедрах Чикаго, Вашингтона и Нью-Йорка. Почти на каждой кафедре процент преподавателей-эмигрантов очень велик. Среди них, конечно, есть и замечательные специалисты, но есть и те, кто попал в преподаватели явно случайно. По большей части это представители так называемой третьей эмиграционной волны, люди самых разных профессий, но отнюдь не филологи. К тому же порой настроенные к нашей стране довольно враждебно, мало знающие и ценящие ее художественные традиции, ее культуру.

Итак, одна из главных забот АСПРЯЛ — подготовка собственных квалифицированных кадров. Но решить эту задачу невозможно лишь односторонними усилиями. Со стороны Советского Союза нужны серьезные ответные шаги. Казалось бы, уж за этим дело не станет. Ведь кто, как не мы сами, заинтересован в росте американской русистики — речь-то в конечном счете о престиже нашего родного языка в Соединенных Штатах, а следовательно, и престиже страны в целом.

Но, как это ни парадоксально, тут-то и начинаются самые большие сложности. Ну вот хотя бы такие.

ДЭН ДЭВИДСОН и Ричард Брехт вместе с советскими специалистами являются авторами первого учебника русского языка для американских вузов. Учебник выдержал уже четыре издания. В этом году он будет обновлен — АСПРЯЛ с этой целью пригласила в США советских авторов. Есть и еще один учебник (Дэн Дэвидсон и Ричард Брехт также в числе его авторов) — для второго этапа обучения. Идет работа и над третьим, который будет называться «Русский язык: этап три». Существуют и проекты издания специальной советско-американской школьной серии. Одним словом, замыслов много, и можно быть уверенными, что они осуществятся — уровень сегодняшней советской и американской русистики тому гарантия.

Вопрос в другом: дойдут ли все эти книги до тех, кому они крайне необходимы — до американских студентов? Речь, поясняют мои собеседники, о крайне неудовлетворительной работе книжно-торговых советских организаций. Учебники издаются в Москве издательством «Русский язык», АСПРЯЛ посылает в СССР заявки на нужные ей издания — ответа часто не получает. В результате десятки тысяч студентов сидят без учебников, которые американцы сами и написали. Особенно острые моменты были в 1980—1981 годах, когда ввиду невозможности приобрести советско-американские учебники многие американские преподаватели стали терять доверие к АСПРЯЛ, говорили, что надежней заниматься по старым американским учебникам — уж их-то можно выпустить столько, сколько потребуется, хотя их уровень, конечно, очень и очень далек от совершенства.

Не лучше обстоит дело и с художественными текстами, особенно с текстами новейших авторов. Институт русского языка имени А. С. Пушкина, где обучается основной контингент зарубежных студентов, не всегда может обеспечить их даже произведениями самых популярных советских писателей.

Недавно, рассказывает Дэн Дэвидсон, к нему с отчаянной просьбой обратился один из руководителей московской группы американских студентов: «Дэн, достаньте тексты рассказов, которые появились в советских журналах в 1987 и в начале 1988 года, — здесь, в Москве, невозможно сделать копии». И вот из США пересылаются копии наших журналов в Советский Союз. Не парадокс ли? И, надо сказать, довольно грустный.

А ВОТ **еще один** из грустных парадоксов, а если выразиться не столь деликатно, как Дэн, то парадоксов просто-напросто постыдных.

Когда я вернулась из Америки, некоторые из моих знакомых спрашивали, есть ли там дефицит, я отвечала: да, есть, на советские видеофильмы. Их записывают нелегально, продают на черном рынке, естественно, по спекулятивным ценам. Сама в одном американском доме видела плохого качества видеокопию нашего «Осеннего марафона». Сколько уже лет добивается АСПРЯЛ, чтобы Госкино СССР организовало продажу для американцев, изучающих русский, советских фильмов, а воз и ныне там. Пытались действовать по своим налаженным каналам — по безвалютному обмену передали Институту русского языка имени А. С. Пушкина компьютер в расчете получить в ответ серию учебных фильмов, которую сам же институт и сделал. Полтора года прошло — компьютер работает, а фильмов нет. АСПРЯЛ, как свидетельствуют ее руководители готова на любые условия, готова подписать любой контракт, лишь бы обеспечить американские университеты нужными видеосредствами. В конце концов нужно отличать коммерческого потребителя от потребителя нашего типа, объясняют мои собеседники, а я думаю, что и коммерческий потребитель был бы совсем неплох — разве нашей стране не нужна валюта, да в придачу к ней огромная моральная выгода — ведь фильмы-то у нас есть просто отличные.

НЕТ, ВИДНО, не просто даже деловым американцам одолеть советские бюрократические препоны, а нашим родным бюрократам пошевелить хоть пальцем. Иначе как понять еще одну историю, рассказанную мне в том же Вашингтоне, но уже другим американским профессором, Вадимом Медишем, председателем своеобразного объединения американских русистов, которое включает ученых двенадцати американских университетов?

Впрочем, для пущей наглядности предоставлю слово документу, с которым ознакомил меня Вадим Медиш и даже дал право его процитировать в надежде хоть как-то сдвинуть дело с мертвой точки.

Вот этот документ — письмо от 7 марта 1988 года начальнику управления внешних сношений Минвуза СССР:

Глубокоуважаемый г-н Слепцов.

Пользуюсь удобным случаем, чтобы напомнить Вам о предложении нашего университета (речь идет об Американском университете в Вашингтоне. — С. С.) относительно организации постоянного семестра в Москве для наших студентов-международников. В мае прошлого года я имел возможность обсудить с Вами это предложение во время моего посещения Москвы. До сих пор никакого ответа на наше предложение мы от Вас не получили.

Наше предложение заключается в следующем:

1. По аналогии с нашими семестрами в целом ряде других стран, мы хотели бы предоставить нашим студентам возможность учиться в Москве под руководством сопровождающего их профессора. Речь идет о группе в 20—25 студентов и одном преподавателе, которые находились бы в Москве в течение одного семестра.

2. Пребывание нашей группы в Москве было бы на базе Интуриста или «Спутника». Одна из этих принимающих организаций отвечала бы за жилье и питание, которые мы согласны оплачивать валютой.

3. Нам нужна была бы помощь советского вуза или НИИ с соответствующим профилем (или общества «Знание») для обеспечения нашей группы квалифицированными лекторами для прочтения на английском языке цикла лекций о Советском Союзе. Кроме того, нам нужно было бы наладить ежедневные занятия русским языком. Стоимость учебной программы оплачивалась бы нами тоже валютой.

С искренним уважением

Вадим МЕДИШ

Как, и от такого предложения отказываемся? Опять не нужна валюта, опять не заботит моральная выгода? Или, может быть, в Москве нет специалистов со знанием английского языка, способных прочитать лекции о нашей стране американцам? В чем дело? Чем объяснить годовое молчание нашего министерства?

Но американцы, как я поняла, народ упорный. Недавно Вадим Медиш снова побывал в Москве, снова беседовал с товарищем Слепцовым, работающим теперь уже не в Минвузе СССР, а в новосозданном учреждении — Государственном комитете по народному образованию СССР. Будем надеяться, что и решения товарищ Слепцов будет принимать сегодня по-новому, без бюрократической волокиты.

Литература великих идей

И все-таки было бы неправильно, если бы я сказала, что испытывала при общении со своими американскими коллегами-русистами только чувство неловкости и стыда за наши бюрократические порядки и благоглупости. Главное чувство — это чувство радости узнавания людей, по-настоящему любящих нашу культуру, нашу литературу. На глазах рушился образ «врага-советолога», в течение многих лет упорно создаваемый усердными борзописцами. Вместо навязываемого нам лица ненависти я видела лица людей, с которыми возможен интереснейший диалог. Он, собственно, уже начался и обязательно будет продолжаться.

Вот только несколько штрихов к портретам тех, с кем довелось встретиться в Америке.

КЭРОЛ ЭВИНС, профессор Северо-Западного университета. Преподает русский XX век. Внимательно следит за нашей сегодняшней прессой, у нее аккуратные пачки вырезок из советских газет и журналов: ведь возвращаются к жизни Замятин, Пильняк, Платонов, Булгаков... — герои ее недавней книги, получившей серьезный резонанс в среде американских русистов. Кажется, придумала тему для будущей своей работы: писатель и его читатель. Сегодня есть уникальная возможность рассмотреть эту проблему как бы в двух аспектах — восприятия произведения современниками автора и теми, кто впервые прочитал книгу только сегодня. «Время, назад» — так, кажется, можно определить ту литературную ситуацию, которую вы в вашей стране сегодня переживаете?» — улыбается Кэрол. Предупреждает: очень важен весь объем литературы, нельзя рассматривать возвращающихся писателей изолированно, вне общего современного им литературного контекста. Именно так пытается строить свои лекции: Платонов и Катаев рядом. Это и есть настоящий историко-литературный подход.

Да, ситуация действительно парадоксальная. На Западе, и в Америке в частности, существует немало интереснейших работ о творчестве писателей, обсуждение которых у нас только начинается. Почему бы не дать возможность и советскому читателю познакомиться с этими работами? Не объединить наши литературоведческие усилия? Думаю, что ИМЛИ имени А. М. Горького в преддверии крупного научного исследования «История русской литературы XX века» стоило бы организовать широкую международную конференцию на эту тему. Конечно, не обойтись в таком случае было бы и без Кэрол Эвинс.

Сол Морсон, профессор той же кафедры, что и Кэрол. Автор ряда работ о Бахтине, кстати, тоже не переведенных на русский. Пишет о Толстом. Достоевском. В литературе, говорит он, его больше интересуют идеи, чем биографии. Именно поэтому и стал в свое время заниматься русской литературой — литературой по преимуществу идей. После короткой паузы добавляет: великих идей.

ВООБЩЕ те высокие слова, которые я услышала в Америке в адрес русской литературы, вызывают чувство гордости за наши духовные богатства. И одновременно — чувство горечи за то, что не всегда ценим, что имеем.

У нас, американцев, шутит Роберт Джексон, профессор Йельского университета, есть такая поговорка: «To shoot oneself in the foot» — «прострелить себе ногу». К сожалению, вы, русские, в последние пятьдесят лет этим упорно занимались, создавая некий мифический образ собственной страны. Нам же приходилось узнавать Советский Союз в основном через эмигрантов. Наступило время, когда вы сами должны рассказать о себе, должны сами показать многосторонний, глубокий, творческий образ своей страны.

У вас непревзойденная культура XIX — начала XX века. Ее можно сравнить только с шекспировскими временами, со временами античности. Вам надо раскрывать и раскрывать ее. Кажется, Гоголь сказал: велико незнание России посреди России. Точные слова. Надо знать Россию. Освоить всю ее героическую и трагическую историю.

У вас есть великие памятники архитектуры, но у вас есть и великие памятники Слова — Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов... Думаю, что за последние 40—50 лет эти писатели освоены у вас все-таки недостаточно. Их боялись. Боялись обнажить их противоречия, их сложности... Надо гордиться своим прошлым. Ведь столько уже потеряно, уничтожено... Сегодня вам необходимо искоренять самоуничижение.

Мне «повезло», продолжает Роберт Джексон, я как бы «воспользовался» трагическим фактом, впрочем, как и многие мои коллеги, — вашим негативным отношением ко многому в своем духовном наследии, и стал заниматься Достоевским, когда у вас господствовало его неприятие. Но я понимаю, что в конце концов вы, русские, должны сказать последнее слово. Так же, как именно вы должны дать и истинную оценку, например, «Доктору Живаго». У нас в Америке многое в отношении к этому роману определялось политикой. Последний ответ должны дать вы — не мы.

Сегодня вы переживаете очень плодотворное время. Как-то, лет тридцать назад, Аркадий Долинин, крупнейший ваш специалист по Достоевскому, сказал мне: «У нас есть два пути: путь к материальным благам и другой путь, духовный, путь борьбы с филистерством, мещанством, самодовольством. Но, дорогой товарищ, люди не хотят такой жизни».

Я тогда записал эти слова, настолько они меня поразили, так что передаю довольно точно.

И вот в связи с этим у меня возникают две мысли. Первая — вы должны дать своему народу материальные блага, и вторая — не забыть о духовном. Вы не должны стремиться быть похожими на нас — мы слишком материальны... Вот почему так важно постоянное обращение к вашей литературе. У русских писателей был беспощадный взгляд на реальность, они понимали трагическую суть жизни. И все-таки у них был порыв к Идеалу. Я думаю, надо соединить два эти пути.

Да, вы во многом отстали — в смысле материальном, но это дает вам, говорит Роберт Джексон, как ни парадоксально, и огромное преимущество: у вас есть выбор. Поясняет свою мысль простым примером: Америка в свое время выбрала автомобиль, получив незамедлительную выгоду. Но одновременно и разрушив очень многое — замечательные системы электричек, железных дорог, автобусов. Теперь, заключает мой собеседник, после нас, вы имеете возможность не повторить этих ошибок.

ИЕЩЕ ОДИН запомнившийся разговор в Америке — с Дмитрием Дмитриевичем Григорьевым, священником Русской Православной Церкви в Вашингтоне, профессором Джорджтаунского университета. Вернее, разговоров у нас с Дмитрием Дмитриевичем было множество — и в его доме, куда я была приглашена в первый день пасхальной недели на праздничный прием, устроенный для друзей и прихожан Свято-Никольского собора, настоятелем которого Дмитрий Дмитриевич является, и потом, дважды, опять в его доме, но уже в очень узком кругу, и в Москве, куда Дмитрий Дмитриевич приезжал на празднование 1000-летия христианства на Руси, в ИМЛИ, где он делал доклад о Достоевском...

Удивительный человек! Удивительная судьба! Но это — рассказ особый. Скажу только, что, прожив большую часть своей жизни в Америке, Дмитрий Дмитриевич остался истинно русским человеком, ощущая себя на новой земле своего рода миссионером — и как православный священник, и как страстный пропагандист русской литературы и русской культуры.

Первое, что поразило, — его необыкновенно чистый русский язык. Поразило тем более, что я говорила в Америке с одним своим бывшим московским знакомым (кстати, тоже преподающим сейчас русскую литературу), уехавшим из России совсем недавно. Неприятно подействовал успевший появиться американский акцент, ломаные фразы — одним словом, русский звучал как не очень хороший перевод с английского.

«Что это, своеобразная поза, желание поскорее стать американцем?» — спросила я у Дмитрия Дмитриевича. «Нет, просто эти люди и в России не ощущали себя русскими. Для меня же нет и не может быть другой Родины. Моя Родина — Россия. Кстати, замечу, русская эмиграция как огромное трагическое явление — это вам не третья волна. Почти десять миллионов человек оказались выброшены за пределы России, оказались извергнуты, как лава из вулкана. Но они продолжали оставаться русскими людьми, сохраняли преданность своей культуре, сохраняли творческие силы, продолжали работать. Россия сейчас была бы намного беднее, если бы не было их книг, их картин, музыки. Так что не надо удивляться, что какой-то эмигрант, вроде меня, сохранил свой родной язык, свой русский образ».

Дмитрий Дмитриевич — горячий приверженец перестройки, которой живут сегодня советские люди. Но многое его и заботит. Его, человека, хорошо знающего Америку и бесконечно любящего Россию.

— Я глубоко убежден, — говорит он, — что культура и традиции накапливаются веками. И поэтому было бы очень обидно, нехорошо, если бы как-то вдруг, в силу каких-то новых веяний вы отказались от выработанных народом этических норм, от своих эстетических представлений. Сейчас в Советском Союзе много говорят о свободе. К сожалению, в Америке часто понимают свободу в абсолютном плане: не только как свободу творческого выражения, свободу веры, упования, свободу убеждений, но и как свободу, поощряющую всякое желание, как свободу от этического кодекса, от всяких обязательств. Такая свобода ведет к растлению, к гибели культуры, к разрушению человеческой души. Она ведет в тупик.

— Трагедия России в XIX веке и позже заключалась в том, что образованные классы оторвались от почвы, от народа, то есть оторвались от вековых традиций, которые там, в почве, накапливались. Это привело к катастрофе. Мне кажется, — продолжал Дмитрий Дмитриевич, — что и сегодня новая русская интеллигенция отрывается от народа, от корней своих. Это очень опасно, и в этом отношении брать пример с Америки нельзя. Америка существует очень недолго, Россия существует века. Если нарушить сегодня этот естественный рост, то каков будет результат? Говоря о необходимости сохранения традиций в самом широком понимании, я не имею в виду неподвижность. Традиции — это вечнозеленое дерево, но чтобы оно давало свои плоды, на нем нельзя производить хирургические операции. Русская литература много размышляла на эту тему. Прислушайтесь к ней, сегодня это особенно необходимо.

Дмитрий Дмитриевич Григорьев убежден: русская литература может сделать колоссально много, может способствовать утверждению этических и эстетических ценностей, способствовать взаимопониманию между народами Советского Союза. Но ее значение, по его мнению, еще шире. Русская литература может способствовать также и взаимопониманию между людьми всего мира, помогать установлению справедливых и человечных отношений на земле.

ТАК, МОЖЕТ БЫТЬ, и впрямь стоит повнимательнее прислушаться к голосу нашей литературы, как это советуют нам американские друзья?

Сегодня, перестраивая нашу жизнь, мы пытаемся познать самих себя. Но это познание невозможно и без более глубинного осмысления уроков, преподанных нам родной литературой. Как невозможно оно и без восстановления ее полноты, полноты отечественной культуры в целом. В Америке давно изданы те произведения русских писателей, которые только начали возвращаться на свою Родину. Изданы и прокомментированы. Нам насущно необходим этот комментарий. Но еще больше нам необходим комментарий собственный. Ждут его и американцы. Они понимают, что художественная и философская мысль Замятина и Шмелева, Зайцева и Ходасевича, Бердяева и Розанова, Шестова и Леонтьева, рожденная русской почвой, только этой почвой может быть по-настоящему и усвоена.

Америка сегодня заново открывает Россию. Но подлинное открытие возможно только в том случае, если Россия наконец-то будет открыта самой Россией.

ЧИКАГО — ВАШИНГТОН — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

О ТОВАРИЩЕ ПО ПЕРУ

МУДРОСТЬ ДОБРОТВОРЕНИЯ

В АННОТАЦИИ к книге стихов Шукрулло «Твое счастье» сказано то, что пишется почти про все современные поэтические книги: «...Автор показывает богатый духовный мир нашего современника, за плечами которого немалый жизненный опыт, фронтовые дороги, радость и тревоги напряженного созидательного труда».

Аннотация явно из «раньшего» времени.

Но, перечитав стихи, я хожу, и улыбаюсь, и радуюсь, и мысленно целую своего прекрасного товарища, дервишеской нескладностью, открытостью и беззащитностью не вписывающегося в мир тараканьих бегов за успехом, соревновательских страстей, амбициозных надежд, политического приспособленчества и плохо одетой в обветшалые рифмы псевдопередовой фразеологии.

Вся моя сознательная творческая жизнь так или иначе связана с этим удивительным поэтом, ребенком и аксакалом одновременно, похожим на улыбку, которую дарил бы вселенной мир, если бы он имел лицо человека. Я не помню Шукрулло неулыбающимся. Даже нахмуренные брови, даже произносящие гневные слова губы все же расплываются в улыбку, исходное и заключающее натуры. Он несет в себе прирожденный заряд добра и благожелательности, он осуждает или порицает, но тут же снисходительно прощает и взывает к добру, к мудрости добротворения.

Я не могу отделить стихи от него самого, и прав был Давид Кугультинов, когда однажды сказал, что Шукрулло — прирожденный поэт, такие были во все века, и природа создавала их именно для того, чтобы отливать себя, все сущее под небом в то, что изречет сердце поэта.

Он серьезен — и совершенно не может быть серьезным. Вот мы сидим за обеденным столом в моем доме и в разговоре затрагиваем драматические страницы его жизни.

— Шукрулло-ака, — спрашивает один из моих гостей, — за что вас посадили?

— За веер...

— За какой еще веер?!

В пятидесятом году Шукрулло был репрессирован, отсидел пять лет... Незлобиво, но с искорками жесткого огня в зрачках поэт рассказывает, все больше переходя в обычную улыбчивую ипостась, как принес в подарок толстому другу на день рождения веер, а веер сломался, рассыпался. Пошел поэт к продавцу, у которого купил веер, начал его журить. Продавец пошутил: «А как он им обмахивался? Рукой водил веером у лица? Неправильно! Надо было головой перед веером крутить...» Все это сопровождалось смешным показом, как надо было поступить с хрупкой поделкой. Шутка понравилась Шукрулло, он ее где-то повторил, и еще, и еще... Обвинили в оскорблении советской торговли. И, уж конечно, накрутили вокруг злосчастного эпизода, сколько могли.

Шутит Шукрулло, вспоминая это трагическое время? Не знаю. У него не поймешь: о самом страшном — все с той же улыбкой, и уверенной, победительной, и слегка почему-то виноватой. За людей стыдно, может быть...

Один раз, правда, я его видела совершенно другим. Лет двадцать назад мои домашние всполошились: «Там какой-то безумец тебя спрашивает!»

У порога моей крохотной первой московской квартиры в панельном доме на Ленинском проспекте стоял не похожий на себя, расхристанный, с пылающими глазами, совсем уже в дым отощавший, падающий с ног от усталости и горя любимый друг Шукрулло. Казалось, войди он в прихожую, она не сможет вместить его жгучие печали, и дом рухнет. Шукрулло привез поэму о ташкентском землетрясении, поэму, похожую на каскад электрических разрядов, задыхающийся монолог, сгусток боли, любви, веры.

Потрясенная и поэмой, и душевным состоянием автора, я ее перевела мгновенно, без передышки. Тут же «Огонек» напечатал поэму. Это была хоть маленькая наша капелька участия в ташкентской беде, наш кирпичик в стены нового Ташкента...

Я переводила Шукрулло всегда с удовольствием, с чувством полной правды строк, с личным интересом к поискам поэта, потому что он искал ответы и на мои вопросы.

Мы не дружили, а, скорее, как это определил в отношении коллег-поэтов Михаил Луконин, любили друг друга. В разные времена, в разных обстоятельствах Шукрулло своей доброй улыбкой или своим мягким порицанием шлифовал и мою жизнь. Когда я взлетела на взрывоопасную поверхность общественно-административного деяния, Шукрулло был первым, кто сокрушался и печалился, что у меня все меньше было времени для нормального человеческого общения, что глаза мои стали заморочено, нервно убегать от его спокойного, приглашающего к разговору взгляда. Но когда неожиданно общественное землетрясение, по не вполне понятным причинам сделав меня своим эпицентром, лихо стряхнуло с кресла на возвышенности, Шукрулло был из тех, кто вздохнул с облегчением, не только не отшатнулся, не только поддержал и успокоил, но и помог понять природу коллизии, обрадовавшись возвращению блудной скоморошьей души в свой табор...

Но я, увлекшись радостной возможностью поговорить о светлом человеке, забыла, что моя задача — сочинить рецензию на книгу.

Милый читатель! А не лучше ли будет, не следуя привычным накатанным правилам, просто сказать тебе: прочти эту книгу! Я рассказала тебе о человеке, который ее написал. Могу сказать и о стихах: они талантливые, заставляющие думать и чувствовать. Не претендующие на то, чтобы стать истиной в конечной инстанции. Даже в чем-то противоречащие общепринятому. И несмотря на то, что это перевод, звучащие в лад русской языковой стихии, ибо такие мастера, как Наум Гребнев и Юлия Нейман, — из тех, кто качает живую кровь своего литературного дара в перевод, всецело служа скромному и великому делу воссоздания иных духовных миров в своем природном, оодном.

Стихи сборника созвучны именно сегодняшнему дню, и это понятно: Шукрулло — человек из сегодня, его философия никогда не была в унисон с фальшью администрированного единства или с болотным благополучием застоя.

Противовесом психологии «винтиков» звучит его доброе, простое: «...А может быть, тем человек и хорош, что в каждом сокрыта какая-то тайна?». Человечно его понимание патриотизма: «...Отчизне, говоришь, ты отдал долг. «Люблю народ», — ты повторяешь фразу. Скажи, а ты кому-нибудь помог по зову сердца, а не для показу?..» Шукрулло истинно верит, что мир переустроить можно и нужно сердцем, любовью, добром: «Мир этот людям не в подарок дан, мы потом платим за него и кровью, так неужель его иной изъян мы не исправим честью и любовью?» Для Шукрулло прогресс, оплаченный человеческой кровью, губящий природу, разрушающий экологию человеческого добра, — зло. «Век техники! Противоречий век! Чего мы только в наши дни не встретим!.. — Да пусть он будет хоть таким, хоть этим, не пострадал бы только человек!» Все беды, которые вскрыло время перестройки в жизни Узбекистана, болью жили в сердце поэта, становились строчками, которые слышащие слышали, но власть держащие слышать не хотели...

Сердце Шукрулло много страдало. Он жил действительно по им же открытой формуле: «...поэт берет людские боли, людям радости свои даря». Он всегда был из тех, кто, по словам Евтушенко, способен жить, как поэрода безнаградно и награжденно потому... Самонаградность жизни большого подлинно народного поэта Узбекистана Шукрулло очевидна.

Римма КАЗАКОВА

ДЕМОНСТРИАЦИЯ

Я шел со странной демонстрацией
от Каменного моста.
Да здравствует демонстриация,
когда из нас выходят монстры!

Шары сознанья, монстры бреда
плывут над нами цвета морса.
Выносим из себя портреты,
на свалку, монстры!

Зависть — движущая сила общества,
свадьба в парткоме из-под палки,
и рост преступности полощется, —
монстры, на свалку!

Они по пояс, как сирены,
трибуной скрытые стояли —
годов болотных испаренья,
с умом как БАМ одноколейный —
и под прилавком, съев коллегу,
когтями родину терзали.

Как за зарплатою тринадцатой,
писатель лозунг нес, пасхален:
«Иностранцы — засранцы!
Как говорил товарищ Сталин».
Из ярости демонстриации
новые демоны родятся.

Мы грели их душой промозглою.
Дрожат древки, как пуповины.
Мы, плача, расстаемся с монстрами.
Мы в их рождении повинны.

Монстры морали монастырской
без Бога!
Плачь, иждивенчество настырное,
советская система-йога!

Демонстриация чиновников.
Демонстриация трудящихся.
Умчатся тучкою чернобыльской.
Ах, монстры новые родящиеся...

Под текст советского Модеста
несем химер различных лет.
Несу абсурдную надежду.
А справа тащат мой портрет.

Да здравствует свобода слова!
Да здравствует свобода дела —
созданья пищи, мысли, крова,
Макдональда из Бирюлева
и власти духа — без расстрела!

НА МАЯКЕ

Как маньяк,
я залезаю на старый маяк.

Выхожу
на площадку вокруг фонаря.
В спину бьет жара. Снизу прет мошкара.

На два клуба тумана и рой комарья
тень моя падает от фонаря.

Голова
на тумане шевелится, как мутант.
В голове моей страшный туман!

От фонаря мои светлые планы.
От фонаря моя шаткая жизнь.

От фонаря, как летучий гранит,
тень моя плотно на духе лежит.

На подсознанье моря
и леса,
Бога и беса,
на твоем снизу закинутом взоре.

Ах, полосатая палка Бога,
дубинка горящая, где дорога?

Встарь ты, фонарь,
завывал сквозь туман,
воем спасая судов караван.
Пеленг сегодня сподручней умам.

Но по водам
за леса и моря
тень моя движется от фонаря.

ЛИТОВСКИЕ МОТИВЫ

Ю. МАРЦИНКЯВИЧУСУ

О чем вы, литовские дюны?
Что граблями грабят грибы?
О чем вы, литовские думы?
О дыбах судьбы?

Зачем я глядеть не устану
в литовское море ночное?
Оно — негатив горностая,
с белыми хвостиками на черном.

Здесь нету заборов. Все просто.
Мужчина здесь от угла
в бумаге, как длинную розу,
несет золотого угря.

Литвинка, дочь тихих родителей,
от имевшего нож и вино
насильника в общежитии
выбрасывается в окно!

Зачем проступают в парилке
тайные в генах слова?
Зачем во все наши молитвы
подсознательно входит «Литва»?

***

Прости мне, Юстинас, дайны,
погибшие, мертвую воду.
и протоколы тайные
39-го года.

Прости мне продажу пиррову
этих людей и бора,
нас тот же вождь оккупировал,
стреляя без протокола.

Прости мне невозместимость
краев — твоего, моего.
Тебе все яснее, Юстинас.
А мне-то спросить с кого?

БОЛТАНКА

Третий час на небесах
болтанка.
Стюардессы, как мячи —
меж бортами.
Пол-Алтая и страна под нами —
болтает!

Как пристегнутый министр?
Болтает!
Мой сосед разбил меняек.
Братанье.
Предлагается Главболтдепартамент.
Были винтики, станем болтами.

В книгу Гиннесса, чай, вносят доклады.
На трибуны чай носят бесплатно.

Запрещавший о свободе болтает.
Любит женщина ушами —
но тайно.
Молоко молоковоз болтает,
только нет от порошка сметаны.

Из могилы в могилу труп летает.
К потолку летит в клозете око.
Бесы новые возникают
помесь Нестерова с Махно.

Мост задумали наши балаболы
«Москва — Вега» через Бологое.
Как из Афганистана танки —
я бы вывел из страны болтанку.

ПОРТРЕТ ХУЦИЕВА

Марлен Мартыныч, Марлен Монтирович,
Арестованыч Картиныч,
как лист сутулыч,
как лист осенний,
летишь, христовыч,
на свой чердак.
Тел в твое время не арестовывали —
душе впаяли четвертак!

Фото В. ИРОХИНА

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Все годы лучшие твои схватили —
не самого тебя, слава Господи.
Убили душу лишь, Марлен Мотивыч,
и расшакалили в Госкино.

Топтал ботиныч асфальт Державы,
а в заточенной твоей душе
сидели Слуцкий и Окуджава,
зал нестудентов теперь уже.

Как лист с серебряною изнанкой,
сквозной художник меж нас бродил.
Любил Сергеевича. Александра.
Необходимыча не любил.

Душа с Распутиным срока навертывала,
с Григорь Ефимычем — за годом год...
Она вернулась, от пыток мертвая,
и нас с тобою не узнает.

Бродило тело меж нас, не плакало,
нематерьальное, как вина.
Ведь, по свидетельству Андрея Плахова,
фильм закрыли из-за меня.

И что тут выправишь?
И что тут вычленишь?
Как все постичь?
Мерлин Мартинивич, Политехничевич,
Нечечевичевич,
ты всех простишь.

РОМАНС

«Не возникай, — скажу я, — дура
нелепая, не возникай!»
Не возникай в привычках, думах,
во всех оконных сквозняках.

Не возникай. Я наг и грязен,
как Одиссей у Навзикаи.
Не возникай за гранью разума
и психики, не возникай!

Когда я не с тобой бываю,
хотя бы там не возникай,
ты, будущая и былая,
не возникай в чужих звонках.

Не возникай волненья запахом,
в тьму зала дверь приотворя.
Дрожит за дверью с медной запонкой
щелка телесная твоя.

Ты невозможна! В полвосьмого
не возникай, ни в два, ни в шесть.
Ты в этой жизни невозможна —
только поэтому ты есть.

ОТВЕТ НА ЗАПИСКУ

Все пишут — я перестаю.
О Сталине, Высоцком, о Байкале,
Гребенщикове и Шагале
писал, когда не разрешали.
Не жалую «попасть в струю».

В РОДДОМЕ

Медсестра Тоня, дело молодое,
сказала — за полотенцами...
Крыса в родильном доме
проела щеку младенцу.
«Сейчас введем против шока
Я одна, а крыс много»...
Крыса почти с дипломом,
крыса, забывшая Бога,
крыса в родильном доме
проела младенцу щеку!
Крысы мы, все долдоним,
все обо всем высоком.
Крыса в родильном доме
проела младенцу щеку!
Спасаем людей на льдине,
на Марс засылаем проекты,
крыса в доме родильном
младенцу щеку проела.
Крыса в доме родильном
проела младенцу щеку.

Дай Бог тебе, Тоня, сына.
Храни его, ради Бога.

АБСУРДИЗМ

Народные абстракционисты
с кубиками и ромбами!
Урны безумных урок впаяны в монолит.
Кремлевские зубы болят под пломбами.
Кого-то требуют удалить.

Жизнь — новая абсурдистка.
Художников что ругать?
Квадраты щитов милиции
трещат в голубых кругах.
Интернационалисты высадились на Арбат.

Абсурд, но еще не поздно
найти гармонию воли.
Не золото, пускай бронзу
вернет усталое поле.
Абсурд, но я верю в Бога,
которого нет давно.
Лишь бы прошло от шока
всенародное «все равно».

Памяти Г. Ш.

В свое последнее рожденье
уже оттуда прилетал.
Мы вместе ехали. Раздельно
глядел, как будто из зеркал.

Невесело шутил Барышников,
принц иронический, Парижников,
его с Плисецкою галá
ты ждал. Просил под водку рыжиков,
но чувствовал себя паршивенько.
Тебя подруга увезла.
Ты был улыбкою таланта,
укором веку своему.
Тебя бездарность утомляла.
Ты не любил его баланды
и кулинарил потому.
Что написать? «Геннадий Шмаков,
ты не любил в душе башмаков».
Строка понравилась тебе.
Строка была за всякой гранью.
Ты улыбнешься из-за грани...
Вот все, что можно между нами.
Вернется прах, отпетый в храме,
на родину. Но ты, ты где?..

Ни в Ленинграде. Ни в спецхране.
Ни в USA. Ни в СПб.

СТРУНЫ ПЕРЕМЕН

В Рим летят невыездные,
голос внутренний страны.
В Дании — юлийкимия.
Юлий Ким — шаман струны.

Кьеркегор, ломай коленца!
Раньше всех Олимпиад
струны русского корейца
переменам ворожат.

На гитаре зачехленной
он приехал, сбив запрет,
как от гонок зачумленный
дисковый велосипед.

Вязнут диски в грязной жиже.
Но колдует «в руку» музыка.
Он пропел про клетку с чижиком —
сразу выпустили узника.
Тронул струны вдругорядь —
стали зельем торговать.

За компьютеры, бояре!
Нет конца заявкам. Пой!
Без обеда Ким наяривает.
Цокают потомки Яра —
Ким. Цой. Ким. Цой. Ким.
Цой. Цой.

У КИНЫ БЕРБЕРОВОЙ

Вы мне написали левой,
за правую извиняясь,
которая была в гипсе —
бел-белое изваянье.

Вы выбрали пристань в Принстоне.
Но что замерло, как снег,
в откинутом локте гипсовом,
мисс Серебряный век?

Кленовые листья падали,
отстегиваясь, как клипсы.
Простите мне мою правую
за то, что она без гипса.

Как ароматна, Господи,
избегнувшая ЧК,
как персиковая косточка
смуглая ваша щека!

Как женское тело гибко
сейчас, на моих глазах,
становится статуей, гипсом
в неведомых нам садах.

Там нимфы — куда бельведерам!..
Сад Летний. Снегов овал.
Отставленный локоть Берберовой...
Был Гумилев офицером.
Он справа под локоть брал.

ВИДЕОПОЭМА

1.

Над страной
категорический императив:
«Какой
открыть кооператив?»

Мой подельник
открыл продажу видеоденег.

Ведро видеорублей
стоит 5 золотых угрей.

Видеоатлеты. Видеопобеды.
За видеоденьги — видеообеды.
Видеоподписка. Видеоотставка.
Продается видеомужик с приставкой.

Вас приглашает кооп. боксерский клуб.
1 зуб — 1 руб.
Оперативники открыли клуб:
1 труп — 1 руб.
Есть сахарный клуб:
1 хрущ — 1 руб.
Клуб «Хула-Хуп»
для групп
повышенного риска:
1 хуп — 100 инв. руб.
Есть видеологический совет при СП
по рукописям молодых:
1 заруб — 1 руб.

Видеозаботы. Видеосвободы.
В видеосубботу семеню
с видеоработы в видеосемью.
Видеоскотина, пои нас молоком!
Видеоскандируем. Видеоживем.

В нас царит физически мертвый злодей.
Мы — метафизический вид людей.

Видеосмирившись, видеонарод
в видеомилицию видеоидет.
Видеопрогнозы. Видеоразмах.
И видеослезы на похоронах.

Кто придумал этот Кооператив?
Как распрограммировать карантин?
Кто хотел бы лозунга в полстены:
«...плюс видеофикация всей страны»?!

Русь, куда несешься ты, дай ответ?
Над тобой невидимый хранящий щит.
Русь, куда несешься ты, дай ответ?
Shit!
Он нам шлет из Гамбурга видеопривет.

Дивная картина. Полная луна.
Ты прости нас, снежная дивео-страна!

Кто встряхнет царевну из девио-сна?
Черные деревни. Родина больна.

Дивео-прозренья. Вий. Умов мятеж.
Дивео последних вспыхнувших надежд.

Сборка колоколен. Демонтаж ракет.
Снежный лес несется абстрактным Фидием.
Русь, куда несешься ты? Дай ответ.
Даст ответ —
действительный, а не видео.

2.

Власть перехватили кооперативы.
«Кока-колу» съела фирма «Буратино».
Партактив внедряется в кооперативы.
На завертку пущены директивы.

Шоковые люди будят к спорам.
В нашем обществе вырубили ток.
Люди-витамины с энергоголем
пробуют собою пустить движок.

Государство делает пантомимы.
Вы — наша надежда, люди-витамины!
Если не сожрут вас из Минфина.

Вечно в центре города храм и базар.
Ты куда отправишь нас, Рижский вокзал?
— Есть кооперативные Пикуль, Скобелев!
— Есть порно для хозяина и для кобеля.
— Сколько на ваших? На моих — бредятина.
Пол-Шестова и пол-Бердяева.

Тираж распродан, куда «Работнице»!
Организуем вторую партию.
А на Кропоткинской все по Кропоткину:
Цыпленок жареный, цыпленок пареный!

КоопКапоне наводят трепет.
Летит на «Волгах» советский рэкет!

Притормозила бюрократическая машина.
За варенками. Для сына.

— Есть Песни орфеев,
живущих в Раю.
Вен. и Вик. Ерофеев.
Шорты «love you».

Среди иммиграции таланта
классик соцреализма
становится внутренним эмигрантом.

«Есть невидимые предохранители
от СПИДа!
Проводи в примерочную, Лида».

И как на Гоголевском бульваре
два памятника Гоголю были в паре.
Гоголь Синяевского и Гоголь Набокова.
Один сидел. Другой не сидел.

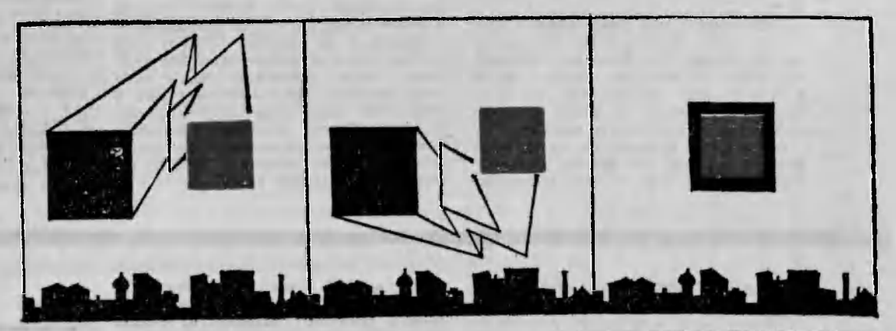
На Попарт и Опарт не ставьте карт.

ОТКРЫВАЕТ ВЫСТАВКУ КВВПАРТ!

Вместо литлипы —
поэтоклипы.

МАЙ КАМАП

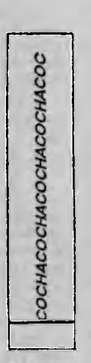
Природы царь
Made in USSR
ум — медиум
одет в зависимости
от таможни
градусы — нельзя
утюжить — можно
чистка — возможна
Живу мощно!



С заколотого царевича
затмения наши летят.
Черный квадрат Малевича
накрыл кровавый квадрат.
Над незаживающей ранкой
в провинции наших столиц —
над родиной в черной рамке
квадратное солнце стоит.

Запуск Денвера в космос

Круговорот природы



БОРЕМБОРЕМБОРЕМБОРЕМБОРЕМ

Идеологическая борьба

Есть компилятивные кооперативы —
у композиторов
общие кооперативные мотивы.
Берущий Пушкина в аренду —
запишите телефон Аренда.

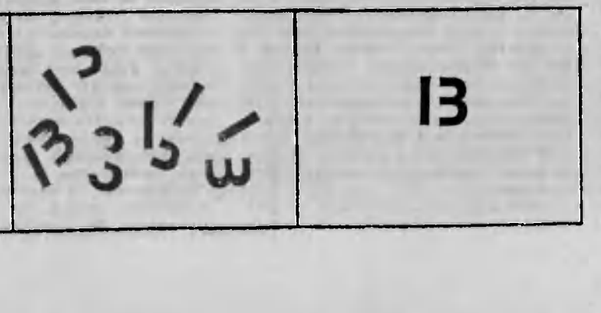
— Русь, куда несешься ты?
С сумкой в скверике.
— Занимаю очередь за Америкой.

— Куда летишь, Америка,
с книжкой чековой?
— Занимаю очередь за русским Чеховым.
Мир спасется кооперацией —
корпорацией души и рацио.

3.

— Русь, куда несешься ты? Дай ответ.
Не дает ответа.
— Интервьюеров достойных нет?
— Нету.

Но летят два голоса. Миллионы лет.
Где-то. К Богу ль?
— Русь, куда несешься ты? Дай ответ...
(Гоголь)
Русь: Куда несешься ты, дай ответ, Гоголь?



ВРЕМЯ НАДЕЖД

XI съезд писателей Якутии

15—16 сентября в Якутске проходил очередной, одиннадцатый съезд писателей республики. В его работе приняли участие Председатель Президиума Верховного Совета ЯАССР Ю. Н. Григорьева, Председатель Совета Министров ЯАССР С. Н. Маркин, секретарь обкома КПСС В. П. Шамшин, гости из Киргизии и Татарии, делегация Союза писателей РСФСР, возглавляемая секретарем правления Э. Зиминым.

На съезд могли попасть все желающие. Никто никаких пропусков и приглашений в Дом Советов не спрашивал. И желающие были: композиторы, художники, архитекторы, артисты, журналисты...

С отчетным докладом выступил председатель правления С. Данилов. Были выслушаны также содоклады по якутской и русской прозе (Г. Сыромятников и С. Шевков), поэзии (Н. Тобуроков), драматургии (А. Борисов), литературам народов Севера Якутии (Г. Курилов), прения тридцати шести делегатов. Двух ораторов, правда, «захлопали», но уже после того, как они в основном высказались.

Среди приветственных телеграмм была такая: «Съезду писателей Якутии. Дорогие собратья по союзу, желаю вам доброй работы. Софрону Данилову — здоровья и терпения. Не потопите в распрях и раздорах дружбу, товарищество, столь редкие ныне. Не забывайте, что главное в жизни и деяниях писателя — его вечный труд, его книги, его доброе слово и сердце. Виктор Астафьев».

— Мы наследники лучших традиций нашей дореволюционной литературы, освященной славными именами А. Кулаковского, А. Софронова, Н. Неустроева. Той литературы, которая с самого своего зарождения прославляла дружбу и братство народов, — сказал С. Данилов. — За истекшее пятилетие опубликовано около полутора десятков произведений крупных жанров прозы. Среди них заключительные книги романов Б. Боотура «Пробуждение» и И. Гоголева «Черный стерх», романы В. Далана «Крылатые мечты» и «Друг мой, поднимись на зеленые холмы», Н. Якутского «Потеря», В. Протодьяконова «Искорки», А. Бродникова «Слеза», С. Дадаскинова «След песца», Н. Босикова «Встану — до неба достану», Ю. Чертова «Четвертый директор», И. Первенцева «Под северным сиянием» и «Пурга», Тумарчи «Возвышение» и др. Мы сегодня с особым удовлетворением отмечаем зарождение эвенского романа, имея в виду высоко оцененные читателями «Дух земли» П. Ламутского и «Берег судьбы моей» А. Кривошапкина. Лучшие наши повести «Паводок листопада», «Человек с домом», «Высокие острова» Н. Лугинова, «Белая благодать» И. Нуолура, «Лаборатория» В. Гаврильевой, «Авария» П. Аввакумова и другие отличаются углубленным психологизмом.

К поэзии у нашего народа всегда было самое святое и благоговейное отношение как к высшему выражению человеческого духа. Активно работают поэты всех поколений, от одного из зачинателей якутской поэзии народного поэта республики К. Урастырова до молодой Н. Харлампьевой. Полюбились читателям стихи и поэмы Л. Попова, И. Гоголева, П. Тобурокова, С. Тарасова, М. Тимофеева, С. Шевкова. Вместе с тем вызывает беспокойство то, что в последнее десятилетие наиболее известные писатели самоустранились от создания книг для детей, а на острую нехватку таких книг жалуются и родители, и учителя. А вот И. Сосин и П. Дмитриев хорошо работают в этой области, не претендуя на членство в союзе.

В драматургии явно наметились отрадные сдвиги. Якутский драматический театр имени П. А. Ойунского буквально за считанные годы выдвинулся в ряд лучших театров страны, и группа его артистов стала лауреатами Государственной премии СССР. Спектакли по пьесам В. Протодьяконова, Н. Лугинова, В. Харысхала, В. Мекумянова, с успехом прошедшие на сцене, — плод дружной творческой работы авторов и театра. В репертуаре пьесы рано умершего юкагирского писателя Г. Дьячкова, нашего классика А. Софронова, народного писателя Якутии Суруна Омоллона и др., которые могли быть поставлены только в условиях перестройки.

Об особенностях литературной ситуации в республике говорили С. Руфов, С. Тарасов, П. Тобуроков, А. Бродников и другие. С. Шевков рассказал, что традиционно первый номер «Полярной звезды» отдается молодым авторам, отметил появление писателей, которые одинаково хорошо выражают себя на родном и русском языках. Это В. Мекумянов, И. Иннокентьев, эвенкийка Г. Варламова. Последнее совещание молодых русских прозаиков открыло В. Шелегова, Ю. Рудольфенко, В. Амосова, Н. Солина, А. Логинова, чьи произведения уже опубликованы в коллективном сборнике 1987 года «Ленский подснежник».

Р. А. Кулаковский поблагодарил ученых, которые воскресили имя его отца. Забвение его имени, как и имен А. Софронова, Н. Неустроева, привело к тому, сказал В. Далан, что «мы отошли от правды истории, начали клеветать на основателей нашей литературы, на их честный реализм, обвинять их в буржуазном национализме, ударились в коньюнктурщину. Образовались не «белые пятна», а целые белые полотна, десятилетние периоды умолчания. Возьмем двадцатые годы. Из истории Якутии выпали главные звенья драматических событий этого периода, без которых нельзя понять гражданскую войну в Якутии. А тридцатые? Завеса над опустошительной сталинской селекцией наиболее талантливой и смелой части национальной интеллигенции только приподнимается, но до художественного осмысления драматических событий тех лет еще далеко. Не сказано правдивое слово об индустриализации Якутии, имевшей издавна недобрую славу тюрьмы без решеток, а в годы культа личности укрепившей эту славу. Что мы знаем о системе лагерей Дальстроя? О лагерях Оймякона, Колымы, Индигирки, Алдана, Верхоянья? Пора сказать и о том, что сталинская коллективизация в корне разрушила вековой «аласный» уклад жизни якутского народа... Нам нужна правдивая научная концепция предыдущей истории нашего общества, нашей литературы».

Открытие «белых пятен» истории вернуло всем нам память о лучших людях, а значит, и гордость за свой народ. И возросшее национальное самосознание — это осознание своего долга перед народом, его права на достойную, свободную, нравственную жизнь, а не попытка устроиться получше за счет друга, брата. Об этом говорил А. Борисов, главный режиссер Якутского драматического театра, лауреат Государственной премии СССР. «Если мы забудем о великих сынах народа, — сказал он, — это первый шаг к манкуртству. Давайте сбросим груз патриархальной инерции, провинциального мышления, которые цепляются за нас очевидными нелепостями типа — был или не был А. Кулаковский замешан в повстанческом движении; кое-кто и сегодня до абсурдности серьезно озабочен выявлением белобандитов и их родственников. Хочется крикнуть: «Гражданская война кончилась давно. А мы до сих пор продолжаем стрелять доносами...» Об этом же говорили С. Данилов, П. Аввакумов.

В докладе прозвучала озабоченность состоянием очерка и публицистики: «Мы на собраниях, партийных и общих, ставили под сомнение целесообразность скоропалительного волевого решения о превращении колхозов в совхозы, осуждали пренебрежительное отношение к земледелию, с тревогой говорили о будущем оленеводства и охотопромысла. Высказывали немало горьких слов о преступно варварском отношении к природе в районах добычи золота и алмазов. Но, к сожалению, дело дальше разговоров не пошло, если не считать некоторых выступлений по радио и телевидению да нескольких вялых статей в печати».

Между тем — замечу от себя — совсем необязательно пристально приглядываться, чтобы обнаружить, что объектов внимания для боевой, а главное — действенной публицистики больше чем достаточно даже в столице республики: обветшалые, скособоченные деревянные строения, облезшие, с грязными, залитыми водой подъездами панельные дома... В столице республики нет здания национального драматического театра, Дома книги, многих других необходимейших для жизни современного города сооружений. В строительстве по-прежнему действует так называемый «остаточный принцип». Жители края, который дает стране золото, алмазы, пушнину, олово, уголь, обеспечиваются многими продовольственными товарами по талонам.

В. Харысхал, И. Данилов гневно и горько говорили об отравлении Лены, находящихся в серьезной опасности Амге и Вилюе, об ответственности союзных министерств, добывающих миллионы, вредящих на миллиарды и оставляющих на месте тайги лунный пейзаж. По мнению Н. Лугинова, отношения с министерствами должны строиться не только с заботой о плане добычи золота, алмазов, угля, а в первую очередь — с требованием по-человечески относиться к людям и по-хозяйски к земле.

О положении малых народов Севера говорили А. Кривошапкин, С. Дадаскинов. Раньше необдуманно переселяли людей из аласов, теперь новая трагедия — «закрывают» обжитые, хоть и далекие от совершенства поселки. «При таком отношении скоро может исчезнуть необходимость рассматривать вопрос о литературе звенов, эвенков, юкагиров, — горько иронизирует С. Дадаскинов. — Еще в 60-е годы П. Ламутский и В. Лебедев предлагали открыть северный сектор в якутском книжном издательстве, к сожалению, на этот счет по-прежнему царит тундровое безмолвие».

О проблемах книгоиздания рассказала поэтесса Н. Харлампьева, главный редактор Якутского книжного издательства. По ее словам, это единственное убыточное издательство в стране. Поправить свои дела, напечатав несколько произведений классиков, перейти на хозрасчет мешает слабая материальная и техническая оснащенность типографии. О положении дел в республике рассказал А. Попов, секретарь обкома КПСС.

Еще об одном. К сожалению, серьезно мешают писательской жизни окололитературные дебаты. Групповщина проявляется не только в борьбе за «лучший кусок общественного пирога», но и в том, что критик, занимающийся творчеством писателя, в глаза называет его великим. Не стесняется. Иной критикующий воспринимается всей «группой» как враг, даже если его высказывание справедливо. Секретарь правления СП РСФСР Э. Зимин, отметив в целом доброжелательную атмосферу съезда, призвал якутских писателей: «Хватит разбрасывать камни, время их собирать. Столько важных, неотложных проблем выявила перестройка — продовольствие, жилье, экология. А сохранение языка, традиций, промыслов, культуры — разве все это не требует активного вмешательства литераторов? Не давайте никаким силам разрушать свое национальное достояние». От имени СП РСФСР Э. Зимин заверил участников съезда, что СП РСФСР поддержит якутскую организацию во всех ее добрых начинаниях.

В результате упорной борьбы из включенных в бюллетени для тайного голосования восемнадцати человек в правление прошли одиннадцать. Председателем правления вновь избран С. Данилов. Удачной им работы!

Елена ЖИРКОВА,
спец. корр. «ЛГ»

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

БУДИТЬ ЛИ СПЯЩЕГО МЕДВЕДЯ?..

ПОЭТЫ рождаются в провинции, а умирают в Париже... На нашей почве эта истина приобретает сотни смыслов и оттенков, в том числе и просто житейских...

Но не будем углубляться в мелочи, а начнем с главного. Я давно уже задаю своим знакомым один провокационный вопрос: а сколько у нас в стране русских литератур? Одна? Но часто ли мы задумываемся над тем, как живет и чем живет русский писатель, допустим, в Тирасполе или Кустанае?

Понимаю, наготове ответ: литература не признает столиц и провинций, литература — это исключительно духовная сфера. Астафьев живет в Красноярске, Распутин — в Иркутске и т. д. Согласен.

Но вместе с тем мы все знаем и до сих пор молчим о том, что писатель из Кинешмы или Рубцовска поставлен в заведомо лучшие условия, естественным образом включен в общерусский литературный процесс, для него специально в Москве создано издательство «Современник», почти в каждом областном городе России есть своя писательская организация, есть еще и межобластные издательства. А вот в казахстанском Петропавловске, например, в городе, связанном в русской литературе с именем Петра Ершова (да-да, того самого, автора «Конька-Горбунка»!), с именами Всеволода Иванова, Сергея Маркова, Ивана Шухова, даже нет консультационного пункта для молодых литераторов. Знаем, что приедет прозаик из Тирасполя или Кустаная в Москву, в «Современник», а ему скажут: «Извини, старик, но мы — издательство российское, а ты ведь вона где живешь...» Пойдет он, наш автор, в редакцию русской прозы «Советского писателя» и услышит добрый совет: «Обратитесь лучше в свое, местное издательство. Так будет надежней. У нас очень жесткий отбор...» Заглянет он тогда по соседству в редакцию литератур народов СССР, представится как прозаик из Молдавии ли, Казахстана ли, и ему скажут: «Но вы же русский писатель, на русском языке пишете. А мы издаем только произведения иноязычных писателей в переводе на русский язык...» Ясно, что в «Художественную литературу» этот автор уже не пойдет, с горечью повернет стопы к родным пенатам.

Вот так и получается, что Морис Симашко первую книгу в Москве издал уже на шестом десятке лет, будучи к тому времени переведенным на 35 (!) языков народов мира. Павел Косенко, автор первых книг об Антоне Сорокине и Павле Васильеве и один из ведущих русских прозаиков Казахстана Юрий Герт ни разу не издавались в центральных издательствах. Точно так же не вышли к всесоюзному читателю военные повести и романы казахстанцев Олега Меркулова и Василия Антонова — произведения, обладающие несомненными художественными достоинствами.

Молдавский, таджикский, эстонский, белорусский, украинский писатель, выпустив одну или несколько книг на родном языке, завоевав признание читателей и критики, издается в Москве в переводе на русский язык. Путь открыт. И это прекрасно! Но почему так затруднен этот же путь для русского прозаика, равного с ним, в одной республике, в одном городе? Это справедливо? Это что, проходит незаметно для их взаимоотношений, для атмосферы в писательской организации республики? Так и живут мирком да ладком? И никакого осадка на душе? Ой ли...

Самое поразительное то, что русские же писатели в Москве мне говорят: «Да нет среди них (чувствуете: среди «них») по большому счету талантливых. Настоящий талант всегда пробьет себе дорогу...» И приводят имена литераторов, начинавших в республиках и областях и живущих ныне в Москве. Но, во-первых, московская прописка еще не печать талантливости, а, во-вторых, коли так, то ниву русской словесности надо называть не нивой, а диким полем. И пусть каждый литератор произрастает на нем, как трава, борясь за выживание, пусть побеждает самый сильный (не сильный, а самый сильный). Однако в таком случае при чем тут и зачем тут Союз писателей, призванный, как известно, культивировать ниву?..

Авторитетные наши литераторы много и верно говорят о разъедающей все ведомственности в экономике, в хозяйственной жизни. Но ведь такая же страшная ведомственность — ведомственность культуры — царит в практике многотысячного Союза писателей СССР. Единая русская литература разделена на русскую литературу России и — на остальную. Которой, впрочем, как бы и нет... И вольно, а вернее, невольно, русскоязычные писатели, живущие за пределами «московского княжества», оказались причисленными к «главку», к ведомству литератур народов СССР.

Причем как бы на вторых ролях, на общественных началах. И это естественно, у «главка» — свои серьезные задачи. Так, например, предстоящее в октябре большое выездное совещание о проблемах русской литературы в республиках Средней Азии проводит комиссия правления СП по литературным взаимосвязям. Единственная на моей памяти за последние десять лет обзорная статья о прозе русского журнала «Простор» организована была отделом литератур народов СССР «Литгазеты». На недавнем «круглом столе» в Душанбе было сказано, что издательство «Советский писатель» готовит сборник произведений русских прозаиков Средней Азии, но делается это опять же редакцией литератур народов СССР. Конечно, спасибо редакции, но поневоле хочется воскликнуть: «Что, братцы, дождались, один сборник на всех!»

А сколько их, «всех»?

В Средней Азии — 130 членов Союза писателей, пишущих на русском языке. На Украине — 252. В Казахстане — 96. В Белоруссии — 68. В Латвии — 38. В Молдавии — 37... Всего же в четырнадцати союзных республиках работают 770 русских писателей. Понятно, что речь идет только о членах творческого союза. О молодых, в коих у нас ходят до сорока лет, и речи уже нет. Их жизни хватит, пожалуй, только на то, чтобы утвердить себя в республиканских издательствах.

И теперь — для сравнения — приведу еще одну цифру. В составе Союза писателей РСФСР значится прозаиков, поэтов, драматургов и критиков, пишущих на русском языке, 1270. Так имеет ли право российский творческий союз литераторов отмахиваться от такого отряда «своих» писателей? Думаю, нет. Но как доходит дело до каких-то организационных мер, связанных с литераторами из других республик, то тут — границы, ведомства, через которые даже писатели не могут почему-то перешагнуть.

Русские писатели в республиках давно уже смирились с таким положением. Им одно непонятно: почему книга, вышедшая на Украине или в Казахстане массовым тиражом, не может попасть на всесоюзный книжный рынок, стать достоянием всесоюзного читателя и таким образом оказаться в поле зрения всесоюзной критики? А здесь уже Книготорг, при попустительстве СП и Госкомиздата, свято блюдет ведомственные границы. Книгу, изданную в республиканских издательствах, в нашей необъятной стране можно купить только в одном месте, в Москве, в магазине на Кировской. Так и представляешь себе русского писателя из Жмеринки, который специально едет в Москву, чтобы купить сборник своего товарища, русского же писателя из Ташауза. Это не анекдот, был ведь случай, когда краеведческая книга о Таганроге, изданная в Ростове, не дошла до самого Таганрога, не видели ее там... Рекорд незыблемости рубежей. Так и хочется весь Книготорг скопом записать в юные друзья пограничника...

И еще один факт. Я у многих спрашивал, у искушенных и менее искушенных читателей: назовите мне вот так, сразу, русского писателя, живущего вне пределов России, имя которого было бы, что называется, у всех на слуху. Следовала долгая-долгая заминка. И наконец спасительное: Пикуль! Да, верно. Но — с маленькой поправкой. Валентин Пикуль, живущий в Риге, состоит на учете в Ленинградской писательской организации РСФСР! Знаменательный факт, не правда ли?

КОНЕЧНО, есть и другая сторона дела.

Всегда считалось, что русский писатель, живущий в инонациональной среде, имеет немало творческих преимуществ. Два языка, две культуры, два народа. Два корня, два истока для творчества. Все равно что прожить две жизни. И я так считал.

Между тем в подавляющей своей массе русские писатели не знают языка народа, среди которого живут. Конечно, есть исключения, которые мы любили приводить на торжествах. Немец Герольд Бельгер, без подстрочника переводящий произведения казахских авторов на русский язык. Русская Надежда Лушникова — видная в республике казахская поэтесса, принимающая участие в айтысах акынов... Но это как раз исключения, подтверждающие грустное правило.

В чем тут причина? Ведь всегда в традициях русской литературы было глубокое проникновение в культуру, быт, нравы и обычаи другого народа. Есть у нас примеры Василия Яна, Сергея Бородина, Исая Калашникова. Вопрос более чем сложный. Конечно, ответы на него кроются в сложившейся системе национальных, культурных, экономических отношений. Применительно же к теме этой статьи выскажу соображение, которое, наверное, находится в пятом или десятом ряду комплекса причин, но все-таки... Может быть, изоляция от общерусского культурного центра, от общерусского литературного процесса, отсутствие широты по совершенно естественному, диалектически закономерному ходу вещей приводит и к самоизоляции русских писателей внутри республики? Мне кажется, в этом что-то есть...

Давно я думаю над этой проблемой. Много лет. В начале восьмидесятых даже пытался выступить в печати, провел на свой страх и риск «круглый стол» русских писателей Казахстана. Но редакция, куда я обратился, «зарубила» материал с ходу, сочтя высказывания участников жалобами «периферийных» авторов на свою безвестность. Увы, это мнение бытует. Уже в процессе работы над этой статьей я поделился своими соображениями с одним очень опытным, знающим положение дел литератором. «Благородное дело вы затеяли, — сказал он. — Но ведь вы разбудите спящего медведя. Представляете, какой поток исповедей и жалоб хлынет в газету? И в основном ведь будут писать малоталантливые, которые и республиканский-то издательский барьер переходят с трудом. Так стоит ли овчинка выделки?»

В этом высказывании есть два интересных момента. Первый — опять о талантливости. Но в том-то ведь и дело, что когда судят не по таланту, а по прописке, тогда и складывается, сложилась уже ситуация, при которой к единицам талантливых могут присоединиться сотни бездарностей и, ссылаясь на известные обстоятельства, возопить: «Нас затирают!» Значит, надо ликвидировать самое негласную, но порочную систему. А остальное — дело отбора. И второй: стало быть, «медведь» все-таки есть?

А коли так — не пора ли его будить? Ведь на дворе-то уже давно весна...

Писательские КОНТАКТЫ

КИТАЙ, ПЕКИН,
СОЮЗ КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие товарищи!

Сердечно поздравляем вас от имени всех советских писателей с 39-й годовщиной провозглашения Китайской Народной Республики.

Нас радует динамичное развитие дружеских связей между писательскими организациями Советского Союза и Китая, что позволяет литераторам наших стран ближе знакомиться друг с другом, обмениваться творческим опытом.

В этом направлении у нас имеются большие резервы, и мы надеемся, что контакты между советскими и китайскими литераторами будут неуклонно расширяться в интересах дела мира и дружбы наших народов.

Желаем вам, дорогие друзья, здоровья, счастья и творческих успехов.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Советские писатели в ОАЭ

С 17 по 22 сентября делегация СП СССР в составе секретаря правления СП РСФСР поэта С. Бобкова и прозаика Г. Гулиа побывала в Объединенных Арабских Эмиратах с визитом, целью которого была подготовка будущего соглашения о двусторонних связях писательских организаций наших стран.

Литература Объединенных Арабских Эмиратов включает в себя как традиционные жанры, свойственные арабской прозе и поэзии, так и современные течения, характерные для европейской литературы XX века. В состав ассоциации Союза писателей ОАЭ, председателем которой является Абдель Гаффар Хусейн, входит 80 писателей, она издает свой «толстый» журнал. Огромное желание арабских писателей понять специфику современного литературно-художественного процесса в Советском Союзе чувствовалось в ходе всех конструктивных встреч, проходивших как в столице ОАЭ Абу-Даби, так и в других городах страны.

●

28 сентября состоялась встреча секретарей правления СП СССР Ю. Верченко, Н. Горбачева и Ю. Суровцева с находящимися в нашей стране по приглашению СП СССР председателем Национального союза писателей Малайзии (ГАПЕНА) профессором Исмаилом Хуссейном, генеральным секретарем ГАПЕНА Джихати Абади и заведующим литературным отделом Совета по языку и литературе Малайзии Анваром Ридваном.

В ходе встречи стороны обменялись информацией о литературной жизни, деятельности писательских союзов. Гости были ознакомлены с работой СП СССР, направленной на углубление взаимодействия литератур братских республик, совершенствование издательской практики, международных связей.

●

В Советском Союзе по приглашению Союза писателей СССР находилась делегация китайских писателей во главе с секретарем Союза писателей Китая Тан Дачэном.

В секретариате правления СП СССР состоялась встреча членов делегации с секретарями правления Ю. Верченко, Р. Рождественским, Ю. Суровцевым, в беседе также приняли участие поэтесса Л. Васильева, заместитель главного редактора журнала «Детская литература» И. Нагаев, председатель Иностранной комиссии СП СССР О. Севергин.

Китайские литераторы поделились своими впечатлениями от поездки по стране, от многочисленных встреч в Москве, Ленинграде, Самарканде и Ташкенте. Поблагодарив за теплый прием, гости отметили плодотворность пребывания в СССР, радушие советских коллег, трудящихся нашей страны к китайскому народу, большие позитивные перемены в жизни советского общества, являющиеся следствием перестройки. Как писателям, подчеркнули гости, им особенно отрадно видеть, каким авторитетом пользуются советские писатели в нашей стране, какое внимание им оказывают партия и правительство.

Обе стороны высказались за дальнейшее развитие советско-китайских литературных контактов, обогащение их форм и содержания.

26 сентября в Союзе писателей СССР состоялась встреча первого секретаря правления СП СССР В. Карпова и секретарей правления Ю. Верченко, Р. Гамзатова, Н. Горбачева, К. Скворцова с делегацией Союза болгарских писателей, принимавшей участие в поэтическом форуме «Единение».

Во время встречи обе стороны обменялись информацией о деятельности литераторов СССР и Болгарии, их вкладе в дело развития братских литератур, перестройки экономической и социальной жизни обеих стран, а также о наиболее важных мероприятиях, которые предстоит провести по линии союзов в ближайшее время.

На беседе присутствовал второй секретарь посольства НРБ в СССР Х. Георгиев.

Имени Николая Островского...

Подведены итоги Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского на лучшее произведение о советской молодежи и Ленинском комсомоле за 1987—1988 гг. Среди лауреатов — Александр Арцибашев, который в художественно-публицистических очерках о деревне поднимает жизненно важные экономические, экологические, сельскохозяйственные, социальные проблемы и пропускает их через призму нравственного восприятия. Александр Косарев — это имя дорого каждому, кто связан с комсомолом. Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, выдвинутый временем в эпицентр событий огромного политического значения, Косарев был одним из активнейших деятелей молодежного движения 20—30-х годов. Автор художественно-документальной биографии А. В. Косарева доктор исторических наук Николай Трущенко — лауреат конкурса. Молодые хозяева своей земли, бережно сохраняющие богатые традиции своего народа, — герои повестей «Каменный сокол» и «Таинственные ступени» молодого писателя из Узбекистана Асада Дильмурадова.

Ленинградский прозаик Евгений Туинов в повести «Фильм» заставляет задуматься об ответственности каждого из нас за свое дело, за живого человека, его привлекают такие общечеловеческие, проверенные категории, как честность, совесть. Преемственность поколений всегда была присуща русской поэзии. Вологодский поэт Виктор Коротаев в публицистической поэме «Студенты ехали на дачу» размышляет о северной деревне Нечерноземья, длительности ее застоя, обезлюженности, испарившемся чувстве хозяина на земле. И как бы перекликается с ним молодой поэт из Перми Игорь Тюленев в сборнике стихов «Открываются окна в Россию». Стихи его о Родине, о России в контексте современности.

Имя Татьяны Набатниковой из Челябинска уже хорошо известно читателям, и ее роман «Каждый охотник» — серьезный шаг писательницы по пути к зрелости. Лауреатами конкурса имени Николая Островского стали также прозаики Василий Ермаков из Ленинграда, Николай Скромный из Мурманска. Географию можно расширить именами дипломантов конкурса. Это и Николай Старченко из Москвы, и Свире Мара из Риги, Игорь Крохин из Орла, Николай Дружининский — еще один поэт из Вологды.

Итак, конкурс завершен. Всесоюзный литературный конкурс имени Николая Островского продолжается.

Ал. МИХАЙЛОВ,
председатель жюри

Борис Аронович БЯЛИК

На 77-м году жизни скончался член Союза писателей СССР со дня его основания, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, один из основоположников отечественного горьковедения Борис Аронович Бялик.

Автор четырехсот печатных работ, двенадцати книг — в том числе таких значительных, как «Властители дум и чувств. В. И. Ленин и А. М. Горький», «М. Горький-драматург», «Судьба Максима Горького», «М. Горький — литературный критик», «Великое слово» (о насущных задачах теории и методологии современной науки о литературе), — Б. А. Бялик пользовался признанием не только у советского, но и зарубежного читателя. Его исследования переведены на английский, французский, итальянский, японский и другие языки.

Талантливый лектор и блестящий полемист, страстный пропагандист советской литературы, Б. А. Бялик с неизменным успехом выступал на международных научных форумах, в университетских аудиториях Чехословакии и Польши, ГДР и Болгарии, США и Франции, Бельгии и Голландии, стран Латинской Америки. Он был избран членом Европейского общества культуры, почетным членом Ассоциации писателей Колумбии.

Без малого полвека Б. А. Бялик был связан с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР. Он явился инициатором важнейших горьковедческих изданий. Руководимым им авторским коллективом созданы, в частности, фундаментальные труды, признанные этапными в изучении культуры рубежа веков: «Русская литература конца XIX — начала XX в.», четырехтомное исследование, посвященное русской литературе и журналистике с 1890 по 1917 г.

С первых дней Великой Отечественной войны и до победы Б. А. Бялик на фронте. Он был корреспондентом армейских газет «За Родину», «На разгром врага», «Фронтовая правда». В августе 1941 г. Б. А. Бялик вступил в ряды Коммунистической партии. Его боевые заслуги, а также самоотверженный труд в мирное время отмечены пятью орденами и двенадцатью медалями. Двумя изданиями вышла книга Б. А. Бялика о днях войны «Наедине с прошлым».

Активный участник современного литературного процесса, член правления издательства «Советский писатель», многолетний преподаватель Высших литературных курсов, Б. А. Бялик был связан давней дружбой с А. Фадеевым, Б. Полевым, Ю. Олешей, М. Светловым, Я. Смеляковым, С. С. Смирновым, другими видными художниками слова. Всех, кому довелось иметь дело с Б. А. Бяликом, поднупали его неизменная принципиальность и последовательность в утверждении основ нашего мировосприятия, неистощимый оптимизм, искрящееся остроумие, всегдашняя готовность протянуть руку помощи каждому, кто нуждался в поддержке. Особенно много он сделал для подготовки подрастающей литературной и научной смены, воспитал более тридцати аспирантов.

Смерть Бориса Ароновича Бялика — большая и невосполнимая утрата для советской литературы, для науки об искусстве живописания словом.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Татьяна ХЛОПЛЯНКИНА

ПЕРЕКРЕСТОК

Опыт открытого голосования

«СПОР-КЛУБ в зрительном зале», открытый статьей Андрея Плахова «Вокруг «Адамова ребра» (см. «ЛГ» от 8 июня с. г.) и посвященный проблеме проката зарубежных лент, принес нам немало неожиданностей. Во-первых, мы получили едва ли не рекордное для 8-й полосы количество откликов. Небольшая их часть напечатана 27 июля. Можно было бы конечно, подготовить еще одну подборку. Но не слишком ли нерачительно обошлись бы мы в таком случае с попавшим в наши руки богатством? Ведь в этой почте так широко представлены география, профессии, возрасты, вкусы обширной зрительской аудитории, что по мере знакомства с ней крепло ощущение некоего социального эксперимента, проведенного нами с помощью читателей. Один из них — рабочий А. Ворон из Харькова, кстати, и навел на мысль: «Если можно, дайте краткую статистическую сводку по вашей дискуссии!»

Можно, товарищ Ворон! И, безусловно, нужно. Ведь спор читатели ведут не столько о японском фильме «Легенда о Нарайяме», сколько о том, как должны в дальнейшем строиться отношения зрителя с кинематографом. И раз уж в нашем спорклубе собралась такая многочисленная аудитория, почему бы нам не предпринять опыт открытого голосования?

Но сперва небольшое предисловие.

Не знаю точной статистики дорожно-транспортных происшествий, но убеждена, что по количеству аварий одно из первых мест держит в Москве перекресток Малой Грузинской улицы и Большого Тишинского переулка. Рельеф ли переулка тому причиной или обманчивая тишина его тротуаров, но только то и дело видишь на перекрестке одну и ту же картину: две нелепо упершиеся друг в друга машины, битое стекло на мостовой... После очередного такого происшествия кто-то из публики сказал милиционеру: «Да установите вы здесь наконец светофор!» Молоденький инспектор ГАИ посмотрел на собравшихся с непонятной неприязнью и ответил:

— Светофор здесь был, вы же сами и потребовали его убрать.

— Мы? — удивились в толпе.

— Ну, не вы лично, а кто-то из вас. Пенсионер вон из того дома все время жалобы писал, что светофор ему мешает.

Не представляю, как может мешать кому-то светофор, ведь он, кажется, не поет и не танцует, вообще не убеждена, что эта история соответствует действительности — но в принципе она кажется мне вполне вероятной.

Сегодня уже открыто признается, что в правовом отношении мы очень слабо защищены. Не буду говорить здесь о том, что до недавнего времени любое инакомыслие преследовалось, как уголовное преступление, — мы бесправны даже на чисто бытовом уровне. Наше общение с администраторами гостиниц, железнодорожными кассирами, продавцами, работниками Аэрофлота и представителями всяких иных служб выливается в череду бесконечных унижений. Это бесправие должно как-то компенсироваться, и оно компенсируется порой неожиданным образом — желанием ущемить права других людей. Нигде в мире, кажется, люди не делают друг другу столько замечаний, как у нас. Все непрерывно учат друг друга — водители и пешеходы, продавцы и покупатели, врачи и больные, соседи по дому и случайные встречные. Учат устно и учат письменно. Феномен Жалобы в неправовом государстве — особая тема. Заметим лишь, что версия, высказанная инспектором ГАИ на аварийном перекрестке, в принципе вполне реальна. Одному человеку действительно могло вдруг показаться, что ему мешает светофор. Он написал жалобу, а скорее всего — несколько жалоб в самые высокие инстанции. Не забыл перечислить свои заслуги перед обществом, свой трудовой стаж. И дрогнула ГАИ в этой борьбе: а ну его, дескать, связываться...

Теперь представим себе такой же перекресток в сфере искусства. Здесь ужас перед возможной жалобой, к сожалению, диктовал репертуарную политику в течение долгих десятилетий. К чему это привело? К тому, что из искусства изгонялось все, что могло как-то рассердить определенную группу зрителей. Вместо того чтобы серьезно изучать зрительские письма, их панически боялись. Помню, лет пять тому назад телевидением был выпущен многосерийный фильм «Солнечный ветер». Там была очень нестандартная героиня — эмансипированная женщина, в чем-то невероятно безжалостная, способная во имя высших научных целей переступить и через свое собственное, и через чужое чувство. Такая героиня раздражала людей — она и должна была их раздражать: исполнительница главной роли талантливая актриса А. Каменкова сознательно шла на обострение разговора о тех неизбежных потерях, которые несет женский характер, целиком принесенный в жертву Делу, Науке... Но хлынули на телевидение и в редакции письма, авторы которых свое раздражение против героини перенесли на фильм в целом. Как следовало отнестись к этому взрыву эмоций? Спокойно и уважительно. Но вместо трезвого анализа пришел ужас и сознание Вины перед зрителями — вины такой глобальной, что ее уже хочется писать с большой буквы. Много лет спустя на каком-то семинаре, где обсуждался неординарный телевизионный сценарий, я услышала тяжкий вздох редактора: «Нет уж, хватит с нас «Солнечного ветра», до сих пор прийти в себя после него не можем...»

К чему эта история сейчас вдруг вспомнилась? А к тому, что на фоне бурного обновления телевидения, развития новых рубрик стало еще более заметно, какую жалкую жизнь влачит телевизионное художественное кино. Мне кажется, что это в какой-то степени и результат грома, порожденного много лет назад «Солнечным ветром». Под видом телевизионного художественного фильма на современную тему (экранизаций мы здесь не касаемся) у нас теперь выпускается нечто усредненное: немножко про производство, немножко про любовь, и главная задача — чикого не рассердить.

Но не рассердить все равно не удается. На узком пятачке телеэкрана сталкиваются такие разные вкусы! Одни готовы с восторгом по многу раз смотреть «Цыгана». Для других истинным праздником был показ фильма «Мой друг Иван Лапшин»...

Что делать? Опять начать воспитывать друг друга? Да, конечно, это необходимо. Но вместе с тем я убеждена: старую женщину, которая однажды на моих глазах сидела и тихо плакала над судьбой Будулая, не нужно воспитывать, а тем более — перевоспитывать: у нее за плечами тяжелый опыт прожитой жизни, и, основываясь на нем, она смотрела свое собственное кино. Мне «Цыган» решительно не нравится, и я спокойно выключу телевизор. Но у меня встречная просьба: дайте мне смотреть «Ивана Лапшина» и другие фильмы столь же высокого уровня. Не пишите гневных жалоб. Не гребуйте расправы над авторами, произведения которых по тем или иным причинам вам не близки. Если сегодня мы должны что-то воспитывать в себе — так это терпимость к чужому мнению.

И если сегодня мы должны от чего-то в себе избавляться — так это от подозрительности, от уверенности, что человек, думающий иначе, чем ты, — твой враг, от ужаса, что фильм вызовет споры и явится на свет то, по чему надо немедленно принимать меры. — Жалоба.

Но страх этот так еще в нас сидит!

Вот, кажется в нашей кинематографической жизни наступил перелом: мы начали покупать ленты, доступ к которым для рядового советского зрителя еще несколько лет тому назад был попросту невозможен. Первой ласточкой стала «Легенда о Нарайяме». Она вызвала большое волнение в зрительской среде. Пошли жалобы. Но в какой степени они выражают волю большинства? Знаем ли мы современную нашу зрительскую аудиторию? Представляем ли, какие изменения в ней произошли?

Почта «Спор-клуба» дает в какой-то степени ответ на этот вопрос. Правда, могут возразить, что нельзя ставить знак равенства между читателями «ЛГ» и мнением всей аудитории. Однако нам кажется, что проведенный нами анализ достаточно репрезентативен. В нем приняли участие самые обычные зрители — учителя, рабочие, инженеры, студенты, врачи, пенсионеры.

Всего, по сведениям на 1 октября, мы получили 251 отклик на статью «Вокруг «Адамова ребра».

189 человек безоговорочно поддерживают позицию критика Андрея Плахова и тех, кто хочет смотреть зарубежные шедевры в их первозданном виде.

62 человека выступают против. Это почти четверть. Не так уж мало. Но с иллюзией, что «запретительские» письма выражают волю большинства, придется расстаться.

Естественно, мы не в силах процитировать каждое письмо. Обратимся к наиболее типичным высказываниям.

Среди тех, кто возражает против выпуска на наши экраны таких лент, как «Легенда о Нарайяме», часто повторяется фраза: «Я фильм не видела, но...»

«Фильм «Легенда о Нарайяме» я, конечно, не смотрела. Но проблемы, затронутые читателями из Ворошиловграда, настолько остры, что захотелось и мне высказать свое мнение. Ведь показ таких фильмов, как «Легенда о Нарайяме», есть растление молодежи!

ЧЕЛЯБИНСК» Г. ЛЫНЧЕВА

●

Ну что на это ответить? Привычка осуждать произведение, которое не видел, не читал, идет из прошлых времен, и воспитали ее, к сожалению, сами журналисты, поощрявшие, а то и организовывавшие порой «письма трудящихся» по поводу вещей, которые у нас даже не были опубликованы (вспомним историю с «Доктором Живаго»). Если мы хотим овладеть навыками демократического поведения, от этой привычки нам надо раз и навсегда избавиться.

Во времена сталинизма был рожден и своеобразный (мягко говоря) жанр рецензии, приравнивающей любое неугодное тебе произведение к вражеской вылазке. Отголоски тех лет тоже слышны в читательской почте.

«Неужели мы уже отказались от коммунистического воспитания и ради тех, кто безответственно заявляет, что «Совэкспортфильм» держит нас на голодном пайке», решили открыть двери для пропаганды буржуазных идеалов? Я не буду утверждать, что, прочтя статью Плахова, буржуазные идеологи, антисоветчики и даже ЦРУ потирают руки, у меня на это нет оснований, но я с уверенностью скажу, что статья льет воду на их мельницу.

Дм. МАЗИН,
член КПСС с 1939 г., ветеран войны и труда

АЛМА-АТА»

●

Но попадаются в письмах тех, кто голосует против, аргументы весьма неожиданные. Например, такой:

«Покажите нам то, чем мы живем, в ваши «Легенды о Нарайяме» оставьте «верхушке» — у них там давно коммунизм: спецбуфеты, спецбольницы, спецшколы... Я 12 лет стояла в очереди на квартиру, а начальнице ее дали через три года, причем ей с собакой — двухкомнатную, а мне с дочкой — однокомнатную. Вот про что надо кино! Покажите фильмы про Афганистан, про наш позор, про наших пленных ребят, о которых заговорили после публикации статьи И. Андронова. Что предлагает мне наше кино про мою собственную жизнь?

М. ИЛЬЮТЧИК,
горничная

РИГА»

●

Как видим, критическое отношение нашей читательницы к картине рождено не столько самой «Легендой...», сколько дефицитом острых отечественных лент на современную тему. И такую точку зрения можно понять. Никакие зарубежные шедевры не смогут заполнить брешь в духовном состоянии общества, если рядом с ними не появятся отечественные ленты.

И, наконец, самый серьезный аргумент.

«Может быть, конкретно к фильму «Легенда о Нарайяме» мои высказывания не могут быть отнесены, но, к сожалению, в последнее время стала прослеживаться тенденция, часто используемая бесталанными, неумными режиссерами, которые считают, что без «рискованных» сцен фильм будет несовременен.

С. КРИЧЕВСКАЯ

ДНЕПРОПЕТРОВСК»

●

Опасения читательницы абсолютно оправданны. Отечественная «клубничка» уже кое-где проклевывается.

Что с этим делать?

Мне кажется что один из возможных ответов содержится в письме ленинградца Ю. Логвинова:

«Действительно, наши режиссеры уже начали спекулировать на «клубничке». Пусть спекулируют! Это не может долго продолжаться. Постепенно зрители научатся ходить не на «клубничку», а на содержание».

К этому хотелось бы добавить, что спекулируют ведь не только на «клубничке». Спекулируют на всем — на слезах, на любви к Родине, на детском горе, на трагедиях недавнего прошлого, на перестройке. Но это не означает, что все подобные темы нужно изгнать с экрана! Есть путь гораздо более простой: научить зрителя отделять искусство от подделки.

Об этом и пишут читатели, решительно подавшие свой голос — ЗА. Не столько за конкретный фильм «Легенда о Нарайяме», сколько ЗА право выбора, которое должно быть у каждого человека.

Но сперва об одном ощущении, которое пережили многие участники спора.

«Когда я прочитал письмо Шпака и Тепляков по поводу фильма «Легенда о Нарайяме», меня охватил страх, даже ужас при мысли о том, что может прийти много подобных писем и они загубят этот небольшой, некрепкий росток, которому помогло пробиться к зрителю уважаемое Госкино и наше взбудораженное переменами время.

Е. ВЕРШИНИНА,
инженер-конструктор

НИЖНИЙ ТАГИЛ»

●

«Неужели такие люди, как Шпак и Тепляков, смогут задернуть экраны страны черным полотном ханжества? Неужели мы никогда не увидим фильмы настоящих мастеров только потому, что горстка воинствующих пуритан завалит редакции газет и общественные организации разгневанными письмами?

Р. МИКАЕЛЯН,
студент

ЕРЕВАН»

●

Как много трагических подробностей нашей жизни проявила почта, посвященная, кажется, исключительно кинематографу! Радость по поводу происходящих в стране перемен до сих пор сопровождается страхом, что все может измениться, остановиться, как остановилось в шестидесятые годы. Освободиться от этого страха можно только одним способом: понять что нас — людей, не желающих возврата к прошлому, — много и что мы должны активнее бороться за свои права.

Призывом к такой активности буквально пронизана читательская почта:

«Осторожнее сейчас с запретами! Может, хватит? Или мы недостаточно натерпелись от огульного клеймления в конце тридцатых—начале сороковых годов? Скажете, это совсем другой вопрос, не имеющий никакого отношения к фильму «Легенда о Нарайяме»? Вопрос-то другой, да вот приемы у противников фильма одинаковые!

О. ШЕСТАКОВ,
19 лет, рабочий

КИРОВОГРАД»

●

«Нельзя идти на поводу у людей, строчащих жалобы! Вы только посмотрите, кто там у них впереди, на лихом коне? Люди, воспитанные в лучших традициях известных времен...

А. СТУДЕНТОВ,
старший лейтенант

Джезказганская обл.»

●

«Доколе можно считать людей за дураков и создавать искусственную элитарность, показывая мировые шедевры избранным?

Д. ГАРАЕВА,
20 лет

КИРОВО-ЧЕПЕЦК
Кировской обл.»

●

«При выходе нового фильма предлагаю сообщать в кинофише его точное экранное время. В случае, если кому-то придет в голову вырезать ту или иную сцену, зрителям должны вернуть деньги. Только это поможет укоротить «ручонки шаловливые...».

А. БЛИНОВ,
рабочий, 33 года

МОСКВА»

●

«Я даже не понимаю, о чем здесь можно спорить! Теперь все знают, что в обществе существовала двойная мораль. Избранные в закрытых залах смотрели любые картины, в закрытых магазинах покупали любые товары и т. д. Для «массы» же предлагалось нечто безликое, попроще. И пишут письма пенсионеры, которые накрепко усвоили: «ни-зя!»

А. РУМЯНЦЕВ,
34 года, ведущий инженер

МОСКВА»

●

«Может быть, перестройка в восприятии культуры труднее, чем перестройка экономического мышления? Может быть...

Мне фильм «Легенде о Нарайяме» понравился. В заключение скажу, что я не из молодежи, хотя считаю себя комсомольцем: правда, стал я комсомольцем во время ленинского призыва.

В. Д. ЯНКОВСКИЙ,
участник ВОВ

МОСКВА»

●

Последнее высказывание подтверждает, что позиция в нашем споре определяется отнюдь не возрастом. Вот, к примеру, еще одно письмо:

«Уважаемая редакция! Я постоянная подписчица «Литературной газеты». Но сама в газеты никогда не писала, а тут почему-то захотелось. В № 23 на этот год прочитала статью «Вокруг «Адамова ребра» Вполне солидарна с автором. Когда я посмотрела фильм «Легенда о Нарайяме», то восторгу не было конца. Я пересказала фильм всем своим, в том числе и внукам они у меня уже почти взрослые. Фильм очень высокохудожественный, интересный, познавательный, необычный. Давно он прошел, а я нет-нет его и вспомню. И иногда говорю своим: «Я еще не хочу на Нарайяму». Смысл, впрочем, будет понятен лишь тем, кто видел фильм... Очень правильную отповедь дал Андрей Плахов Шпаку и Теплякову! Надо им не сидеть в «ящиках» своих, а почаще навещать кинотеатры и побольше читать, а то у них, видать, мозги заскорузли, извините, это уже немножко белорусское простонародное выражение. Живу я в пригороде Минске — Колодищах, пенсионерка, 62 года, в прошлом — рабочая Монарха Тамара Андреевна. Не претендую на напечатание моего письма, просто выражаю свою мысль. Газету вашу ревностно люблю».

В нашей почте есть гораздо более аргументированные выступления в защиту фильма. Однако нам показалось знаменательным, как легко и естественно простая женщина из Колодищ поняла переживания старой японки, жившей давным-давно на другом конце света — у подножия неведомой нам горы Нарайямы. Что помогло этой белорусской О-рин? Природный вкус? Ощущение, что разделяющие людей барьеры не так крепки, как кажется?

Но почему в таком случае далеко не все зрители готовы к тем переменам, которые происходят сегодня в кинопрокате?

Читатели ищут ответы на этот вопрос.

«Настоящее искусство — это хлеб, горький и черствый, а не бисквитное пирожное, которым нас слишком долго кормили и отбили вкус от обыкновенного хлеба. А когда нам его вдруг дали, мы начинаем морщиться и жаловаться, что невкусно. И чтобы снова приучить нас к настоящему хлебу, нам нужно почаще давать его, а пирожное убрать куда-нибудь подальше.

А. ДИТЯТЬЕВ

ИЖЕВСК»

●

«Если в Госкино наконец перестроились, то мы, зрители, нет. Мы научились писать гневные письма с требованием запретить ту или иную картину, но понять серьезный фильм не умеем.

В. НЕРОДА,
45 лет, служащий

село РАЦЕВО
Черкасской обл.»

●

«В первые минуты после фильма я больше всего боялась услышать ханжеское мнение от моего мужа (он тоже учитель). Но боялась я зря. Муж был в восторге. Почти до утра мы проговорили. Дело в том, что муж — классный руководитель в 10-м классе, и зная, что многие из его учеников уже посмотрели «Легенду о Нарайяме», решил ее обсудить. Как важно, чтобы со школьной скамьи люди учились смотреть фильмы правильно! И кто их научит этому, если не мы!

Т. КАРНАУХОВА

БАЛАКОВО
Саратовской обл.»

●

«Фильмы типа «Легенда о Нарайяме» надо, думается, не просто «выбрасывать» а поокат, а вести с ними работу. Не следует забывать и о том, что нарастает экспансия видео. Через достаточно короткое время видеомагнитофоны перестанут быть редкостью, а за домашними экранами не уследит никакая комиссия. Выход, мне кажется, один — эстетическое воспитание зрителей.

В. ВАСИЛЕНКО,
кинообозреватель газеты «Ленинская смена»

БЕЛГОРОД»

●

«В последнее время на наших экранах стали появляться фильмы без кулюр, честные, искренние — «Легенда о Нарайяме», «Комиссар», «Маленькая Вера», «Фанни и Александр», «Меня зовут Арлекино». Но надо, чтоб зритель был готов их смотреть. А потому от имени киноработников я прошу иногда давать к фильму предисловие специалиста.

Н. БОЙЧЕНКО,
киномеханик
(стаж работы — 34 года)

с. МЕЖИРИЧКА
Житомирской обл.»

●

И еще одно очень дельное предложение. Его высказывает рабочий В. Чеберяченко из города Пирятин Полтавской области:

«Все лучшее в искусстве пусть будет доступно всем. Но в то же самое время кинопрокату следует менять формы работы, чтобы не было навязывания среднему зрителю «возмутительных» с его точки зрения лент. Почему бы в нашем кинотеатре не показывать в день две картины, рассчитанные на разные вкусы?».

«И давать зрителю исчерпывающую информацию до просмотра, чтобы каждый заранее знал, на что он идет», — как бы добавляет читатель А. Овечкин из Иркутска.

Эти предложения, несмотря на то, что они кажутся узкопрактическими, имеют, на мой взгляд, принципиальное значение. Нельзя тащить зрителя к тому или иному произведению «за шиворот» — даже если это произведение, на ваш взгляд, прекрасно. В минувшие годы мы слишком агрессивно и слишком много друг другу советовали — что смотреть, как думать, во что одеваться, какие произведения превозносить, а какие — обличать, даже их не читая... Свободный выбор — вот что сегодня более всего нам необходимо. Перекресток мнений ни в коем случае не должен превращаться в поле брани, где люди усиленно занимаются взаимным воспитанием, таская друг друга за волосы.

«Хватит запретов на всё — на книги, на джинсы, на фильмы, на демонстрации! Если каждый из нас сломает хоть один бюрократический барьер на своем пути, то дело пойдет!

С. КАРАТАЕВ,
26 лет, рабочий

ДНЕПРОПЕТРОВСК»

Читатель прав! Человек сегодня должен сам решать — в каком городе ему жить, за кого голосовать на выборах, что читать, слушать, смотреть.

РЕПЛИКА ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ

В НАМЕКАХ ЛИ ДЕЛО?

Признаться, статья Н. Ртищевой «Путешествие по дилетантам», посвященная театрам-студиям (см. «ЛГ» от 24.VIII с. г.), вызвала во мне сначала дикую обиду. Потом я подумала: а ведь автор оказал нам добрую услугу—подлил масла в огонь интереса к «Современнику-II». И успокоилась. Вдруг начинаю замечать — реакция зрителей на последних спектаклях изменилась. Больше стало любопытных: точно ли Палач в «Тени» играет «в кожанке» комиссара времен гражданской войны? Так ли «похотлива» Принцесса? Есть ли намеки на жизнь чиновников из наших «высоких сфер»? Больше стало гневливых зрителей: права Н. Ртищева, что они себе позволяют — эти начинающие актеры!

Да, сегодня мы живем лучше, чем вчера, но — хуже, чем завтра. Все еще трудно дышать: столько завалов! Мы словно бы просыпаемся после глубокого наркоза. Врач удалил опухоль и говорит: поправляйтесь! А мы — больные — ушлые стали, видим: есть в нашем теле метастазы и — по живому — рвать корешки-корневища. Без анестезии и антисептики. Больно!

В таком положении у нас театры-студии. Нас бы в реанимацию или на худой конец к хорошему психоаналитику. Но знатоки игнорируют студийное движение. Сановники им важно поддакивают: нет достижений. И одновременно производят в официальные лидеры «театр О. Табакова», «студию В. Беляковича на Юго-Западе», «коллектив «У Никитских ворот» М. Розовского». Им и пышки от отечественных критиков, и зарубежные гастроли. Боже меня сохрани навести тень на этих талантливых тружеников! Но почему консилиумы из лучших светил только для них?

Мне говорят: ваша студия по подвалам не шлялась, по инстанциям не моталась! Вас не пинали! Вы счастливчики! Вы под крылышком у «Современника». Да, всего год прошел после шумного открытия театра-студии «Современник-II», уже пожелтели рецензии на спектакль «Пошечина» по мотивам «Зависти» Ю. Олеши. Отзубоскалили специалисты по династическим театральным именам. Устарела шутка называть коллектив, возглавляемый М. Ефремовым, «Центральным детским театром»...

Сегодня опять бьют в колокола: теряем зрителя! Да, сегодня сама жизнь снова стала гигантским театром. Но в наш «Современник-II» люди стремятся попасть и сегодня! Аншлаги.

Но мы знаем и другое: некоторых раздражают спектакли нашей студии. А мы всего-навсего воспроизводим на сцене то, что имеем в реальной жизни — говорим о тех, кому общественное мнение вынесло свой приговор: они бездуховны! Им ничего не надо!

Наш фокус прост: мы делаем все, чтобы зрители забыли, что они пришли в театр. Люди надевают лучшие одежды, выкраивают мелочь из семейного бюджета для буфета, устраиваются на свои места поудобнее в предвкушении... И неожиданно обнаруживают себя перед зеркалом в самые интимные минуты своей жизни, когда вроде бы и соврать-то неприлично, и макияж смыт, и морщинки: эта морщинка — дай бог памяти — от моей же подлости, а эта — от моей же слабости, а эта?..

Говорят, наши спектакли — это бунты или призывы к бунтам. Но не уточняют: против чего и кого мы бунтуем? Н. Ртищева утверждает, что наша «Тень» — не по Шварцу. Да, наши герои обитают на сцене в ящиках для помоев. Это кое-кого шокирует. Но пусть каждый из нас честно спросит себя: а как же назвать то, о чем нам сегодня сообщают газеты? Эти рашидовы, адыловы, чурбановы, бодюлы — сколько их еще среди нас! Да, сцена казни ученого у нас превращена в фарс. Но что же тогда творилось в узбекских подвалах, где людям ломали кости еще вчера, а костоломы получали от сановников ордена за «успехи в строительстве социализма»? Да, наша Принцесса — похотливое животное. Кто же тогда «золотые дети» высокопоставленных преступников, которые столько имели всего и у нас, и на Западе, что им было скучно и одиноко? Да, наш Палач одет в «кожанку» комиссара времен гражданской войны. Но на нем еще и белые панталоны, и лакейские туфли. Если кто и глумится у нас в жизни — так это духовные наследники Сталина и Берии! Да. Тень в спектакле — это не просто намек на «деловых» мафиози, это наш вопль! А порядочные персонажи у нас — они все видят и все понимают, но у них уже нет сил сопротивляться, бороться с ложью и насилием.

У нас новый спектакль «Зверь-Машка» по одноименной пьесе Ю. Мирошниченко в постановке П. Кротенко. Его мы назвали «трагическим балаганом». Здесь герои уже не спрашивают: что читал? А что ты достал, пробил, добыл? И опять неуютно становится тем зрителям, кто имитирует жизнь, а не живет по-настоящему. Сделанный на манер комедии дель-арте, спектакль сбивает с толку прагматический наш век. Свинья сожрала человека! Ужас! А маски приглашают подумать — может, не все еще потеряно? Может, у нас в студии вы схватите глоток свежего воздуха, еще где-нибудь, глядишь, порозовели щечки.

Скоро выйдет еще один спектакль — по пьесе А. Азарха «Наша родословная» (консультант постановки писатель Л. Разгон). О методах «работы» заплечных дел мастеров сталинских душегубок. Готовится к постановке пьеса «Тьма» Л. Андреева. Кем? А все теми же, кто играет и монтирует декорации, работает за осветителей, костюмеров, реквизиторов и уборщиц, кто все делает у нас сам: Михаил Ефремов, Наталья Ионова, Андрей Морозов, Елена Яралова, Вячеслав Невинный, Мария Зайкова, Рашид Незаметдинов, Светлана Щипанская, Роман Хейдзе, Мария и Андрей Селянские, Андрей Лебедев, Екатерина Алонова, Геннадий Венгеров, Лариса Шинова, Никита Высоцкий, Сергей Мурин, Алексей Войтюк, Александр Ладнов, Игорь Фурманюк, Вячеслав Кортуков и Андрей Кочетков.

Л. ВЕРГАСОВА,
завлит театра-студии «Современник-II»

***

Нам не кажется, что всякий раз, когда высказываются критические замечания тому или иному режиссеру, драматургу или целому коллективу, задетое лицо или группа лиц должны немедленно садиться и писать сердитый ответ. Ведь статья Н. Ртищевой «Путешествие по дилетантам» не содержит никаких обвинений театра «Современник-II», которые стоило бы опровергать. Автор высказал свое мнение о спектакле. Возможно, мнение субъективное. Лучший способ его оспорить — это играть, искать подтверждение своей позиции в реакции зрителей, в живой жизни спектакля, а не в перепалке с критиком.

И тем не менее письмо завлита «Современника-II» мы решили опубликовать. В нем есть привлекательный молодой азарт, который выводит данный материал за рамки традиционного «письма в защиту». Если хотите, это своеобразный манифест молодого коллектива. Соответствует ли он реальной действительности?

Ответ опять-таки будем искать там, где он только и может быть,— в спектаклях молодого театра, в его позиции.

ОТДЕЛ ИСКУССТВ «ЛГ»

ЕЩЕ ТОЛЬКО ВЧЕРА...

ПАМЯТИ К. Л. РУДНИЦКОГО

Еще только вчера читал последнюю статью Константина Лазаревича Рудницкого, посвященную событиям 1949 года. Еще только вчера он показывал мне верстку первого тома почти завершенной им «Истории русской режиссуры начала XX века». Еще только вчера рассказывал он о «премьере» его книги о русском театральном авангарде, с горьким остроумием описывал банкет в честь него, битого и перебитого, устроенный в славном городе Пондоне.

Еще только вчера...

Не знаю, кем он был для других. Для меня он был прежде всего ярким и бесстрашным человеком, сделавшим самого себя. В последней своей статье в журнале «Театр», названной коротко «Сорок девятый», он приоткрыл историю своей души, поведал о страшной слепоте поколения, собственной слепоте. «Безродный космополит» второго разряда, он потерял на своей Родине, на своей земле расстрелянного в 37-м отца, ждал долгие годы мать, отсидевшую в лагерях и ссылке. Прошел Великую Отечественную «от звонка до звонка», был контужен, получил десять боевых наград, а в том же незабываемом 49-м должен был выслушать от партийного чиновника классический вопрос о том, не купил ли он свои награды на базаре в Ташкенте. Он был подвержен общему социальному наркозу, но заставил свой мозг проснуться. Опыт прожитой жизни спрессовался в конце концов в неколебимые убеждения. Чем дальше, тем больше его отвращали любые формы насилия над человеческой мыслью, любой стандарт. Герои его статей и книг, от Сухово-Кобылина до Мейерхольда и Ю. Любимова, — люди, вышибленные из колеи. Трагические герои с улыбкой на устах.

Лицедейская природа жизни, понятая древними, нашла в нем неутомимого исследователя. Его научные интересы сформировались довольно поздно. Годы были отданы газетной поденщине. Когда судьба забросила его в тихую гавань Института истории искусств, он распорядился своим шансом наилучшим образом. Острый ум и театральная природа, соединенные с очевидным писательским даром, быстро выдвинули его в первый ряд наших ученых-театроведов. Его книга «Режиссер Мейерхольд», которую не раз пытались задушить на выпуске в конце 60-х годов, принесла ему мировое признание людей театра. Последняя книга, та самая, что имела премьеру в Лондоне, закономерно подводила итоги его работы в области истории русской режиссуры. Когда листаешь этот фолиант, насыщенный богатейшими иллюстрациями и вышедший одновременно в Англии, Франции и США, думаешь только об одном: почему наши соотечественники не заслужили такой книги?

Он любил стихию капустников и режиссировал их с юношеской неутомимой яростью. В этом тоже была страсть, жизнь, ее многоцветье, почти задушенное официозом. По всем классическим меркам он был явно, очевидно некрасив, и вместе с тем он был непередаваемо изящен, особенно тогда, когда был, что называется, «в ударе». Его нартавость завораживала. Он мыслил парадоксально, был готов и умел плыть «против течения». Он задыхался в унылые годы, когда у руля державы стоял мнимый писатель и все вокруг было наводнено сухово-кобылинскими мнимостями. Ему, как и многим другим, прививали «психологию заключенного», но он и это преодолел. В последние годы работал без устали, азартно, не разгибаясь. Многое успел завершить, еще больше—начать и задумать. В начале октября должен был быть с женой, Татьяной Бачелис, в Париже, были назначены его лекции в Сорбонне, должен был выступить на международном семинаре по Станиславскому. Вчера должен был...

А. СМЕЛЯНСКИЙ

СЕМЬ ДНЕЙ В ОКТЯБРЕ

«Никто не забыт» — святая заповедь

ПРОСЬБА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА: ПОМОГИТЕ, ТОВАРИЩИ!

— Это сегодня наша боль — все связанное с нашими ребятами, оказавшимися пленниками в Афганистане...

Так сказал на прошлой неделе в Нью-Йорке член Политбюро ЦК КПСС министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, принимая здесь делегацию «Международного комитета за спасение советских пленников в Афганистане». После этого приема министр срочно вылетел отсюда в Москву на Пленум ЦК КПСС и потому вынужден был отменить полторы дюжины запланированных заранее дипломатических встреч. Тем большую значимость приобрела его последняя нью-йоркская встреча. Ее важность ясна из его же слов:

— Множество советских людей озабочены теперь тяжкой участью плененных в Афганистане наших юных солдат. Сколько из них живы? Надо как можно быстрее установить их местонахождение. И помочь их освободить. Мы уже завершили первый этап вывода из Афганистана советских войск и готовы выполнить до конца взятые нами обязательства при заключении женевских мирных соглашений. С позиции международного права нет у так называемой афганской оппозиции никаких оснований не возвращать советских военнопленных. Поэтому я считаю очень ответственной и благородной деятельность международного комитета в защиту наших соотечественников.

Член международного комитета Бернард Мендельбаум, почетный президент теологической еврейской семинарии, обратился к советскому министру:

— Шесть членов нашего комитета, включая меня, готовы сейчас выехать в Пакистан и Афганистан, чтобы начать там переговоры с нем угодно из тех, от кого зависит освобождение советских военнопленных и возвращение домой. Ныне по всему миру много говорят о правах человека и в том числе о праве всех семей на воссоединение, а в данном случае есть возможность воссоединить 300 семей. Но даже если удастся хоть одну семью, то все равно надо за это бороться! Ради этого не мог бы уважаемый министр обратиться к властям Пакистана за поддержкой просьбы моих шестерых коллег получить у пакистанцев въездные визы без промедления?

Член комитета Барри Фарбер, известный радиообозреватель, тоже обратился к министру:

— Если бы нам удалось добиться освобождения ваших молодых солдат, то это было бы большим достижением идей бескорыстного гуманизма. И это поспособствует духовной взаимосвязи вашего народа с американцами. Я немолод и помню прежние времена, когда Америка и Советский Союз были вместе в боевую пору, а у меня тогда в моей родной Северной Каролине висел на стене портрет маршала Семена Тимошенко. Это было очень ободряюще: вместе сражаться в те годы за правое дело против Гитлера. И было бы хорошо опять очутиться вместе. Спасение военнопленных — правое дело.

Член международного комитета Иона Андронов проинформировал:

— Еще с июня наш комитет установил деловые контакты с представителями в США основных группировок афганской оппозиции. В итоге ее лидеры в Пакистане уже неоднократно извещены о нашем намерении начать с ними напрямик переговоры об условиях освобождения советских пленников. Однако этому препятствуют с июля и по сей день пакистанские власти. Тщетно наш комитет обращался еще летом к покойному ныне президенту Зия уль-Хаку. Потом к теперешнему президенту Гуляму Исхан Хану, к пакистанскому министру иностранных дел Сахабзада Януб Хану, к руководителям миссии Пакистана в Нью-Йорке. Они до сих пор не пускают в их страну делегацию международного комитета. Нельзя ли как-либо втолковать им, что наш комитет ничем не угрожает интересам Пакистана и намерен быть вполне лояльным в отношении пакистанских властей?

— Наша единственная цель — только вызволить военнопленных, — добавил Мендельбаум. — Если бы нам позволили пакистанцы всего-навсего побывать там, где поблизости содержат советских узников, то даже наш приезд туда сам по себе ободрил бы наверняка пленных тем, что они не забыты, не брошены на произвол судьбы. Они бы узнали, что грядет их освобождение и возможность вернуться домой.

— Благодарю вас сердечно, — ответил товарищ Шеварднадзе. — Мы готовы вести переговоры с наших военнопленных с любой группировкой афганской оппозиции. Однако нам говорят вроде бы очень ответственные представители пакистанского руководства, что советских военнопленных нет на территории Пакистана. Но этому я, говоря вам честно и откровенно, не верю. Вот из-за чего, наверное, чинят препятствия вашему международному комитету. Вот почему вас не пускают в Пакистан. По данному поводу я могу кое-что сделать конкретно: обратиться с личным письмом к министру иностранных дел Пакистана, а если окажется надо, то и повыше — к пакистанскому президенту. Как раз час назад я обсуждал вопрос о наших военнопленных с находящимся в Нью-Йорке пакистанским министром иностранных дел Якуб Ханом. Могу попросить пакистанцев о сочувствии благородной деятельности вашего комитета. Я думаю, что если вообще объединить впредь усилия вашего комитета, других общественных организаций и политических учреждений, можно добиться необходимых результатов.

Эта рекомендация — объединить экстренно усилия всех спасителей измученных и умирающих пленников — одобрена после встречи с Э. А. Шеварднадзе членами международного комитета. Иного выхода отныне просто нет. Власти Пакистана не только отреагировали негативно на инициативу международного комитета, но и сразу же вслед за отъездом из Нью-Йорка советского министра уполномочили его пакистанского собеседника Якуб Хана огласить антисоветские заявления по поводу текущей ситуации в Афганистане. То же самое раздается из Вашингтона, где явно отреклись от майского обещания президента США способствовать спасению из неволи советских солдат. Их участь игнорирует, к сожалению, и высшая администрация ООН, куда обращался дважды, но бесплодно, нью-йоркский комитет. А между тем в Москве редакции ведущих газет накопили тысячи писем советских граждан и коллективов с призывами принять все меры общественного воздействия на пакистанских политиков.

Письма эти вполне справедливы.

Иона АНДРОНОВ,
соб. корр. «ЛГ»

НЬЮ-ЙОРК

Актуальное интервью

КНИГА — НЕ ПОЧТОЙ

Недавно в Нью-Йорке между Госкомиздатом СССР, канадской компанией «Фарго» и американской «Альфагрэфикс» было подписано соглашение, предусматривающее создание в Москве первых двух копировальных центров. Наш корреспондент Владимир Кузнецов встретился с директором издательства «Книга», председателем правления «Книга принтшоп» — так будет называться это новое совместное предприятие — В. Н. АДАМОВЫМ.

— С чем связано создание подобной фирмы у нас в стране?

— Оперативная полиграфия — это наше упущение. Ни одна советская типография не любит выпускать книги малыми, в три-четыре тысячи экземпляров, тиражами. Это невыгодно. А наше оборудование не выдерживает никакой критики. Заключенное соглашение даст возможность выпускать многокрасочную продукцию, малыми тиражами, максимально быстро и с высоким качеством. Все это позволит получать валюту, на которую мы сможем заказать любую продукцию. Например, в Югославии, где есть полиграфкомбинаты, оборудованные по последнему слову техники, которым не хватает заказов. Или в Финляндии, где такая же ситуация.

— Почему именно американская и канадская фирмы?

— «Альфагрэфикс» сама не открывает такие салоны, а лишь продает на это права другим фирмам, как в данном случае «Фарго». Разработанная американцами технология позволяет оперативно открывать подобные типографские салоны в любой точке земного шара. Они покрыли ими практически всю Западную Европу, США и Канаду, связав в одну замкнутую цепочку. Что это дает? Скажем, если французский коммерсант или дипломат едет в Нью-Йорк или Москву, где необходимо размножить деловые бумаги на восьми языках, ему не нужно будет везти их все с собой. Он свяжется с местным отделением фирмы, которая при помощи связи передаст необходимые материалы в нужное место.

— Теперь любое частное лицо сможет обратиться в вашу фирму и получить нужную ксерокопию?

— Об этом говорить еще рано. В уставных документах сказано, что пока мы будем обслуживать прежде всего иностранных граждан, деловой мир, дипломатический корпус и советские организации. Сейчас главное для нас — это получить иностранного заказчика и заработать валюту. При самых осторожных расчетах, уже через год — полтора предприятие себя оправдает. Затем мы надеемся приобрести у «Альфагрэфикс» большую лицензию, которая может стоить от одного до полутора миллионов долларов, и открыть еще десять подобных центров в Москве, Ленинграде, Киеве, а в перспективе целую сеть их по всей стране. Вот тогда мы сумеем выполнять индивидуальные заказы.

Беда наших совместных предприятий в том, что они не могут обеспечить себя валютой, как это произошло, например, с журналом «Бурда моден». Хотя я считаю, что каждый советский предприниматель способен ее заработать. Для нашего предприятия мы не попросили ни у кого ни одного доллара, ни одного рубля.

— Когда «Книга принтшоп» начнет выпускать продукцию?

— В январе будущего года: один копировальный центр откроется на улице Горького, 50, где уже идут ремонтные работы, второй — предположительно в Международном выставочном центре на Красной Пресне.

Контакты и контракты

«ГЛАСНОСТЬ ВЯЧЕСЛАВА ЗАЙЦЕВА»

«Впервые в истории триумф советской моды в Париже», — писал в феврале этого года журнал «Пари-матч» о показе коллекции моделей Зайцева в театре «Мариньи», устроенном по приглашению старейшей французской фирмы «Карвен». А недавно английская газета «Обсервер» сообщила: «Коллекция моделей Зайцева стала для «Карвен» не только первым шагом в знакомстве с русской модой, но и выгодным делом, которое можно использовать на Западе».

— Действительно, в настоящее время ведутся переговоры с французской фирмой «Карвен» о создании совместного советско-французского предприятия, — рассказывает Вячеслав Зайцев в беседе с корреспондентом «ЛГ». — Фирма предложила нам проект линии, выпускающей духи, косметические средства и модные аксессуары, на которых по лицензии будет ставиться мое имя.

Другой подобный контракт предполагается заключить с итальянской компанией «Мардзотто». Это крупнейшая фирма, выпускающая одежду по эскизам таких известных модельеров, как Джан Франко Ферре, Миссони, Бьяджотти. Фирма уже зарегистрировала знак, под которым будет выпускаться наша одежда. Он называется «Гласность Вячеслава Зайцева».

Т. ЗЕМЦОВА

Сообщаем подробности

НИЧЬЯ В ПЕРВОМ РАУНДЕ

До президентских выборов в США остался месяц. Исход борьбы за Белый дом будет предрешен, очевидно, в середине октября во втором раунде телевизионных дебатов между вице-президентом Джорджем Бушем и губернатором штата Массачусетс Майклом Дукакисом. Первый, сентябрьский раунд на телевидении закончился, как тут выражаются, «без нокаута». На следующий день нью-йоркская радиостанция Эм-си-ай устроила опрос в эфире группы журналистов, включая корреспондента «Литгазеты». В частности, меня спросили:

— А каково вообще ваше мнение о первом раунде теледебатов?

— Это типично американское зрелище, суть которого, по-моему, наиболее точно изложил обозреватель газеты «Нью-Йорк пост» Джерри Нэчмен: «Дебаты между Бушем и Дукакисом явились в основном и прежде всего телевизионным шоу».

Таково почти всеобщее мнение. Его оригинально подытожил 3 октября журнал «Ньюсуик» в статье под заголовком «Неожиданный победитель предвыборных теледебатов — диктор компании Эй-би-си Питер Дженнингс». При чем тут Дженнингс? А при том, что он и еще трое популярных журналистов во время теледебатов ставили вопросы Бушу и Дукакису.

— Меня поразило, что по части внешнего облика Дженнингс оказался как бы победителем, — заявила редакции «Ньюсуик» эксперт по рекламе Барбара Липперт.

Известный эстрадный артист Джэки Мэсон добавил:

— Среди участников теледебатов наилучший для президента облик был у Дженнингса. Он и выиграл дебаты!

Анекдотично? Однако вся местная пресса единодушно констатирует, что с той поры, когда в 1960 году состоялись первые предвыборные дебаты между Джоном Кеннеди и Ричардом Никсоном, всегда побеждал тот претендент, который выглядел более обаятельно, внушительно и потому располагал к доверию. Никсон проиграл 28 лет назад, как вспоминают теперь, якобы из-за того, что выглядел на экранах вспотевшим, а глаза у него озабоченно бегали по сторонам, хотя полемистом он показал себя не худшим, чем его соперник.

Сразу же вслед за нынешними теледебатами специалисты по предвыборным состязаниям Джонатан Элтер и Мики Каус опубликовали перечень решающих качеств Дукакиса и Буша, поставив на первое место такой фактор: у кого из них лучший галстук. Даже солидная «Нью-Йорк таймс» прокомментировала дебаты под крупным заголовком: «Оба соперника в бордовых галстуках высказывались уравновешенно». Далее рассказывалось, как Дукакис, будучи ниже ростом, чем Буш, стоял перед телекамерами на коврике, под который заботливо была спрятана деревянная подставка.

Видный эксперт по телерекламе Джей Чиат саркастически рассуждает:

— Дукакису вообще присуща некоторая деревянная скованность. Надо бы посоветовать ему нанять хореографа для шлифовки движений. Это необходимо для телевидения, благодаря которому публика обращает внимание главным образом на манеры политика вместо содержания его речей. Впрочем, в нынешних дебатах содержания, по-моему, было очень мало.

Упрек резонный. Полтора часа теледебатов оппоненты по преимуществу занимались нападками друг на друга, высказав совсем немного новых предложений. Дукакис пообещал, если станет президентом, застраховать денежными пособиями детей малоимущих родителей на случай болезни и дорогостоящего лечения. Буш посулил законодательно запретить американкам аборты и подвергнуть нарушительниц уголовному преследованию. Однако через несколько часов он свою угрозу аннулировал.

Накануне теледебатов пресса прогнозировала, что зрителей будет свыше ста миллионов. Затем их насчитали шестьдесят миллионов. Это все равно огромная масса избирателей, какую не завлечь даже на сотни предвыборных митингов. Вот почему предвыборная агитация сегодня ориентирована целиком на американское телевидение с его традициями, нравами, развлекательными вкусами.

Наш корр.

НЬЮ-ЙОРК

ЗАЧЕМ ИЗРАИЛЮ НУЖЕН КОСМОС?

Точка зрения

19 сентября этого года израильское радио прервало передачи для экстренного сообщения: «В 11 часов 32 минуты по местному времени Израиль запустил в космос свой первый искусственный спутник, став, таким образом, восьмой космической державой».

Арабские газеты, ссылаясь на иностранные источники, сообщили, что члены израильского правительства, обычно собирающиеся по средам, изменили своей традиции и тайно встретились накануне запуска, в воскресенье, с единственной целью — дать «добро» на старт. Министры предпочли почему-то не распространяться перед прессой по этому поводу. Секретарь правительства Э. Рубинштейн отказался прокомментировать воскресную встречу членов правительства. Воздержались от выступлений и более высокие должностные лица.

Подобная позиция Тель-Авива вызвала обоснованные подозрения у соседних арабских государств. Ливанская газета «Ас-Сафир» расценила запуск как новый «опасный шаг на пути гонки вооружений в районе Ближнего Востока». «Имеются все основания полагать, что спутник выполняет разведывательную миссию и отнюдь не является спутником связи, как утверждают в Израиле», — выразил свое мнение официальный представитель Иордании.

Гогда директор космического агентства Ю. В. Нейман поспешил несколько поправить дело, приоткрыв завесу секретности. Он рассказал, что спутник выведен на орбиту с параметрами 250 и 1000 километров от поверхности Земли. Запуск осуществлен ракетой израильского производства «Шавит-1», созданной специально для этой цели. Стоимость программы, разрабатывавшейся с 1960 года, оценивается в 200 миллионов долларов. «Ну, а что касается самого спутника, то он очень похож на первый искусственный спутник Земли, запущенный Советским Союзом в 1957 году», — сообщил немногословный директор.

Самым откровенным оказался бывший начальник генерального штаба Израиля Мордехай Гур. «Дело в том, — сказал он, — что наши руководители уже давно мечтали заиметь свой собственный разведывательный спутник. Эту потребность они ощутили особенно остро в дни арабо-израильской войны 1973 года, когда США стали скрывать от Тель-Авива разведданные, полученные из космоса».

Так что аналогии с советским первым искусственным спутником Земли кажутся не совсем уместными.

Сергей МЕДВЕДКО,
соб. корр. «ЛГ»

ДАМАСК

С места события

«Интерлит-88»

«Интерлит-88» встретил нас уже на пороге Эрлангена. Плакатами международной встречи писателей был украшен и зал конгресс-центрума, где она проходила на прошлой неделе. На этих плакатах мы увидели стихи, рисунки, эссе — своеобразные автографы гостей. Кто приехал в Эрланген? Известные писатели из Азии, Африки и Латинской Америки. Дело в том, что «Интерлит-88» проводился под девизом «Третий мир — наш мир». Этим и объяснялся состав участников.

Эрланген — город древний и одновременно молодой. Его основателями были гугеноты, боровшиеся против французской короны. Сегодня его лицо определяют писатели и инженеры-электронщики. Здесь находится один из старейших в Европе университетов.

Встреча писателей в Эрлангене — вторая на территории ФРГ. Первая состоялась в 1982 году в Кёльне на тему «Современные писатели и их вклад в сохранение мира: границы и возможности». Там присутствовали 250 литераторов из 50 стран мира. На этот раз число участников было ограничено тридцатью. И только из стран «третьего мира». Не сужает ли это возможности успешной работы «Интерлита-88»? С этого вопроса мы начали беседу об итогах форума с его президентом, западногерманским писателем Гансом-Петером Блойелем.

— Мы долго думали, не следует ли пригласить вновь писателей Запада и Востока, — заметил Блойель. — Однако в этом случае на первый план вышли бы идеологические проблемы, вопросы отношений Восток — Запад. В Кёльне писатели из третьих стран говорили нам: вопросы войны и мира крайне важны, но острейшими нашими темами остаются нищета и голод — эгоизм богатых и бесправие бедных. Все это требует отдельной, более углубленной дискуссии, и мы решили посвятить форум именно этим проблемам.

На «Интерлите-88», в котором участвовали такие известные писатели, как Азиз Несин (Турция), Антонио Калладо (Бразилия), Джиоконда Белли (Никарагуа), Жоа Убалдо Рибейро (Бразилия), Пепетила (Ангола) и другие, обсуждались насущные вопросы развития «третьего мира». Выступления участников на общих дискуссиях дополнялись встречами в различных городах ФРГ вблизи Эрлангена и чтением их собственных произведений как на родном языке, так и на немецком.

Блойель коснулся вопроса о соотношении литературы и политики, близкого и актуального для писателей всего мира. И чрезвычайно важного сегодня, когда в Советском Союзе свершаются знаменательные перемены. Как это отразилось на дискуссиях «Интерлита-88»?

— Конечно же, сейчас легче вести диалог, чем это было шесть лет назад, — сказал Блойель. — Тогда все мы только кричали, что хотим мира, разоружения — в противовес политикам, военным стратегам. За последние 2—3 года положение значительно изменилось. Сегодня проще говорить друг с другом, рождается больше надежд. Все это стало возможным благодаря усилиям советской политики. И мы надеемся, что этот курс утвердится в СССР.

Случилось так, что в дни форума газеты ФРГ были полны откликов на решения Пленума ЦК КПСС и внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Их основной смысл выражен в заявлении министра иностранных дел ФРГ Ганса-Дитриха Геншера, отметившего, что такое развитие событий в Советском Союзе подтверждает курс М. С. Горбачева на реформы.

Международные писательские встречи давно стали традицией. Голос писателей в защиту мира и гуманистических принципов прозвучал еще на знаменитых предвоенных конгрессах в Париже, Амстердаме и Мадриде. Эстафету продолжили софийские встречи 80-х годов. Думаем, что участие в «Интерлите-88» литераторов Европы и США могло бы повысить его значение. В конечном итоге проблемы голода и бесправия в «третьем мире» нельзя решать изолированно от проблем мира и войны, выживания человечества в ядерный век.

— А что можно сказать о будущем «Интерлита»? — спросили мы Блойеля.

Он был откровенен:

— У нас много идей, но мало денег, нам нужна финансовая поддержка. Но нам трудно получить в ФРГ средства на культурные цели! Может быть, в следующий раз нам удастся объединить масштабность Кёльна с интеллигентностью Эрлангена и мы поведем новый широкий разговор о литературе, об ответственности писателя в ядерный век.

О. ПРУДКОВ,
В. ЗАПЕВАЛОВ,
спецкоры «ЛГ»

ЭРЛАНГЕН

P. S. В тот момент, когда писались эти строчки, пришла весть о кончине Франца-Йозефа Штрауса. Большую жизнь прожил этот крупный западногерманский политик. Неоднозначным было его отношение к Советскому Союзу. Но в конце дней своих он все же смог осуществить ревизию своих политических взглядов, побывал в Москве и, думаем, не ошибемся, стал активным автором новых страниц в советско-западногерманских отношениях.

Одному из нас довелось встретиться со Штраусом сразу после его возвращения из Москвы и взять у премьер-министра Баварии и председателя ХСС интервью. И в интервью, и в кулуарной беседе Штраус давал высокую оценку процессу преобразований в СССР, был полон планов развития широкого сотрудничества между нашими странами. Ему не довелось реализовать свои планы. Однако у тех, кто придет после Штрауса, есть хорошая программа действий, они могут продолжить начатое, не побоимся этого слова, выдающимся политиком.

АТАКУЕТ «ЗВЕРЬ ВОЙНЫ»

В вместо рецензии

«Афганистан, 1981 год. В пекле песков пустыни вместо шакалов — советские танки. И развертывается заурядная военная драма. Драма, в которой сталкиваются два логики, два понятия о законности, где за самой кровавой диностью следует самая зверская бойня. Главное действующее лицо этой трагедии — прекрасный и одновременно омерзительный монстр — советский танк. Зверь войны: 20 тонн ненависти, брони и огня. Танк с его жаждой насилия, скрытой в слепой и всеподавляющей массе брони, оказывается затянутым в спираль смерти. Смерти тех, кто служит ему, и тех, кто сражается с ним.

Два человека сталкиваются в танке. Его командир по фамилии Даскаль, бредящий повторением Сталинграда и всегда помнящий об отце, которого повесили гитлеровцы, не видит мира иначе, как через смотровую щель в броне монстра. Другой — интеллектуал в очках, водитель машины Константин — вынужден выполнять команды офицера, но не в состоянии смириться с насилием. Может ли следовать приказам командира Константин, когда все внутри него восстает против этого? Должен ли он стать сообщником преступления или наоборот убить зверя войны? Два человека — два врага.

Константин сделает свой выбор. Он и афганские повстанцы соединят свои судьбы, чтобы скорее покончить со зверем войны».

Такова опубликованная в крупнейших парижских газетах аннотация на фильм, разрекламированный во Франции как «мировая премьера». И в самом деле, «Зверь войны» — так назвал свою картину режиссер Кевин Рейнольдс — была представлена на кинофестивале в нормандском курорте Довиль как «гвоздь сезона». В определенной степени трудно не согласиться с этой оценкой. Не потому, что в новом американском боевике, отснятом в Израиле, больше пиротехнических эффектов и грубого натурализма, чем в других западных фильмах, специализирующихся на сценах для людей с крепкими нервами. И не потому, что в «Звере войны» — как декларирует его режиссер — предпринимаются попытки поднять духовные проблемы, подход к которым начал искать еще Френсис Форд Коппола в знаменитом «Апокалипсисе». Картина Рейнольдса поражает не философской глубиной и художественными достоинствами — их заменяет смакование актов садизма, — а прежде всего самим фактом своего появления на экранах именно сейчас, когда начали реализовываться конкретные меры по мирному разрешению афганской проблемы. Стоит ли сегодня, когда под обстрелом военной оппозиции продолжается вывод советских частей из Афганистана, сгущать краски, сознательно перемешивать цвета и вновь, как в худшие годы «холодной войны», запугивать обывателей по обе стороны Атлантики «зверствами русских»?

— «Зверь войны» — не политический фильм, — тем не менее утверждает Кевин Рейнольдс. — Я далек от антисоветизма. Напротив, роман «Доктор Живаго» сделал меня творцом, изменил мою жизнь. Главное, что интересовало меня в картине, — это диалектика человеческих отношений в чрезвычайной ситуации, на фоне грандиозного и величественного пейзажа...

Но зачем же тогда понадобилась вся эта свистопляска вокруг извлеченного из ангаров израильской армии трофейного танка, которую затеяли на заполненных бутафорскими трупами съемочных площадках у Мертвого моря?

«Пуркуа па?» (Почему бы и нет?) — говорят французы. Однако дурной осадок остается от этой сработанной по канонам старого голливудского боевика киноподелки на фоне «грандиозного пейзажа», за которым хорошо просматривается не что иное, как стремление влиятельных сил на Западе в очередной раз вызвать истерию вокруг событий в Афганистане. Вдвойне тягостно это ощущение, когда читаешь на афишах «Зверя войны» тысячекратно размноженное: «Первый боевик о войне в Афганистане!». А где же наши фильмы на эту тему? Где?! А пока торжествующе свирепствует на западноевропейских экранах американский «Зверь войны».

Кирилл ПРИВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»

ПАРИЖ

По последним данным, с мая по август этого года моджахеды выпустили по Кабулу 300 ракет и 30 артиллерийских снарядов, устроили 63 взрыва, жертвами которых пали 200 человек. Среди них — женщины и дети. Такие же дети, как эти, что доверчиво окружили воина-интернационалиста...

Фото из журнала «Панорама» (ИТАЛИЯ)

Встречи

Грэм Грин — почетный доктор МГУ

84 свечи горело на праздничном торте, который поднесли прославленному английскому писателю его московские друзья 2 октября. Свой день рождения автор «Тихого американца» встретил в нашей стране, где имя его и книги так популярны.

Накануне мы возвращались из Большого театра. Я остановил частную машину. За рулем сидел молодой человек лет тридцати, как потом выяснилось, инженер. Услышав английскую речь, он начал приглядываться к пассажиру, сидевшему рядом и, узнав по фотографиям, спросил меня: «Неужели это Грэм Грин?» Потом стал сокрушаться: «Но ведь никто — ни жена, ни товарищи на работе — не поверят, что я вез самого Грэма Грина».

Пришлось попросить писателя оставить инженеру автограф на театральной программке. Тот был совершенно счастлив и деньги с нас взять наотрез отказался.

К приезду Грина в Советский Союз был приурочен симпозиум «Коммунизм и христианство», организованный Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, Союзом писателей СССР и Советским комитетом за европейскую безопасность и сотрудничество. Открыл симпозиум директор ИМЛИ член-корреспондент АН СССР Ф. Кузнецов. От имени президиума АН СССР гостя приветствовал академик Е. Челышев. В симпозиуме приняли участие видные советские ученые, прозаики, деятели религии: академик Ю. Виппер, члены-корреспонденты АН СССР Н. Балашов, И. Шафаревич, зам. директора ИМЛИ П. Палиевский, доктора филологических наук А. Зверев, Д. Урнов, митрополит Минский и Белорусский Русской Православной церкви Филарет, епископ Римской католической церкви В. Нюкш (Рига), писатели Ч. Айтматов, В. Распутин, В. Крупин, венгерский публицист Л. Роберт.

Заслуги писателя, чьи книги способствуют утверждению высоких гуманистических идеалов, росту взаимопонимания между людьми разных политических взглядов, были отмечены присвоением ему степени почетного доктора Московского университета. Вчера состоялось торжественное вручение диплома, после чего Г. Грин встретился со студентами.

Творческая энергия писателя поистине неиссякаема. В сентябре этого года он выпустил новый роман «Капитан и враг», в периодике появляются новые рассказы. С одним из них мы знакомим сегодня читателей «ЛГ».

С. БЭЛЗА

См. стр. 15.

ВСЕГО ЗА ПОЛГОДА...

О ТОМ, КАК ДИРЕКТОР СТАЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ, И О ДРУГИХ ПЕРЕМЕНАХ К ЛУЧШЕМУ

«ПРОШУ уволить меня по собственному желанию, т. к. я не могу вывести завод из прорыва...» — это заявление директор Кирсинского гравийного завода, что в Кировской области, направил руководству вышестоящего главка в минувшем феврале. Начальство долго делало вид, что ничего не получало. И его можно понять: искать нового директора на этот завод — мучение. Сколько директоров сменилось, а дела все хуже и хуже, убытки исчисляются миллионами... И что еще обидно: последний директор — молодой, энергичный, по всем статьям перспективный, на него такие надежды возлагали! А он...

Конечно, в главке понимали, что бесконечно игнорировать заявление нельзя, но, видимо, надеялись, что все как-нибудь рассосется — или директор сам «образумится», или его «образумят» и он отзовет заявление обратно, или вообще случится чудо... Директор заявление не отозвал, но чудо случилось: гравийный завод вдруг стал приносить прибыль.

Это «вдруг» произошло после того, как предприятие взял в аренду кооператив.

Впрочем, подробности о том, как это «было» и как «стало», лучше узнать из первых уст.

Бывший директор:

— Раньше я работал на фосфоритовом руднике. На гравийный завод был направлен, так сказать, в порядке партийной дисциплины. Начал главным инженером, потом, когда в очередной раз открылась директорская вакансия, назначили меня. Завод был в очень тяжелом состоянии: техника почти вся требовала ремонта, с кадрами полный завал — основное производство укомплектовано от силы процентов на двадцать. Да и те, кто сегодня работал, завтра собирались уйти. Людей можно понять: раз нет плана — нет заработка. Делали ставку на жилье, заводу давали кое-какие гарантии — но и тут «прокол» вышел. В общем, куда ни кинь...

— Но вас хоть в одиночестве не оставляли — помогали, приезжали?

— Приезжали? Конечно! Комиссия за комиссией — из райкома, из обкома: надо больше гравия! Больше надо гравия! Гравия надо больше!.. Да я сам знаю, что надо... Мы и так, и сяк крутились, разные вливания пробовали — и график меняли, и зарплату искусственно поднимали, и с бригадами экспериментировали. Эффект был, но очень кратковременный, как у безнадежно больного.

— А вы уверены, что «больной» действительно был безнадежен — может, очень опытный, очень сильный руководитель все же вытащил бы завод?

— Не буду гадать. Да и где взять столько очень «сильных» на все наши прорехи?.. Знаю другое: я лично сделал все, что мог. И все оказалось бесполезно. Тогда и написал заявление... Это ведь очень тяжело — жить с чувством своей бесполезности. Идешь на работу, как на каторгу...

Председатель кооператива:

— На работу я не иду — лечу! Ведь какая интересная у нас жизнь: кооператив только с апреля существует, а мы уже дали 112,5 тысячи кубометров гравия. А за весь прошлый год выработка составила 84 тысячи кубов. Ну разве не здорово? И это только первые шаги, самые трудные. Раньше завод мучался от нехватки кадров, а теперь оказалось — не недостаток их, а излишек: мы обходимся половиной былого состава. И в денежном отношении зажили совершенно иначе: средний заработок рабочего сейчас 500 рублей, а был 150. Производительность труда резко вверх пошла, ведь исчезла угроза, что в «ответ» резко увеличат нормы... Да, не сказал еще: 500 рублей — это своего рода аванс, расчет будет в конце года. Полагаю, тысячи по две мы людям выплатим.

Но все же не это главное. Главное — чувство свободы: мы сами всем распоряжаемся, все только от нас зависит. Перечисляем государству в лице треста предусмотренную арендным договором сумму (302 тыс. руб.), и все, остальное наше.

— Противники аренды высказывают опасения: мол, в этих условиях проснется алчность, весь доход коллектив пустит на зарплату, а кто же будет заботиться о сохранности, модернизации, обновлении основных фондов? Где гарантия, что производство будет развиваться?

— Срок аренды — у нас он десять лет — и есть гарантия.

Такой срок без призывов и лозунгов воспитывает в человеке чувство хозяина своего социалистического предприятия. Один пример: на днях у нас прошло собрание, обсуждали вопрос — покупать или нет бульдозер. Как-никак 18 тысяч надо изъять из «личного» — моего, твоего — кармана на общие нужды. И все решили — покупать!

— Ну, а как с более долговременными вложениями — например, в жилье?

— С нового года хотим вкладывать деньги в строительство поселка.

— Тогда вопрос такой: если аренда столь выгодна и государству, и каждому конкретному работнику, почему же она внедряется со скрипом?

— Потому что она не выгодна управленческому аппарату. Ведь те предприятия, что берут в свои руки инициативу, перестают нуждаться в опеке. А зачем им «опекуны»?

Пора представить собеседников. Точнее, собеседника: А. В. Шевчук. Алексей Владимирович соединил в одном лице две роли — вчерашнего несчастного директора и сегодняшнего счастливого председателя. Такой вот «поворот»...

Своей идеей, рождением, становлением кооператив «Гравийный» обязан А. Ф. Курошеву. Алексей Филиппович считает, что все пять заводов, принадлежащих тресту «Кировстройдеталь», должны работать именно по принципу арендного подряда. Он убежден, что перенесение кооперативных форм на государственную почву, введение аренды дают предприятиям такую степень свободы, которую не гарантирует в административной системе самая прогрессивная модель хозрасчета. Алексей Филиппович уже все прикинул и просчитал на будущее, он прогнозирует, кто и как будет координировать работу предприятий в условиях аренды — выборный совет. При этом сама «надстройка» в виде «Кировстройдетали» оказывается, по его планам, абсолютно не нужной. И это отнюдь не прожекты «человека со стороны». Ведь А. Ф. Курошев работает управляющим того самого треста, под который «копает»...

Итак, сегодня в Кировской области производят гравия больше, чем вчера, а завтра его будет больше, чем сегодня. Напомним, гравий — это дороги, а хорошие дороги были нужны кировчанам еще позавчера.

Но все-таки дорога, которую прокладывает прямо через свой кабинет управляющий трестом, представляется даже еще важнее. Это дорога стратегического назначения: в ней остро нуждается перестройка.

Н. ЗЕНОВА,
соб. корр. «ЛГ»

ДЛЯ «АФГАНЦЕВ»

Фоторепортаж В. БОГДАНОВА

Наше общество чувствует себя обязанным перед воинами-интернационалистами, прошедшими горнило Афганистана. Их справедливо приравняли по льготам к ветеранам Великой Отечественной. У молодых людей немало проблем, и одна из первых — жилищная.

В списках первоочередников Абакана только ветеранов войны числится более 500 человек. За последние годы к ним прибавились еще 140 «афганцев». Между тем положение со строительством жилья оставалось крайне напряженным. Но вот пришел работать в Абаканский горком партии новый секретарь С. К. Шойгу и предложил нестандартную идею.

Горисполком выделяет на окраине города площади для строительства индивидуальных домов, а для сооружения их привлекаются сами бывшие воины-интернационалисты. Их принимают на работу в трест «Абаканвагонстрой», они осваивают специальности плотников, бетонщиков, каменщиков, электриков, монтажников. И начинают строить: сначала — себе, потом — другим нуждающимся. Часть взятой «афганцами» ссуды на строительство (каждая квартира стоит 20 тысяч рублей) покрывает трест, остальную сумму новоселы погашают сами.

Идея понравилась. За неделю сформировалась комплексная бригада, которую возглавил кавалер ордена Красной Звезды Александр Усачев.

Первые 25 домов, кстати, улучшенной планировки, с квартирами в двух уровнях, с полным набором удобств, будут сданы в начале следующего года. В них поселятся бывшие солдаты, нынешние строители.

Решив для себя проблему жилья, они — так условлено — останутся работать в «Абаканвагонстрое», строить жилье для других. Тресту прямая выгода — он приобретает испытанных, умелых, надежных во всех отношениях парней.

НА СНИМКАХ:

● *Начало*

● *Проект уточняют Александр УСАЧЕВ и проектировщики Галина СИВЕНЦЕВА и Любовь ЗАЙЦЕВА*

● *Когда быть новоселью — теперь зависит только от них самих*

СРЕДИ многих нестандартных идей, высказанных на XIX партконференции, прозвучала мысль о необходимости проработки различных альтернатив перед каждым мероприятием государственного значения. При этом предлагается решительно отбрасывать любой уже выбранный вариант, если он оказался не лучшим. Иными словами — не углублять и не тиражировать ошибки, а безотлагательно исправлять их в ходе самой перестройки.

Сложность заключается в том, что есть разного рода ошибки. Одни из них, подобно нарушениям в человеческом организме, носят функциональный характер и могут устраняться сравнительно легко. Другие ведут к органическим поражениям, к выводу из строя наиболее важных систем жизнеобеспечения. Этих ошибок допустить нельзя. Надо с самого начала создать такой механизм слежения и контроля, который исключал бы вероятность принятия роковых по своим последствиям решений — в том числе и тогда, когда за них голосуют признанные авторитеты в науке и общественное мнение готово эти решения принять и утвердить.

Одной из таких аберраций, на наш взгляд, является представление о возможности и даже необходимости начинать экономическую реформу с приведения в порядок цен. Препарировать цены в той специфической ситуации, в которой находится наша экономика, а именно: в состоянии затянувшегося дефицита — все равно что с завязанными глазами производить операцию на сердце при обширном инфаркте.

Цены — тончайшая и очень ранимая ткань экономического организма, всякое прикосновение к ним всегда требует особой осторожности, чтобы, исправляя возникающие диспропорции, не нанести еще большего ущерба. Такое уже случалось в нашей практике и было причиной немалых бед, хотя масштабы изменений были гораздо меньше предполагаемых ныне. При обсуждении этого в печати затрагивается обычно лишь одна сторона проблемы: как непосредственно отразится данное мероприятие на уровне жизни населения? Но есть и другая сторона, и здесь разговор пойдет в основном о ней: будет ли достигнута поставленная цель или это изначально ошибочный путь, который даст совершенно противоположные результаты?

Приверженцы так называемых равновесных цен, на уровне которых устанавливается равенство спроса и предложения, надеются с помощью их убить сразу двух зайцев: покончить и с дефицитом, и с убыточностью. Что касается первого, то весь расчет строится на том, что покупательский спрос всегда выступает в форме платежеспособного спроса. Значит, как бы остра ни была нехватка того или иного продукта, спрос на него можно погасить, подняв цену. Вот и станем повышать ее до тех пор, пока часть покупателей не откажется от покупок, зато товар всегда будет на полке в ожидании тех, кому он по карману. И ничего страшного...

Так — да не так. При высокой экономической эффективности и мобильности производства, устремленного навстречу быстро меняющимся потребностям, товары привилегированного спроса, только что вступившие в рыночный оборот, продаются за баснословные деньги, зато прочие, утратившие престижность, идут чуть ли не за бесценок. Это нечто иное, чем цены на продукцию вечно отстающего производства, вся «равновесность» которых заключается в том, что их надо лишь повышать, чтобы спрос был равен предложению, а результаты покрывали затраты, тогда как ничтожная часть «неходовья» подвергается столь же ничтожной уценке. У нас совсем не та ситуация, когда для экономического процветания необходимо, чтобы часть населения получала свой бесплатный суп, а другая проводила вакации на Лазурном берегу и отправляла детей в Сорбонну.

Возможно, и у нас многие хотят того же, надеясь, что вслед за экономическим расцветом придет и социальное благоустройство. Мол, сначала немножко потерпим, потуже затянем пояса, зато потом... Однако наивно думать, что создать наяву такую «мечту экономиста» можно, заткнув все прорехи равновесными ценами и тем самым как бы начав все с новой страницы. А давайте мы спросим у тех, кто уже пошел по такому пути, и узнаем, что из этого вышло.

ИТАК, беремся «исправлять» цены сейчас, не дожидаясь больших перемен, заранее убедив себя, что без этого никакие перемены невозможны. Заметим, что речь пойдет в данном случае о предметах самой насущной необходимости, постоянного, в том числе неотложного, спроса. Что будет означать достигнутое подобным способом «соответствие спроса и предложения»? Да просто прямое недопотребление, изменение порогов прожиточного минимума, снижение уровня и качества жизни в целом и — что очень важно — с достаточно низкой, относительно современных стандартов, исходной точки. Кто же из чиновников и руководителей разных звеньев производства сможет в таких условиях отсидеться и не выпустить из-под контроля рост заработной платы? А если предположить, что потери населения будут компенсированы денежными надбавками, то и зримый дефицит сохранится, изменится только масштаб цен.

Но, может быть, следует регулярно повышать цены на прочие товары — периодического, редкого спроса? Нет, и это не выход: потребности составляют единую монолитную систему, они тесно связаны между собой даже тогда, когда касаются как будто взаимонезаменяемых предметов. Результатом таких вмешательств всегда являются деформации как в производстве, так и в потреблении, — «вымывание» дешевого ассортимента, спонтанное переключение спроса, а в итоге — обязательно появление нового дефицита там, где он совсем не ожидался. Дефицит принимает заразительный, ползучий характер, развивается и вглубь, и вширь, захватывая один за другим потребительские товары порой по совершенно необъяснимым законам. Только предметы роскоши и ультрамодные изделия, а также товары, приобретаемые достаточно узким контингентом, относительно суверенны в товарном мире, их высокие цены мало влияют на потребительский рынок, но сами они могут внезапно перестать вызывать интерес и перейти в разряд неходовых.

Разумеется, система цен не может быть навеки застывшей. В их структуру должны вноситься изменения, но очень малыми дозами и не в разгар дефицита. Цены — не только тонкая, но и невероятно сложная материя, требующая большого профессионализма. В особенности они не терпят грубых пертурбаций, производимых вслепую, без изучения «истории» производства и потребления каждого товара в отдельности. Науки о ценообразовании у нас нет, а если бы она существовала, одним из ее постулатов непременно было бы то, что сами по себе цены не могут обеспечить ни бездефицитности, ни безубыточности на сколько-нибудь продолжительное время и при всяком некорректном обращении затягивают хозяйство в петлю инфляции. Надеяться же, что, пока суд да дело, экономика как-нибудь поправится, значит, тешить себя иллюзиями. Ведь именно равновесные цены, вуалируя бесхозяйственность и создавая видимость благополучия, воспроизводят дефицит и убыточность во все возрастающем масштабе. И это абсолютно закономерно. Непорядок в ценах — симптом, а не причина болезни, и никакой серьезный врач не станет загонять болезнь внутрь, сражаясь с симптомами, это никому еще не помогало.

СОСТОЯНИЕ нашей экономической науки являет поистине печальную картину. Много десятилетий она не знает фундаментальных исследований. Нового почти не приобретено, а старое прочно забыто и сдано в архив еще в конце 40-х годов. Так стоит ли удивляться, что законы ценообразования до сих пор являются тайной за семью печатями, что теория стоимости и теория полезности (в глубинах которых эта тайна и скрывается) не были развиты применительно к новому времени, к эпохе НТР, и между ними образовалась непроходимая пропасть, что целые ведомства подчас принимают решения, не ведая, что творят, и даже оказываются неспособны к простой экстраполяции результатов своего предыдущего творчества.

И все же вряд ли только этим можно объяснить такое упорное увлечение экономистов идеей повышения цен, ведь среди ее сторонников есть и глубокие ученые, не страдающие синдромом «клинического оптимизма». Анализируя уже накопленный другими странами опыт, они могли бы найти объяснение некоторым загадочным экономическим феноменам, ответить хотя бы на самые жгучие из возникающих вопросов. Например, почему нам как огня надо бояться инфляции, если там (на Западе), как у нас любят говорить, от нее еще никто не умирал?

А ответ заключается в том, что законы ценообразования действуют неодинаково в системах с разным уровнем и разным механизмом стимулирования эффективности производства. В частности, в условиях перепроизводства товаров, с одной стороны, и в условиях дефицита — с другой, то есть при постоянно растущем разрыве между потребностями и возможностями их покрытия. Надо признать, что здесь на карте наших экономических знаний царит сплошное белое пятно. Мало кто помнит о таких понятиях, как «инфляция продавцов» и «инфляция покупателей», которые при всей условности этих названий выражают в сущности, два совершенно различных экономических явления. От первой (возникающей в целом в обстановке удовлетворенного спроса) наиболее сильные фирмы выигрывают, успевая между очередными повышениями заработной платы расширить, реорганизовать, модернизировать свои предприятия. От второй (при хроническом дефиците) теряют все, кроме махинаторов и спекулянтов: разница в ценах покрывает убытки от разбазаривания, рентабельность становится фикцией, общее положение экономики ухудшается.

Вот что говорит об этом известный югославский экономист Д. Жаркович. Экономическая реформа в стране была сорвана из-за того, что началась с пересмотра цен. Это вызвало сразу скачок инфляции, достигшей уже трехзначных цифр. Производительность труда стала падать, и страна оказалась в тяжелом кризисе. Проведенный в Венгрии пересмотр цен также не позволил отойти от затратного принципа, ликвидировать монополию производителей, так как сильно обострил инфляцию, и новый источник прибыли — быстро растущие цены — стал тормозом всего.

Из всех стран СЭВ только в ГДР указанный процесс не вышел пока за рамки наметившейся тенденции, так как не был приведен в действие его главный пусковой механизм акциями сверху.

Далеко не безразлично, протекает ли инфляционный процесс медленно, поддаваясь определенному сдерживающему влиянию, или перерастает в результате неверных действий в знаменитую «спираль», когда остается лишь пассивно наблюдать за стремительным галопом мчащихся наперегонки цен и заработной платы. Многочисленные источники информации, не позволяющие свести все к каким-то единичным случаям, говорят о настоящем параличе, охватывающем экономическую систему, несмотря на энергичные меры по развитию самоуправления, групповой и индивидуальной инициативы. В то же время все более резко, грозно и неожиданно заявляют о себе отрицательные социальные последствия повышения цен.

Характерна необратимость этого инфляционного тайфуна: когда он набирает некую критическую скорость, его уже невозможно остановить срочным замораживанием цен и заработной платы, а также импортом и внешними займами.

Но экономисты все еще спорят. Имея предупреждения такого рода, трудно понять желание во что бы то ни стало скопировать этот путь. Впрочем, о точной копии говорить не приходится, нужно еще сделать поправку на размеры страны, состояние ее экономики к началу реформы и размах первого, «толчкового» мероприятия в области цен. С этой внушительной поправкой представление о характере возможной экономической катастрофы, естественно, изменится. Здесь на ум приходят разные сравнения, вплоть до Чернобыля и похуже.

Но что толку сравнивать? У отечественных реформаторов-экономистов крепкие нервы и широкая натура: раз на то пошло, нечего мелочиться — удвоим или утроим цены, а там посмотрим. Смотреть нечего, результат известен: неуправляемая инфляция, хаос, социальные эксцессы. А может, лучше, пока не поздно, начать с другого конца — с ликвидации дефицита? Вот главный камень преткновения, который никакая реформа цен не уберет с дороги.

НЕКОТОРЫЕ зарубежные экономисты считают, что социалистическая система дефицитна по самой своей природе, что это якобы ее неотъемлемое свойство. С подобной аксиомой можно не согласиться, но сам факт нынешней дефицитности является неоспоримым. Происхождение ее связано с двумя основными причинами: одна из них коренится в качестве механизма экономического стимулирования, другая — в неадекватной структуре общественного производства. И в том, и в другом система обладает неиспользованными резервами. Если в результате предпринимаемых многообразных шагов нам удастся придать производству большую динамичность в ориентации на внутреннего потребителя, если в связи с изменением политического мышления огромные средства, уходившие в песок непроизводительных затрат, будут на деле вовлечены в гражданское производство, если социальные проблемы не будут снова за бортом, как в долгие годы господства «остаточного» принципа, то мы повысим свою эффективность, а следовательно, опровергнем указанную аксиому и выиграем большую битву за перестройку.

Но это трудный и не короткий путь. А экономисты не хотят ждать. Наиболее нетерпеливые желают немедленного успеха, видят его в дороге, ведущей через повышение цен, и воздействуют на эмоции окружающих возгласами типа «Сейчас или никогда!». Более вдумчивая часть экономистов по характеру своему не выдерживает такого натиска и в первый момент отступает на задний план. Поэтому кажется, что они в меньшинстве. Но дело не в числе: история знает случаи подобного массового гипноза, они еще достаточно свежи в нашей памяти. Вот мы и пришли к еще одной причине, объясняющей широкое распространение среди экономистов явно несостоятельной идеи, точнее, веры, тем более опасной, чем сильнее убежденность ее адептов. Упрямо закрывая глаза на факты, игнорируя или иначе толкуя негативный опыт, они готовы повторять его снова и снова. И так всюду.

Остается только сказать коллегам: пожалуйста, стряхните скорее это наваждение. Вглядитесь в то, что происходит рядом и что стало уже почти школьным уроком: чего нельзя делать, чтобы первый шаг к экономической реформе не стал последним шагом.

Не будем обманывать себя: проблема дефицита, как и убыточности, должна решаться в основном в сфере производства, нормализация цен может быть лишь результатом восстановления экономического здоровья. Тот, кто исходит из посылки, что при нынешнем состоянии цен эту задачу решить нельзя, должен знать, что в условиях галопирующей инфляции она станет проблематичной вдвойне и фактически от очень трудной задачи мы перейдем к невыполнимой. Нам нужны не мнимые, а истинные равновесные цены, которые отражали бы не формальную, а действительную сбалансированность производства и потребления. При этом неизбежно встает вопрос и о правильном выборе общественных приоритетов. В данной связи представляет интерес то направление развития, которое складывается в последнее время в скандинавских странах, где впервые наблюдается явный отход от традиционных производственных структур, а также свертывание бесконечного «потребительского марафона» с его бесцельной расточительностью и деградирующим воздействием на общество, — поворот к духовной сфере, к экологии, к разнообразным социальным программам. Отмечают, что это повлияло в положительную сторону и на состояние экономики этих стран.

Объектом пристального внимания должна стать структура общественного производства и потребления. Необходимо заново пересмотреть всю цепочку народнохозяйственных связей на предмет решительного сокращения объемов производства не первостепенной важности, приносящего больше экологического вреда, чем реальной пользы. Как верно сказал на партконференции Ф. Т. Моргун, наши главные проблемы рождены не тем, что у нас мало заводов и фабрик, а, наоборот, тем, что их слишком много, но они не такие, как надо.

Тот факт, что инфляция может иметь противоположные последствия и очень поразному влиять на состояние экономики разных стран, не может оставаться незамеченным, он просто бросается в глаза. То, что в одном случае без особых осложнений вписывается в экономический процесс и даже нередко является стимулом, подстегивающим производство, в другом случае оказывается грозной разрушительной силой. Не понимая причин такого различия, от него предпочитают отмахиваться или объясняют отсутствием опыта хозяйствования в современных условиях, надеясь, что в дальнейшем этот опыт придет. Но здесь нас ждет коварная ловушка, ибо причины указанного явления намного глубже.

Поэтому, предлагая такую «реформу ценообразования», которая заранее имеет в виду повышение цен, следовало бы задуматься над удивительным совпадением итогов, к которым ведет претворение в жизнь этой идеи, и тогда станет ясно, что в условиях неудовлетворенного потребительского спроса и тем более тотального дефицита инфляция — стихийное бедствие и цены становятся зоной повышенной опасности. Вообще нельзя сваливать в одну кучу изменение цен с разработкой научных основ ценообразования. За попыткой решения всех проблем чохом скрывается лишь неумение и нежелание вести кропотливую исследовательскую работу с ценами.

Перед принятием ответственных решений, от которых буквально зависит наша судьба, нужно снова вернуться к опыту социалистических стран, тщательно изучить и осмыслить его, сохраняя полную объективность в оценке фактов. Быть может, следует созвать специальный форум, на котором были бы представлены разные точки зрения на обнаружившиеся трудности и дилеммы. Необходимо также выработать определенные критерии, позволяющие судить об успешности хода экономических реформ (включая и показатели, отражающие динамику инфляционного процесса). Без этого имеющаяся информация наполовину утрачивает свою познавательную ценность. Напротив, имея такие критерии, можно будет гарантировать себя хотя бы от той категории ошибок, которые впоследствии пришлось бы отнести к числу непоправимых.

Н. РАБКИНА,
кандидат экономических наук,

Н. РИМАШЕВСКАЯ,
доктор экономических наук, профессор

НУЖНО ЛИ БОЯТЬСЯ ИНФЛЯЦИИ?

ЧИТАТЕЛЬ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЬ

ЧТО НАМ СТОИТ ТЕПЛОХОД ПОСТРОИТЬ...

В прошлом году мне посчастливилось совершить увлекательное путешествие от Москвы до Перми и Ульяновска на борту теплохода «Леонид Соболев». До сих пор сохранились в памяти впечатления от посещения шестнадцати городов, их музеев, памятников истории, от зеленых стоянок, от неповторимых красот берегов Волги, Камы, Оки! Узнал столько интересного, нового об истории наших русских и республиканских городов о том, как живут и трудятся в них люди...

И вдруг выясняется: перевозка на теплоходах пассажиров и туристов абсолютно невыгодна Минречфлоту РСФСР. Вот это да! Туристская путевка на теплоход стоит столько же, сколько путешествие за границу (за семейное путешествие в двухместной каюте на 19 дней надо заплатить тысячу рублей), а туристы речникам чуть ли не в убыток.

Оказывается, объяснение есть: имея прекрасные традиции в создании своего флота, мы закончили этот опыт выпуском в 50-е годы теплоходов «Ленин» и «Советский Союз». И перешли целиком на заказы пассажирских речных судов только по импорту. Мы забыли, что суда, созданные когда-то, еще до революции, нашими судостроителями, плавают до сих пор: «Память Азина» с 1903 года, «Спартак», «Володарский» с 1914-го. И насколько мне удалось выяснить, корпуса на них не менялись, нет духоты и вибрации. И скорость для путешествия они развивают вполне нормальную.

На смену построенным в ГДР и ЧССР в 60-е годы судам на 360 мест («Козьма Минин», «Рылеев», «Илья Муромец») стоимостью до 1 миллиона рублей пришли суда с «повышенной комфортабельностью» — вплоть до кондиционеров в каютах («Максим Горький», «Александр Пушкин», «Илья Репин»), но вмещающие не больше 220 пассажиров. Зато стоимость проезда в них повысилась на 25—30 процентов. С 1980 года мы стали закупать суда более вместительные — на 360 мест, но еще более дорогие («Советская Россия», «Радищев», «Чернышевский», «60 лет Октября»). С 1985 года комфорт на теплоходах снова возрос. Появились бары, салоны, бассейны. Стоимость снова возросла, а число пассажиров опять уменьшилось. Дело дошло до того, что за теплоход «Александр Блок» мы заплатили Австрии (она теперь наш поставщик) 15 миллионов рублей! Суточное содержание такого теплохода обходится речному флоту в 7—8 тысяч рублей. Летом теплоходы полны, а весной и осенью коэффициент их использования резко падает. Выходит, всю годовую рентабельность речники должны обеспечить за 180 дней навигации. Так что же, снова повышать цены и тарифы на перевозки?

Думаю, это не тот путь, который наша страна должна для себя избрать. Отдых на воде — это и социальный фактор, поэтому надо думать об интересах и реальных возможностях советских граждан, а решать ведомственные проблемы за их счет недопустимо.

Где же выход? Этот вопрос я задавал и капитанам, и другим специалистам речного флота, работникам туристских организаций.

Все они в один голос говорят, что приобретение таких дорогих судов, как «Александр Блок», абсолютно недопустимо! Одна путевка в четырехместной каюте стоила на теплоходе 500 рублей, есть путевки и по 784 рубля. На кого это рассчитано? И не случайно это убыточное судно в конце концов было превращено в гостиницу внешнеторгового объединения «Совинцентр», то есть превратилось в плавучий отель на 60—70 человек.

Превращение судов в стоячие зимние гостиницы требует утепления и подключения к городским коммуникациям. Как мне говорили речники, опыт такой «зимовки» в Ленинграде привел к тому, что от резкого перепада температур испортились внутренние помещения судна. Так не накладно ли нашему государству приобретать на валюту сверхдорогие «плавучие гостиницы», а потом списывать их вместе с дорогим навигационным и машинным оборудованием? Ведь за 15 миллионов рублей можно приобрести если не три, то два теплохода на 250—300 пассажиров!

По оценке наших специалистов, конструирующих суда, можно, не меняя их габаритов, резко увеличить число пассажирских мест. А импортные теплоходы будут рентабельны только в том случае, если их стоимость снизится хотя бы до пяти—семи миллионов рублей, а вместимость повысится до 250—400 мест. Стоит прислушаться и к мнению тех судоводителей, которые утверждают, что в погоне за излишним «шиком» стали уделять мало внимания размещению на импортных судах навигационного оборудования, которое зачастую хуже нашего, отечественного. Да и вообще нельзя утрачивать наш, отечественный опыт строительства пассажирских теплоходов.

«Почему, — говорили они мне, — мы сами не строим теплоходы?»

Может быть, стоит подумать о возрождении отечественного судостроения для речных и морских путешествий?

Олег СУЕВ

ПРЕДЛАГАЕМ ПРОДЛИТЬ КОНКУРС

Омское отделение Всероссийского фонда культуры совместно с облисполкомом и горисполкомом, отделением ВООПИК, областным управлением культуры, творческими союзами художников и архитекторов объявило конкурс на памятник Ф. М. Достоевскому в Омске, где писатель провел четыре года своей жизни — на каторге.

«К участию в конкурсе приглашаются художники, скульпторы и архитекторы Омска, а также иногородние участники», — так сообщала об этом газета «Вечерний Омск» в мае с. г. При создании памятника предполагается восстановить Тарские ворота бывшей Омской крепости — историко-архитектурный памятник XVIII века, через которые Достоевский вместе с поэтом-петрашевцем С. Ф. Дуровым въехал в Омск. Жюри конкурса возглавляет доктор исторических наук, профессор Н. А. Томилов, председатель Омского отделения Всероссийского фонда культуры. Проекты принимаются до 1 ноября 1988 года, с 1 по 20 ноября будет проведена выставка проектов с их обсуждением, итоги конкурса будут подведены к 1 декабря.

Мы убеждены, что сооружение памятника Ф. М. Достоевскому в Омске должно стать фактом культурной жизни всей страны. Поэтому желательно участие в конкурсе лучших художественных сил. Однако объявленный срок завершения конкурса не позволит «иногородним участникам» (которые почему-то отодвинуты в сообщении о конкурсе на второй план) принять в нем участие. В связи с этим предлагаем продлить срок проведения конкурса до 1 мая 1989 года. Выставку же проектов с их обсуждением на страницах всесоюзной печати провести с 1 по 20 мая 1989 года. Для принятия окончательного решения ввести в состав жюри авторитетных художников и искусствоведов по рекомендации правления Союза художников СССР.

Привязка предполагаемого памятника к снесенным более четверти века назад Тарским воротам Омской крепости художественно неправомерна. Восстановление Тарских ворот (которое, безусловно, необходимо) и памятник великому писателю — это все-таки разные вещи. Считаем, что жесткая регламентация условий конкурса на сооружение памятника Достоевскому в Омске способна лишь оттолкнуть от участия в нем талантливых людей и в конечном итоге повредить этому подлинно общенародному делу.

С. ПОВАРЦОВ,
председатель совета «Достоевский и Сибирь» Омского отделения Всероссийского фонда культуры, доцент ОмГУ;
Т. НАЗАРЦЕВА,
член президиума Омского отделения Всероссийского фонда культуры, заместитель директора Государственного объединенного исторического и литературного музея по научной работе;
В. ВАЙНЕРМАН,
член совета «Достоевский и Сибирь», заведующий Омским литературным музеем имени Ф. М. Достоевского

ЧТО ПРОДАВАТЬ В КРЕДИТ?

Вот уже более двух лет, как на полках и прилавках кишиневского ЦУМа, да и в других магазинах города и республики пылятся телефонные аппараты стоимостью свыше ста рублей. Они не отпускаются населению в кредит лишь потому, что этот предмет не числится в утвержденном перечне Совмина республики. Нет сомнения в том, что упомянутый выше перечень был утвержден Совмином задолго до того, как наша промышленность начала выпускать дорогостоящие телефоны, о которых идет речь.

В своих постановлениях, касающихся торговли, партия и правительство нацеливают работников этой отрасли проявлять инициативу, активно влиять на производство, исходя из интересов покупателей, повсеместно изучать конъюнктуру. Нужны ли магазинам нереализованные товары, пылящиеся телефоны и т. д.? Кому лучше директора магазина знать, что выгодно продавать в кредит? А потому, на мой взгляд, именно ему следует решать такие вопросы без ведома министерства и отраслевых отделов Совмина республики.

Но если этим ведомствам трудно отвыкнуть от своих прежних тормозящих функций, пускай тогда их зарплата будет в прямой зависимости от результативности торговли, ибо отвечать за ход торговли должен не только директор магазина, но и тот, кто так долго принимает решения.

Б. ФРЕНК

КИШИНЕВ

ШОФЕР НА ГРУЗОВИКЕ

Сейчас, когда есть возможность для открытого разговора о наболевшем, я, как бывший шофер и механик, хочу рассказать о своей романтической, как считают некоторые, профессии.

На целине, в Северном Казахстане, работаю с 1955 года и испытал на себе все прелести жизни шофера-целинника.

Работать приходилось очень много, сутками не выходили из кабин. Кабины холодные, были случаи, что замерзали и угорали. А сколько болезней нажили на всю оставшуюся жизнь, а сколько инвалидов-шоферов! Да и теперь, несмотря на то, что автомашины стали лучше, и кабины теплее, и дороги есть, а заботы о шоферах в пути нет.

Сейчас строят двухэтажные посты ГАИ с гаражами внизу. Так, может, при них построить буфет или столовую, да и несколько спальных мест для ночлега транзитных шоферов? Хорошо бы и небольшую ремонтную мастерскую, где можно при случае заменить разбитое лобовое стекло, проверить рулевое управление, тормоза — мало ли что случается в дороге!

Такие расходы окупятся здоровьем шоферов и безопасностью движения, так мне кажется.

В функцию ГАИ входит, как правило, проверять и наказывать, если какую неисправность обнаружил, но никогда работник ГАИ не поинтересуется, сколько времени водитель за рулем без отдыха и пищи. Доброжелательное, не строго официальное обращение работника ГАИ к водителю сняло бы излишнюю нервозность, да и отношения были бы искреннее, но, увы, пока я такого не встречал.

Я прочел в газете про аварию на железной дороге в Грузии, а причина аварии, как считают специалисты,— плохо отдохнувшие машинисты, которые уснули за пультом. А как быть водителям, которые сутками в наряде? Может, это тоже причина многих аварий на дорогах?

И еще: шоферам никаких льгот при уходе на пенсию нет, независимо от того, работал он на большегрузных автомашинах и возил грузы на дальние расстояния или на легковой возил начальство, получая зарплату порой большую, чем шофер на грузовике.

А. РИТТЕР

КОКЧЕТАВ

РУБЛЬ НЕ К МЕСТУ

При всем уважении и всенародной любви к Л. Н. Толстому я считаю бестактным выпуск памятного рубля в его честь. Этот ставший привычным юбилейный жест противоречит духовным исканиям Толстого, нравственной направленности его творчества. Отметить память Льва Николаевича Толстого рублем... Какая нелепость!

В. ИСАКОВ,
профессор

СВЕРДЛОВСК

Я — НЕ ЧУЖОЙ

Я советский гражданин, студент, постоянно проживающий в Западном Берлине. Хочу сказать о проблеме въездов и выездов за и из-за границы. Несмотря на некоторые упрощения в практике поездок этого рода, все еще возникает масса сложностей в их оформлении. Для чего, например, нужна советским гражданам, проживающим постоянно в капстранах, виза на въезд в свою же собственную страну? Такие правила существуют только у нас, по крайней мере другие страны с подобными установлениями мне неизвестны. Если можно отказать своему же гражданину во въезде в его страну, то на каком основании такой человек имеет высокое звание советского гражданина?

Оформление наших виз — лишняя работа для ОВИРа, оно мешает более скорому решению случаев посложнее. Да и потом бывают очень важные, неотложные происшествия, из-за которых человеку нужно в короткий срок вернуться на Родину. Вся бюрократическая формальность усложняет такие поездки и соответственно влияет на психику ходатайствующих. Ведь мы-то, советские люди, не куда-нибудь едем, а к себе на Родину, домой, к родным и близким.

Еще одна тема волнует меня и, думаю, многих других соотечественников. Речь идет о насущном праве всех советских граждан участвовать в выборах, которое гарантируется нам статьей 96-й Конституции СССР. Нам, советским гражданам, живущим за границей, этим правом воспользоваться не удается.

Так, я в свои 23 года, живя на чужбине уже 8 лет, еще ни разу нигде избирательную урну в глаза не видел. Надеюсь, что демократизация даст и нам возможность принять активное участие в формировачии нашего общества, ведь мы тоже его частичка. Кроме того, статья 34-я нашей Конституции предусматривает равноправие граждан СССР перед законом независимо от места жительства и других обстоятельств.

Не лучше обстоит дело и с правом на труд. Почему я не могу на каникулах работать в своей собственной стране? Ведь этим я и Родине помогу, и у матери не нужно будет деньги клянчить. Очень хотелось бы найти ответы на заданные мною вопросы у официальных лиц. А то мне абсолютно не ясно, в чем выражается моя гражданственность, в том только, что мне некоторые иностранные государства, например США и Япония, отказывают во въезде? Советские представительства за рубежом тоже нами мало интересуются, обслуживают в общем порядке наряду с подданными других государств и даже с меньшей приветливостью.

К. ШАФЕИ

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН

НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД, СТАРЫЕ ЗАБОТЫ

У меня взрослая дочь-студентка и 12-летний сын. Когда подрастала дочь, было ей, так же как и сыну, 12—13 лет, передо мной остро стоял вопрос: во что одеть, где взять, как купить? Годы идут, теперь та же проблема с сыном. Обойдешь детские магазины и думаешь: может, нашему государству не нужны подростки? Или они, как гадкие утята, и их стараются не замечать, а потому и не выпускать для них, в частности, обувь?

В магазинах нет детской обуви, начиная с размера 24,5 и выше. Та обувь, что продается в мужских отделах, рассчитана и по моделям, и по цене явно не на подростка. А ведь нужна еще и спортивная обувь. Ее же вовсе нет.

Еще проблема — купить письменные принадлежности к 1 сентября. Может, проще закупать все необходимое в школах? А родителям вносить определенную сумму на необходимое для учебы? Подумать бы в компетентных органах над этим вопросом, ведь исчезнет ажиотаж и штурмовщина в магазинах перед учебным годом. То же самое можно предложить в отношении спортивной формы.

Конечно, проблемы эти не мирового характера, а всего лишь маленькие проблемы маленьких людей, но из кого же состоит наша великая страна? Человек все свое время растрачивает на решение этих мелких проблем, и ведь проблемный «ком» почему-то с годами не уменьшается, а вырастает все больше и больше. Надо как-то всем вместе пытаться разбить его. Может, руководителям предприятий, а также государственных и партийных органов больше общаться с народом, меньше быть в кабинетах, посещать магазины и там покупать вещи для себя и семьи? И хотя, как пишет Дудинцев, равноправие — заблуждение человечества, все же давайте попытаемся хотя бы часть проблем решить вот этим элементарным равноправием.

Т. ДЮПИНА

СВЕРДЛОВСК

СТАБИЛЬНОСТЬ, ЧРЕВАТАЯ ЗАСТОЕМ

Газета зачастую вскрывает проблемы, к которым общество настолько «притерпелось», что перестает замечать несуразность некоторых правовых актов. Более того, иные из этих актов воспринимаются с энтузиазмом, который часто вызван просто непониманием их сути.

Речь идет о «закреплении» кадров на предприятиях.

Сложилась парадоксальная ситуация. Грамотные, высококвалифицированные специалисты не заинтересованы в дальнейшем профессиональном росте. Переход на другое предприятие связан с большими потерями, если не осуществляется переводом. Но так как предприятие добровольно специалистов не отпускает, то им приходится увольняться по собственному желанию, а это значит терять то, что на старом месте имели без забот, а именно: ежегодная тринадцатая зарплата в течение нескольких лет работы на новом предприятии будет составлять 50 процентов, потом 70 и только через 10 лет — 100 процентов от среднемесячного заработка. И все это без учета того, что человек ранее проработал на другом предприятии пусть даже 14 лет. Далее, увеличение размера пенсии на 10 процентов в случае непрерывной работы на одном предприятии в течение не менее 15 лет (хоть последним бездельником); различные льготы, зависящие от разного рода очередей (на квартиру, на детский сад и т. п.).

Таким образом, человек, имеющий несчастье менять место работы раз в 10 лет, что уже давно признается рядом ученых целесообразным, очень многое теряет. А продолжая «досиживать» до 15 лет на одном предприятии, специалист чаще всего деградирует.

Данная система выгодна лишь административно-бюрократическому аппарату, люди которого на долгие десятилетия врастают в служебные кресла. Сейчас уже нужно говорить и о бюрократах-«технарях», то есть о тех бывших специалистах, которые адаптировались и, занимая чисто техническую должность, заняты не производством материальных ценностей для общества, а удерживанием своего места и превращением его любым путем из технического в управленческое (без соответствующего переименования, что дает возможность уцелеть при сокращении управленческого аппарата).

На мой взгляд, так может продолжаться бесконечно, если не предусмотреть действенных рычагов перемещения рабочей силы: ограничение по возрасту для занимания всех видов должностей, обязательная выборность управленческого аппарата, перевыборы руководителя по требованию 70 процентов членов коллектива. Технические работники должны заниматься своими непосредственными обязанностями без отвлечения на выполнение управленческих функций.

Необходимо судить о людях не по времени «отсидки» на одном предприятии, а по конкретному вкладу в производство.

ТРОФИМОВ М. А.,
инженер-электроник (нач. смены на ВЦ), стаж работы 11 лет на одном предприятии

ТАЛЛИН

ХОТИМ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ О ЛИДЕРАХ

С интересом читаю в «ЛГ» статьи, представляющие нам «портреты» западных политических деятелей. Очень хорошо, что появилась такая информация и «портреты», нарисованные не только черной краской, выглядят достовернее.

Однако было бы еще лучше, если бы мы получали такую же информацию о наших советских, современных нам политических и государственных деятелях, и не через 20—30—50 лет после их смерти, а своевременно.

Тогда мы лучше осуществляли бы предоставленное нам Конституцией право выбора. Пока, к сожалению, информация ограничивается типичной анкетой (родился... окончил.... работал в качестве... показал себя... награжден...), благодаря которой все наши политические деятели выглядят на одно лицо.

За последние годы мы с удивлением да и с возмущением узнали, что почти ни один лидер государства и партии с 1924 года не «соответствовал», мягко говоря, занимаемой должности, а некоторые члены Политбюро и ЦК КПСС оказались преступниками, как Рашидов и Кунаев.

Естественно, возникает повышенный интерес к моральным и деловым качествам деятелей, стоящих во главе партии и государства сегодня.

В настоящее время нет зон, закрытых для критики. Ну пусть будет не критика даже, а информация о занимаемой позиции по наиболее острым вопросам современности, политическим и хозяйственным проблемам и о результатах работы, что самое важное. А то правильные и хорошие речи умеют читать по бумажке все, с результатами же хорошими, увы, сложнее.

Сейчас, когда, надо надеяться, нам предстоят действительно демократические выборы, нужна информация о практических результатах деятельности лидера на занимаемом посту за соответствующий отрезок времени.

Т. ФИРСОВА

МОСКВА

ВОЗЬМИТЕ У МЕНЯ ДЕНЬГИ!

Даже писать об этом неудобно, но надо, поскольку я простой советский обыватель и имя мне — легион.

Услыхав о создании Детского фонда, я твердо решил что-нибудь в него внести. Но так до сих пор и не внес. В Фонд зоопарков тоже хотел внести и не внес. А в Фонд мира внес, хотя и не очень хотел: название у него больно расплывчатое, нет уверенности, что мои деньги получат те и на то, кому и на что я бы их сам отдал. Но внес, потому что на работе и в день получки. А другие фонды у нас неназойливы, как наш прославленный сервис: сначала надо что-то узнать, потом куда-то пойти, какие-то документы заполнить, в очереди постоять... Когда обстоятельства вынуждают — волей-неволей пойдешь. А добровольно как-то не тянет, даже ради доброго дела. Надоело за всю-то жизнь! Нехорошо, конечно, да что с обывателя взять! Да и живу я от получки до получки, большую сумму сразу внести не могу, а с пятеркой в сберкассу и соваться неудобно.

До революции ходили по улицам гимназисты со специальными кружками и собирали добровольные пожертвования. Есть примеры и из других времен и в других странах.

Ну пусть не на улице, а в метро или дома (ходили же раньше пионеры за макулатурой). Школьники, пенсионеры, просто активисты... С талонами на 1, 3, 5 рублей или с марками... Может, тогда и я наконец смогу внести свою скромную лепту в любой фонд?

Ю. НЕДЛИН,
обыватель-доброжелатель

ЛЕНИНГРАД

КАК КАПИТАН ПОБЕДИЛ МАЛЬЧИШКУ

Пока я отбывала срок наказания (была освобождена по Указу об амнистии от 18 июня 1987 г. со снятием судимости), мой сын, Рыбак Андрей, был определен моими родителями в интернат. Оттуда он несколько раз сбегал. Бежал домой. Его с милицией возвращали, но он снова сбегал. Из-за этих побегов Андрей был взят на учет в детскую комнату милиции. Когда я вернулась домой, застала такую картину: у Андрея не было носков, даже трусиков, не говоря о большем. А ведь наша семья вполне обеспеченная. Андрей был просто никому не нужен. А мой брат, участковый инспектор по делам несовершеннолетних капитан Клишев, устраивал целую «охоту» на него. В опорном пункте бил его. Но несмотря ни на что, мальчик не стал правонарушителем. Он не наркоман, не вор, не хулиган. О побоях в опорном пункте сын по моей просьбе рассказал помощнику прокурора Октябрьского района в присутствии начальника управления, в котором я работаю.

Трудно нам было первое время. Мы заново узнавали друг друга. Андрей заново привыкал к тому, что у него есть дом, мать, что его любят, заботятся о нем. Колючий, озлобленный вначале, он постепенно становился обычным мальчиком. Но тут начались бесконечные вызовы на всевозможные комиссии. Мне никогда не забыть одну из них, когда мы с Андреем оба плакали и просили помочь нам. И через некоторое время сыну дали направление на работу.

Но все рухнуло в один день. Меня вызвал капитан Клишев и сказал, что пришла путевка в спецучилище и он сделает все, чтобы Андрей был туда направлен. Я до того испугалась, что сорвала Андрея с фабрики, посадила дома под замок. Так велик был страх потерять его. Но совершенно неожиданно меня вызвал начальник моего управления А. С. Сазонов и спросил, что у меня с сыном. Я рассказала все, как на духу. А. С. Сазонов велел мне привести Андрея. Когда мы пришли, он собрал профком и состоялся серьезный разговор. Было принято решение о том, что коллектив берет на трудовое воспитание моего сына. Оформили его учеником монтажника...

А 3 сентября капитан Клишев хитростью выманил Андрея из дома и увез в Прохладненский детприемник...

Помогите!

Г. РЫБАК

НАЛЬЧИК

Это письмо мы получили через общественную приемную «Литгазеты». Редакция обратилась к прокурору Кабардино-Балкарской АССР Э. Г. Денисову с просьбой разобраться в ситуации. Просьба редакции была выполнена, и через двое суток мальчик вернулся домой.

За то, что путь «обратно» оказался таким быстрым, семья Рыбак, конечно же, благодарна прокуратуре. Но тревожит другое — то, что дорогу «туда», в детприемник, еще более короткую, определял, в сущности, один человек.

Несмотря на то, что была мать, не лишенная родительских прав, была комиссия, занимавшаяся трудоустройством Андрея, был трудовой коллектив, взявший его на воспитание, административный волюнтаризм возобладал. Капитан решил отправить мальчика в детприемник и сделал это беспрепятственно.

Пока будет случаться подобное, нельзя говорить ни о правовом государстве, ни о воспитании добром и справедливостью...

ОТДЕЛ ПИСЕМ «ЛГ»

Антонина ГАЛАЕВА

ГЛАСНОСТЬ без СЛЫШИМОСТИ?

Еще раз о выборах в научных институтах

НАВЕРНОЕ, пора ужаснуться, как метко сказал кто-то из поэтов, чтобы вдохнуть отваги. И начать наконец называть вещи своими именами. И имена. А то и впрямь получается: гласность у нас большая, а слышимости нередко никакой. Пора поговорить об учреждении, куда не так-то легко попасть простому смертному, даже если он вооружен могучим корреспондентским удостоверением.

Начну, пожалуй, с интервью, которое дал недавно газете «Советская Россия» президент Академии наук СССР Г. Марчук (прошу простить за длинную цитату — она важна): «Страсти кипят вокруг выборов директоров НИИ, — пишет президент. — И здесь есть перемены. Кандидатов на этот пост могут выдвигать научные коллективы, отделения или члены Академии наук. И если раньше этот вопрос сразу выносился на голосование в отделении, то сейчас кандидаты обязаны сначала получить тайным голосованием «вотум доверия» в институтском коллективе. Именно там их концепция исследований, научная программа проходят первую экспертизу. Вторая экспертиза — тайное голосование в отделении АН. Как показали выборы директоров более чем в ста институтах академии, практически всегда мнения коллектива и отделения совпадали. Новые руководители получали большинство голосов. Но были и исключения.

Скажем, в одном из московских институтов за директорское место «боролись» несколько кандидатов. Коллектив отдал предпочтение академику. Его соперник, член-корреспондент АН СССР, получил чуть меньше голосов. Но вот тайное голосование в отделении показало, что большинство ученых—за программу перестройки исследований института, предложенную членом-корреспондентом. И он стал директором. Можно ли считать, что выборы недемократичны? Думаю, нет. Ведь коллектив, отдавая каждому ученому более половины (выделено мною. — А. Г.) голосов, вручал своеобразный «вотум доверия». Что касается выборов в отделении, то, как я уже говорил, его члены — наиболее выдающиеся ученые в определенной области, и, наверное, перспектива исследований им видится непредвзято и более глубоко, чем лаборанту или старшему научному сотруднику».

Правильно сказал президент — страсти действительно кипят. Да еще какие! Никак не могут прийти в себя сотрудники Института востоковедения, которым не позволили хотя бы даже поиграть в демократию — директора им... выдали. Без всяких выборов. Спустили сверху. А то, что это больно ударило и по кандидату в директора, выдвинутому коллективом института, и по самому коллективу, в расчет не приняли. Не без труда удалось сотрудникам Института истории естествознания и техники отклонить рекомендацию отделения истории и отстоять своего директора. Ни один из выдвинутых Институтом славяноведения и балканистики кандидатов не получил «вотума доверия» в академии. Едва ли успокоились после выборных баталий и отрезвляющих действий руководящих отделений Институт молекулярной генетики. Институт биофизики. Институт биохимии. Институт археологии...

Жарче всего раскипелись страсти в «одном из московских институтов» — Институте общей генетики имени Н. И. Вавилова, которым вынуждена уже была заниматься пресса и в котором, как в капле воды, отразилось общее неблагополучие нашей науки, отмеченное М. С. Горбачевым в Красноярске. И на сей раз «письмо позвало в дорогу».

Сложившуюся к этому моменту ситуацию в институте, призванном определять научную политику страны в генетике, его сотрудник, профессор Г. Лопашов называет не иначе, как трагедией.

— Институт давно уже практически не работает, — сетует Георгий Викторович. — Люди заняты делами, от науки очень далекими... Нынче много пишут о Лысенко. О том, как этот безграмотный агроном, уничтожив цвет нашей отечественной биологии, надолго затормозил ее развитие. А надо бы о другом. О том, что лысенковщина отнюдь не исчезла. Она по-прежнему сильна, а с нею неуклонно нарастает отставание нашей биологии. Думаете, главное в лысенковщине — неверные научные представления? Если бы! Они вполне устранимы. Главное — стремление любыми путями захватить власть, командные высоты в науке. Неолысенковцы и их приспешники, стремясь во что бы то ни стало удержаться и сделать карьеру, создали свою научную мафию. Воссоздавая наш институт после Лысенко, академик Н. Дубинин был вынужден оставить в штате сотрудников его «школы» (которые, естественно, себя лысенковцами уже не считали). Да и откуда же ему было взять новые кадры — генетика в те поры лежала в руинах. Институт наводнили случайные в науке люди, жаждавшие славы. Большинство из них заняли командные посты в ученом совете и партбюро. Вскоре Николай Петрович стал им неудобен — и его просто-напросто смели...

Скандалы, склоки раздирали институт. А отделение общей биологии Академии наук будто ничего не замечало. Следующего директора для столь сложного коллектива искали долго. Им стал ученый из ВАСХНИЛ, к проблемам многострадального учреждения, в общем-то, неблизкий, — академик АН УССР и ВАСХНИЛ А. Созинов.

Обсуждался в академических верхах и еще один кандидат на пост директора. Но дальше неофициальных разговоров, к счастью, дело не пошло.

И ВОТ в который раз на карту поставлена судьба института. А вместе с ним и генетики.

Конференц-зал. Стать свидетелем проходивших выборов довелось не только мне, но и моей коллеге — корреспонденту «ЛГ» Зинаиде Федотовой (первые впечатления о них были опубликованы в газете 9 и 16 марта с. г. в заметках «Вернуть мировую славу» и «Так как же с мировой славой?»). Объявлено семь кандидатов в директора. Трое — свои. Четверо — со стороны. Свои — доктора наук Ю. Алтухов, В. Шевченко и И. Захаров — дружно отказываются баллотироваться. В пользу С. Шестакова.

В полуфинал вышли два кандидата: академик Георгиев и член-корреспондент АН СССР Шестаков. Почти ровесники. Большинство завлабов, членов партбюро и ученого совета — за Шестакова. Его программа — подготовка кадров, которых, по общему мнению, в стране нет (и за которые он, очевидно, как многолетний заведующий кафедрой генетики МГУ отвечает). Молодежь (доктора и кандидаты наук, а вовсе не лаборанты, как сказано в интервью) — за Георгиева. Тот среди прочего, в том числе и кадровых дел (программу скоростной подготовки кадров и вывода генетики из тупика он изложил 11 сентября прошлого года в «Правде»), обещает прекратить всякие дрязги, изнурившие институт до крайности, очень простым способом: загрузить людей работой так, чтобы времени у них ни на что уж больше не оставалось. Его сторонники, да и, конечно же, противники прекрасно знают, что за этим стоит: академик сам отличается редкостной работоспособностью, одержимостью и умеет спросить с других, своих подчиненных. Говорят, будто покойный академик-секретарь отделения М. С. Гиляров уже тогда, перед Созиновым, ходил к президенту А. Александрову с представлением на директорство Г. Георгиева. Уже тогда Георгиев казался самой подходящей кандидатурой в лидеры института, но его «не желал» вице-президент Ю. А. Овчинников, ныне также покойный.

Голосование, казалось бы, все поставило на свои места: 144 из 257 научных сотрудников — за Георгиева. 124 — за Шестакова. То есть, если уж быть придирой, больше половины за первого, меньше половины — за второго. И разрыв достаточно заметный. Так кому же столь остро понадобилось ввести в заблуждение даже президента? Кто так невидимо и ловко направлял ход заседания отделения, окончательно определившего судьбу института?

На прениях по кандидатурам, которые, увы, проходили в отсутствие Георгиева и ни ответить, ни возразить он, естественно, не мог, три члена-корреспондента Академии наук высказались против него. Одному не нравится, что он терапевт — и это об ученом-генетике с мировым именем! — что окончил медицинский институт, в то время как Шестаков — выпускник университета. (А иного выбора за порогом школы у Георгиева и не было. Отец его погиб в тюрьме как «враг народа», мать отбывала ссылку после лагерей. Университет его, естественно, отверг — «таких» детей туда не пускали. Медицинский, слава богу, приютил. Но на третьем курсе Георгиев круто повернул в науку.) Другой, сетуя на то, что по всем базовым биологическим наукам у нас в стране отставание, считает программу Шестакова более цельной, более базовой. Третий, признавая Георгиева действительно ведущим генетиком, лидером, все же за Шестакова, поскольку тот работает хотя и не столь эффектно, зато чисто генетически...

На наиболее ярких выступлениях остановлюсь подробнее.

Академик А. Жирмунский: По тому, как молодежь бьется за Георгиева — а все видят, какие это зрелые ученые, — можно представить себе, как она изголодалась по работе.

Академик В. Струнников: Георгиев, безусловно, ведущий ученый. Но с его приходом институт, несомненно, сделает крен в сторону молекулярной генетики. Шестаков же — крупный ученый, избран членкором. Обладает определенным организационным опытом руководства. И потому, несмотря на глубокие симпатии к Георгиеву, отдаю свой голос Шестакову.

Член-корреспондент АН СССР А. Яблоков: Знают ли присутствующие, что несколько лет назад я резко выступил против предыдущего директора? Коллектив института страшно сложный. Нужна глыба, иммунная ко всем проблемам. Такая глыба — Георгиев. С ним мы приобретаем огромные потенциальные возможности. Что касается опасности крена в молекулярную генетику, то ее просто не существует. Напротив, вырвавшись вперед, она протягивает нам руку.

Академик Н. Дубинин: В институте сложилось чрезвычайное положение. Внутри него нет сил, способных вывести его из прорыва. Надо учесть также и положение в общей генетике в целом. Вклад Георгиева в нашу генетику очень велик. Тут много говорили, что Шестаков и Георгиев — одинаково крупные ученые. Дистанция между ними гигантская. Имя Георгиева останется в истории советской и мировой генетики, мировой биологии и науки...

НАСТРОЕНИЕ в конференц-зале колебалось, меняясь от выступления к выступлению. Очень скоро уразумела, почему: в зале много было таких, как я, — в сущности, зрителей. Непонятно было лишь поведение академика-секретаря отделения В. Соколова, ведущего заседание: он не зачитал почему-то пачку телеграмм и писем (только назвал, от кого они) в поддержку Георгиева, поступивших от президента ВАСХНИЛ А. Никонова, директоров генетических институтов члена-корреспондента АН СССР В. Дебабова и профессора М. Мокульского, старейших генетиков страны, сподвижника Н. И. Вавилова академика АН УССР С. Гершензона, профессоров В. Кирпичникова, Е. Погосянц, В. Эфроимсона...

Почему? Ведь среди авторов посланий — ученые, ради своего дела принявшие настоящие муки, выстоявшие бурю, переживавшие катастрофу в жизни. Каждый из них — ярчайшая индивидуальность. Личность. Истинную цену каждому в генетике они знают, как никто. Доводы, приведенные этими чрезвычайно авторитетными людьми, наверняка оказали бы свое влияние на членов отделения, большинство из которых — не специалисты в области генетики (из более чем трех десятков членов отделения только семеро — генетики). И весьма спорно, что «перспектива исследований им видится непредвзято и более глубоко, чем лаборанту или старшему научному сотруднику» (сотруднику и лаборанту, добавим, с высшим образованием и работающим в генетике). Не будучи специалистами в науке, судьбу которой собрались определять, некоторые члены отделения в кулуарах признались, что ориентируются на Струнникова — будут голосовать, как тот скажет. Струнников сказал...

Потом, после всех этих событий, звоню профессору Эфроимсону. Владимир Павлович не дал мне даже вымолвить приветствие:

— Я все знаю. Я знаю Струнникова полвека. Это чрезвычайно порядочный человек. Проверено и доказано. Его выступление на бюро решило вопрос. Почему он так выступил, для меня загадка. Конечно же, Струнников прекрасно понимает, что Шестаков как завкафедрой генетики МГУ имел в своем распоряжении немало лет на то, чтобы исправить положение с кадрами в стране. И не воспользовался этим. Георгиев сам работает очень интенсивно и другим спуску не дает. Он никогда не примазывается к чужим трудам. А липовое соавторство, между прочим, бедствие нашей науки. Это черт знает какое бедствие! В общем, ситуация у нас в генетике хуже, чем при Лысенко. Ведь, казалось бы, пошла в ход и общая генетика, и медицинская. На самом же деле ничего подобного. Генетика гибнет, Ее надо спасать.

ИТАК, отделение избрало Шестакова. А в сущности — будем прямо говорить — назначило. В полном соответствии со знаменитым постановлением президиума академии № 980. Георгиев поддержки в отделении не получил. Почему? Кто объяснит?

Большинство сотрудников института это решение не приняли и направили президенту Академии наук и в «Литературную газету» письма с просьбой пересмотреть его, настаивая на том, что сдвинуть институт с мертвой точки способен лишь высокоавторитетный ученый и организатор исследований, сделавший самый крупный вклад в мировую науку последнего десятилетия, и что у института появился шанс выйти наконец из прорыва, из глубокого застоя.

Письмо коллектива, как и в старые недобрые времена, описало несложную траекторию из президиума в отделение и очутилось на столе у академика-секретаря В. Соколова. Академик-секретарь не замедлил довести его до сведения определенной части сотрудников. Начальство бросилось расшифровывать подписи, сверять их в отделе кадров, звонить по лабораториям. Начались угрозы, выкручивание рук. Посыпались жалобы...

Не ожидавший такого разворота событий, президиум отложил утверждение кандидатуры. И пригласил к себе институтский актив на совет. После недолгих переговоров президиум предложил собравшимся компромисс: создать в институте отдел под руководством Георгиева, согласившегося вести его на общественных началах, и разрешить к нему перейти всем желающим. А директором все-таки утвердить Шестакова. На том и порешили.

Но вот чего не ожидали люди, того не ожидали. президиум принял, уже после заседания, решение, в котором было сказано нечто другое — не создать отдел, а рекомендовать его создание, и вовсе не без ограничения числа сотрудников.

Люди растерялись: как так «рекомендовать»? Ведь рекомендовать — еще не значит организовать. Значит, все отдается на откуп новому директору? Судьба ученых, судьба науки...

Первые же шаги вступившего в должность руководителя красноречиво демонстрируют: он вовсе не намерен неукоснительно соблюдать, как говорят в верхах, договоренности, достигнутые на совещании в президиуме, — теперь он ставит всевозможные рогатки на пути организации отдела Георгиева. Отдел создан в почти наполовину урезанном виде. Право решать, кто войдет в новый отдел, а кто нет, Шестаков оставил за собой и широко им пользуется...

Быть может, такой ход событий президиуму академии и надо было предвидеть? Быть может, следовало довести дело до логического конца — добиться создания самостоятельного научного учреждения, научного центра для Георгиева и его сторонников (которых много и в других институтах)?..

ЕСТЬ и другие вопросы к президиуму Академии наук: почему отделение общей биологии все время навязывает институту руководителей? Институту, который требовал, что называется, индивидуального подхода (как, наверное, и родственный ему Институт молекулярной генетики)? Нет ли в этом продолжения традиций 1948 года? Кто придумал эту двухъярусную демократию, в которой «нижний» ярус (институт) полностью игнорируется «верхним» (отделением)? Зачем понадобилось морально калечить ученых, сталкивать их лбами в этой выборной чехарде? Почему отстранены от процесса принятия решений те, кто реально делает науку? Как получилось, что устав Академии наук вошел в противоречие с Законом о государственном предприятии (объединении)? Почему положение о выборах директоров не обсуждалось как надо в институтских коллективах? Для кого оно принято? Кто дал право унижать огромную армию научных работников? Нам ли с ними не считаться при нашем отставании в науке?

Вопросов много (кстати, большинство из них правомерно адресовать и Академии медицинских наук, похожим образом назначившей директора Институту хирургии имени А. В. Вишневского). И я не первая в нашей газете их ставлю. Они застряли с ответом не по существу в открытом письме большой группы ученых президенту академии, опубликованном 8 июля прошлого года под заголовком «Так что же «начальству виднее»?», в статье профессора М. Франк-Каменецкого «Почему молчат ученые?» (16 марта с. г.), в заметке ведущих научных сотрудников Института Латинской Америки АН СССР Э. Дабагяна и А. Караваева «Не желаем быть «лишенцами»!» (8 июня с. г.) и в других. Ясно одно: такие «выборы» направлены против интересов государства — они подрывают у научных работников веру в демократизацию и перестройку, убивают всякие надежды на перемены в Академии наук к лучшему, наносят ущерб развитию отечественных знаний.

Н. ЛОГИНОВА,
обозреватель «ЛГ»

УНЯТЬ — СТРАХИ

Быть самим собой. Непохожим на других. По-своему думать и говорить. Иметь свой стиль поведения и манеры. Боязно?..

НЕ ЗАВЕСТИ ЛИ нам юридическую справочную по телефону типа «ноль три»? Поскольку кодексов в продаже нет, то люди иногда по пустякам голову ломают. Или в редакцию звонят, как вот эта женщина с Крылатской улицы. Муж у нее уехал в командировку, а брат на другом конце Москвы заболел. Надо ему помочь, а с кем ребенка оставить? Повесила она у подъезда и возле магазина объявление, что срочно няня нужна к годовалому. Но вместо няни пришел участковый тов. Красных. Наследил в чистой квартире сапогами, стыдил женщину за самовольное объявление, угрожал штрафом, составил акт и ушел. Едва этот неприятный визит стал забываться, как по почте пришла строгая повестка на зеленом бланке — явиться в исполком на какую-то комиссию. Женщина испугана: «Что мне будет за неявку? Не с кем ребенка оставить». Она не сомневается, что ее оштрафуют, но теперь еще боится, что дополнительно накажут «за неявку».

Как могли, успокоили: ничего, дескать, особенного вы не сделали, все ваши заботы — обычные, понятные, а депутаты — люди из народа, они поймут и, наверное, даже рассердятся на участкового, что занимается чепухой.

Утешаем, а сомневаемся: вдруг оштрафуют... Разные бывают люди, странные иногда формируются группы из них.

Хорошо помню, как ко мне пришел участковый: «Соседка жалуется, что у вас собака лает». Сел за стол, разъяснил, что щенка надо покупать только с согласия всех соседей. «Что же теперь делать, — спрашиваю в досаде, — удавить его, что ли?» Посоветовал отдать кому-нибудь. Так сидим, беседуем. Уходя, он спросил: а где собака-то? Показываю на телевизор. На нем кастрюля стоит, а в ней щенок спит и сохнет после купания. «Тьфу ты господи — сказал участковый, — собака называется». Ушел, смотрю, опять возвращается. «А ваша соседка, — говорит, — жалобы пишет, а сама отпетая спекулянтка, сколько раз задерживали».

Мне повезло, нормальный парень попался. Пристыдил соседку, чтобы отвязалась. А бывают другие парни, вроде этого тов. Красных. Он любит по подъездам мотаться и штрафом грозить, если лыжи в коридоре оставляют.

На другой день опять звонок ради справки — с улицы Маркса и Энгельса. «Сидим с мужем и сыном, пьем чай, — рассказывает женщина. — В гостях у нас супружеская пара, он физик, она библиотекарь. Торт принесли. Я белую скатерть постелила. Так все красиво на столе. Из приемника тихая музыка. Вдруг участковый приходит: «Соседи позвонили, что у вас гулянье». Показываем ему на приемник: «Вот, слышите, все наше «гулянье». Он строго оглядел стол, нет ли спиртного. Не увидел ничего и говорит: «Уже одиннадцать часов. Пора по домам!» Муж удивился: что за регламент? Участковый опять строго говорит: «Спать пора!» И на часы показывает. Муж хотел спросить, не гости стали собираться и сказали, чтобы мы не связывались. Так, на всякий случай, лучше не надо. Не знаешь, чего от него ждать». Рассказав это, женщина задает вопрос: «А что, новый указ вышел? До одиннадцати гостей принимать?» Отвечаем ей, что это старый закон, называется — «страх».

...Привыкли всего бояться: человека в униформе, повестки на бланке, строгого голоса, звонка из жэка, характеристики, внезапного стука в дверь... Боимся выступить на собрании, встретить начальника в коридоре, поймать на себе его взгляд. Страшно, а вдруг врач заругается, почему режим не соблюдаем, боимся у продавца переспросить цену, перед девушкой в служебном окошке заискиваем, принять передачу в больницу умоляем, даже пятачок в метро опускаешь — на контролера опасливо смотришь: вдруг чего скажет.

А уж песни петь за столом с гостями у себя дома — это из жизни предков... Что это? Какой неизвестный вирус — причина этой повальной эпидемии?

Читаю редакционную почту. Жалуются на скудное питание в больнице и просят, если опубликуем, сменить фамилию с Углов на Круглов. Чего боится автор? Что буфетчица из больницы подкараулит его в подъезде? Или другой пишет, что перестройку кое-кто хочет спустить на тормозах и — не подписывает письмо. Вдруг, думает, журналист явится по указанному на конверте адресу, взглянет строго от имени общества и скажет: «Ну и ну!» А уж если на школу жалуются, то почти в каждом письме просьба не разглашать. Например, после моей статьи «Фонтан» (20 января с. г.) было много звонков: «А вдруг директора не снимут? Знать бы точно — мы бы такое порассказали...» Кстати, его и не сняли.

Впрочем, из всех видов страха этот не лишен оснований. Никогда не забуду голос женщины и ее робкий вопрос по телефону, имеют ли право оставить сына на второй год, если его побили в школе ребята и повредили позвоночник, теперь он — лежачий больной, а из школы никто не ходит с ним заниматься. Помню, какого труда мне стоило вызнать номер школы и уговорить мать не бояться «мести». Мы встретились в кабинете директора, и та сказала, что «за рубль с чем-то» никто по домам ходить не хочет. Но все же обещала перевести мальчика в восьмой класс. Но сам факт, что родительница «привела корреспондента», так потряс директора, что она не удержалась и при мне сказала женщине с укоризной: «Даже птица не гадит в своем гнезде». А когда мы уходили, завуч спросила женщину: «Наверное, через год в девятый класс будете проситься?» — и засмеялась.

Вот этого смеха заведомо боялась женщина, когда только еще набирала телефон редакции. Этот смех «начальницы» многое предвещал ребенку и матери. Ну, в данном случае дело обошлось, и начальница смеялась, уже сидя на пенсии. А обычно?

Что это за отвратительная такая «временная власть» типа куража одного человека над другим? Что за услада пребывать в роли кошки, которая трогает мышь лапой, прежде чем сожрать? И вот интересно: чем ущербнее личность, тем больше для нее отрады в этой минутной власти. И тем нестерпимее она для временной жертвы.

«Да что они мне могут сделать! — думает иной о безымянных мучителях. — Да чего мне бояться!» Думает — и идет в школу за своим первоклассником... Это еще одна реальная история, где неясная, как бы рассеянная в нашей атмосфере угроза сгустилась и получила материальное воплощение в виде письма на работу.

Итак, отец идет за сыном, а родителей в этой школе дальше предбанника (между двумя входными дверьми) не пускают. Потому что школа образцовая и боится, что родители наследят в вестибюле, но при этом почему-то не боится, что десятки взрослых людей испытывают унижение, толпясь у входа и высматривая ребенка в щель. Условие достаточное, чтобы родилась неприязнь к этому казенному заведению. Психиатр сказал бы, что у этой администрации олигофреническое мышление: на копейку выигрывает, на рубль теряет.

Короче, пришел отец за ребенком, а тот плачет, учительница его высмеяла перед классом. Отец утешает сына, а мысленно честит школу. У него еще и дочь во втором классе. И вот назавтра ему пора на работу в вечернюю смену, а девочки все нет и нет. Вдруг звонит, жалуется, что ее сапожек в раздевалке нет, она в тапочках стоит, а на улице снег. Отец хватает сапоги жены и мчится на такси в школу. «Что у вас тут творится?» — спрашивает дежурную учительницу и, наверное, еще что-то прибавил к этому вопросу. Голос у него громкий и басовитый от природы, поэтому учительница обиделась. Тут выходит девочка из раздевалки и показывает куртку, которую вытащила из кучи на полу, — куртка грязная, надеть невозможно, а между тем куплена на прошлой неделе. Отец еще что-то добавил про порядки в школе, а самого трясет, так как опаздывает на работу. Дежурная послала его к директору. Он открыл дверь, вошел и потребовал «встречи с родителями»: у нас, дескать, вопросы к вам накопились. «И хорошо бы из роно кто-нибудь пришел», — наивно добавил родитель, чем и навлек на себя гнев директора. Встречу ему обещали, но решили опередить — составили делегацию от школы и явились к нему на работу с письмом. Документ замечательный. Вот он у меня на столе лежит — на той работе посмеялись и в редакцию передали.

«Директору... Секретарю парторганизации... Копии: РК КПСС. Министерство. (Странно, что в ООН копию не послали. — Н. Л.) Педколлектив школы доводит до вашего сведения факты грубого, безнравственного поведения вашего сотрудника. Сознавая, что реформа школы — дело всенародное и каждый может внести свои предложения и коррективы в совершенствование обучения и воспитания подрастающего поколения, а также учитывая период грандиозных перемен, перестройки всех сторон нашей жизни, мы — за гласность и наших успехов, и в большей степени наших недостатков, за демократический стиль управления современной школой, непременным условием которого является контакт, связь с семьей. Этот союз предполагает искренность, доверие, доброжелательность, взаимное уважение. Все это попирается А. П., который допускает неуважительное отношение к педколлективу, граничащее с аморальными, хулиганскими действиями. Он не считает нужным официально обратиться к администрации, злобствует, занимается злопыхательством, резким осуждением работы педколлектива в вестибюле школы. В его лексиконе неизменно присутствуют слова «воровство», «бардак», «бардель» (так написано. — Н. Л.), нарушая всякие нормы этики, говорит об учителях только в 3-м лице — «она», буквально врывается в кабинет директора и начинает дискредитировать и ее, и учителей, и весь педколлектив. В последнее время А. П. прибег, очевидно, по его мнению, к крайним мерам устрашения — угрозе привести знакомого корреспондента телевидения и другим акциям, граничащим с интригами и шантажом. Считаем поведение А. П. недостойным интеллегентного (это не опечатка, а орфография треугольника. — Н. Л.) человека сегодняшнего дня. Цинично понося школу, он счел тем не менее возможным отдать сюда учиться и второго ребенка, хотя школа работает в трудных условиях в силу капитального ремонта.

Убедительно просим вас принять меры и урезонить шантажиста, оградить педколлектив от грубости, фальсификации фактов, цинизма, непорядочности, неуважительности и призвать его к утверждению в жизни норм истинной культуры и порядочности, к стремлению сделать нашу жизнь добрее, красивее, интеллигентнее, радостнее, о чем шла речь на последнем съезде профсоюза работников культуры, где посчастливилось присутствовать директору школы. Директор школы. Секретарь партбюро. Председатель профкома».

Интересный документ. В нем много всего намешано. И радостная преамбула, и оптимистический конец, и весьма подозрительная середина. Можно не видеть в глаза ни директора, ни родителя, все равно почему-то доверия бумага не вызывает. Что-то агрессивно-испуганное есть в ней, а фактов особых не просматривается, одни натяжки. Вручая мне бумагу, работники учреждения сказали, что знают своего сотрудника почти двадцать лет, это мягкий и добрый человек, только голос мощный у него. И тот криминальный случай они помнят: чуть не опоздал на работу, «куда, — говорит, — я дочку дену, стоит возле вешалки в грязной куртке и босая»... Не обязательно быть педагогом, чтобы понять волнение родителя. А уж если ты педагог, то хотя бы ошибки на письме не надо делать. И ругаться надо по-честному: если одна сторона сказала «бардак» (второе слово не считается как несуществующее), то и ответно можно обозвать, скажем, «шантажистом», и хватит. А то администрация впятеро больше наговорила: и «циник», и «непорядочный», и «порочит звание». Они не квиты. За ним ход остался...

Письмо на работу — один из старых-старых методов устрашения, мести, защитно-атакующих действий одной стороны против другой. Это партизанский прием: когда не хватает сил выйти на открытый бой, посылают группу, чтобы сняли часовых и порезали сонных. Тайком нанести материальный ущерб. На войне — это норма, а в мирной жизни — один стыд.

Интересно, обрадовалась бы директор школы, если бы этого родителя немедленно уволили? Но ведь это была бы акция против детей — сперва обидели мальчика, потом замызгали куртку девочки, а вместо извинения — еще и папу уволили... А он хотел всего-навсего «открытой встречи дирекции с родителями». Хорош «цинизм»!

Чего еще мы боимся, кроме письма на работу?

В большом ходу у нас глагол в 3-м лице множественного числа будущего времени: заругают, накажут, напишут, не дадут, выгонят, понизят, прокатят, отомстят, изобьют, оштрафуют, вызовут, пошлют, засмеют, обидятся, рассердятся, обманут, обсчитают, отвернутся... Кто? «Они». Это слово если не говорится вслух, то почти всегда подразумевается. «Что толку говорить? Разве они послушают?», «Не высовывайся лучше, пока тебя не замечают», «Не связывайся, такое тебе устроят...» Кто все это сделает? Они.

Слово это многозначно и многолико. Однако никто в нем себя не узнает. «Бюрократы душат все живое, это они плодят бумаги», — говорит с трибуны бюрократ. С негодованием говорит! «Серость захлестнула литературу, бездарь пишет», — говорит писатель настолько «серый», что даже смешно. Кажется, что он шутит, не может быть, чтобы не понимал, в чьих рядах сам состоит. Но слушаешь и видишь — не понимает. Искренне обличает. «их». Да кто же эти таинственные «они»? Вдруг с тоской понимаешь: принес читатель рукопись в редакцию, завернули. «Разве они напечатают!»—сердится он... на нас. «Но ведь мы бережем от него других читателей,—думаешь в свое оправдание, — ведь рукопись скучная, ни одной мысли...» Но круг уже замкнулся. «Они» и «мы» — одно и то же. Это всего-навсего единый вирус враждебности человека к «остальным», к обществу, это неполная адаптация, изъяны социализации и т. д. и т. п. «Они нас обманывают», — жалуемся мы на продавцов. «Разве они умеют лечить?» — говорят продавцы о врачах. «Пока светло, они дворы обходят, а в темноте их не дозовешься», — сетуют врачи на милиционеров. И все дружно вздыхают: «Начальник двумя руками за кресло держится, работать нечем», — имея в виду каждый своего. Вот так по кругу и ходят жалобы, и все вполголоса, шепотом. Общество в итоге гудит. То чуть громче, то тише.

А что лучше — когда народ безмолвствует или когда крик стоит? Как внешне демократия выглядит? По-моему, второй вариант предпочтительнее. По теории истмата государство, конечно же, — аппарат насилия. Но не до такой же степени! Чтобы и спустя 70 лет шептаться... По диалектике права личности неприкосновенны, особенно те, что зафиксированы в Конституции. И некого бояться человеку законопослушному, то есть основной части населения. Пусть боятся те, кто на эти права покушается.

Что следовало бы сказать участковому Красных? «Товарищ Красных, мне срочно нужна няня, и я имею право хоть по улицам с мегафоном ходить, призывая старушку в дом. И лыжи свои в коридоре оставлю, если воров не боюсь». И другому его собрату: «Не укладывайте нас спать. Идите оба займитесь делом. Кстати, сколько на ваших участках дебоширов и прочих лиц на учете, а? Вот и до свидания». А когда они уйдут, можно высунуться из окна и сказать вслед: «Ишь вы какие».

Пришло время учиться защищать свою личную жизнь, куда входит гораздо больше, чем считалось вчера.

...А пока иду с дежурства домой мимо Петровки, 38, сворачиваю на бульвар. Вдруг разом гаснут фонари. Бульвар в самом центре столицы погружается в кромешную тьму. Значит, ровно одиннадцать часов. Мне строго напоминают, что спать пора. Мне просто предписывают — спать, и никаких прогулок!

Николай АМОСОВ:

Идеалы основаны на вере. Однако чем человек становится разумнее, тем больше он ищет доказательств реальности идеалов. Если они вступают в противоречие с действительностью, то низвергаются и часто меняются на противоположные. Это очень болезненно.

Рисунок Ю. МИХАЙЛОВА

Четыре года в «Литературной газете» ведется рубрика «Писатель и общество». Нужна ли еще одна, по видимости схожая — «Ученый и общество»? Мы думаем, в новой рубрике, которую мы сегодня открываем, неизбежны отличия от уже существующей. Вероятно, статьи ученых, которые мы будем публиковать под этой рубрикой, не достигнут того литературного уровня, какой свойствен большинству писательских статей. Надеемся, однако, что они не уступят им по мысли. По крайней мере — не уступят. А мысль — это ведь то, чего в первую очередь требует наше время, время перестройки.

Несколько слов о статье Николая Михайловича Амосова (ученого и писателя), которая публикуется первой. Читатель найдет в ней ряд непривычных суждений о человеке, человечестве, нашем, западном обществе. Не со всеми из них он, читатель, обязан соглашаться. Здесь есть о чем подумать и о чем поспорить.

О. МОРОЗ,
заведующий отделом науки «ЛГ»

Ученый и общество

РЕАЛЬНОСТИ, ИДЕАЛЫ И МОДЕЛИ

У КАЖДОГО свое понятие о новом этапе истории, начавшемся после апреля 1985 года. Для многих интеллигентов и для меня это возможность принять посильное участие в делах общества. Раньше мы или поддакивали, или молчали. Были, конечно, люди вроде Сахарова, но таких — единицы. Я из числа молчавших, что боялись потерять работу на своем участке.

Кроме хирургии — а в нашей клинике сделано без малого 50 000 операций на сердце, — тридцать лет я руковожу отделом в Институте кибернетики имени В. М. Глушкова, где мы занимаемся созданием эвристических моделей сложных систем «типа живых» — от организма до общества. Занимаемся квалифицированно — диссертации, степени, монографии, технические устройства и даже премии. Обществом, к сожалению, занимался я один, поскольку открыть тему было невозможно. В 1969 году мне удалось даже напечатать маленькую брошюрку — «Моделирование общественных систем», 100 экземпляров, но ее быстро изъяли.

Метод моделей как основа любой теории сейчас уже не требует защиты, особенно после того, как ученые США (К. Саган) и наши (Н. Моисеев и др.) просчитали «ядерную зиму». Модели широко распространены в экономике, однако из них вынута сердцевина — психология и социология, без которых они теряют большую часть ценности.

В трактовках таких сложных систем, как личность, общество, наши философы расходятся с западными на все 100 процентов. И не смогут договориться, пока не будет опирающейся на методику измерений теории и математической модели. То есть пока наука об обществе не перейдет из сферы гуманитарной в естественнонаучную.

Можно бы и не горевать — пусть себе философы развлекаются. Но беда в том, что миру просто приспичило решать вопросы психологии и социологии, потому что от этого зависит, быть или не быть человечеству.

Не собираюсь обманывать: эвристическая модель — всего лишь гипотеза. Однако она необходимый этап на пути к модели реальной, к настоящей теории. Путь этот долгий.

Прежде чем обратиться к реальностям мира, побуждающим просто требующим создания моделей, остановлюсь на одном вопросе: о Разуме. Опять-таки без хвастовства (притязаний к обществу не имею, мне — 75) скажу, что наш отдел квалифицированно занимается созданием искусственного интеллекта (ИИ). Он будет, но сейчас вопрос не в нем. Четверть века назад мы создали гипотезу об Универсальном Алгоритме Разума как аппарате оптимального управления объектами. С его помощью мы пытаемся объяснить разум естественный. И подойти к искусственному интеллекту. Понимаю, что мое заявление психологи сочтут безответственным. Не обижен. Доказать все равно не смогу, пока не заработают модели ИИ. Дело в другом. Есть несколько качеств любого разума — от собаки до общества, — которые (увы!) ограничивают надежды на возможности «разумного» поведения как человека, так и человечества.

Вот эти качества. Ограниченность: модели Разума всегда проще объекта, поэтому можно пропустить важные детали. Субъективность: чувства ставят задачи разуму, они же оценивают результаты. Чувства — от потребностей и идеологий. Те и другие разные, отсюда — трудности доказательств. Увлекаемость: сложный разум — самоорганизующаяся система, он способен к творчеству, к созданию (и тренировке!) новых моделей, они могут изменить критерии оптимальности, увести разум в сторону. Еще момент: коэффициент реальности будущего. Все наши действия рассчитаны на удовольствие в будущем — насколько вероятно оно и долго ли ждать. От этого и зависит, стоит ли напрягаться сегодня.

Вот и получается, что наш уважаемый разум очень ненадежен. Хотя он и вывел нас в люди, но за ним нужен глаз да глаз измерения, диалоги, споры, проверки, в частности — модели.

Двести лет прошло со времени Великой французской революции, объявившей не только свободу, равенство и братство, но и Царство Разума, и ничего не свершилось.. Атомная война и экологическая катастрофа висят над человечеством, и напрасно взывают к разумности.

О войне говорить не будем — все ясно. Жизнь прожил — не славословил вождей, но тут скажу: М. С. Горбачев отодвинул опасность. Спасибо.

С экологией сложнее. В 1967 году Медоуз напечатал книгу «Пределы роста». Была сделана модель, показывающая, что будет с человечеством, если сохранится прирост населения при одновременном приросте потребления на душу населения. Следствия: истощение ресурсов, нехватка пищи, но главное — загрязнение среды и ускоряющаяся гибель биосферы. К 2020 году произойдет «коллапс» — вымирание человечества. Авторы предупреждали: «Остановитесь!» Шум был большой. Хотя никто не остановился. С этой книги начались «глобальные проблемы». Наши, конечно, не напечатали: зачем пугать граждан? (Данные Медоуза неоднократно оспаривались, но выводы сделаны. Высокоразвитые страны начали экономить энергию и материалы. Появились «зеленые», борются за экологию, и небезуспешно.)

Рецепты от катастрофы давно известны: перестаньте ссориться, откажитесь от гонки вооружений, помогите слабым странам, ограничьте потребление — и можно сбалансировать планету. Если не навсегда, то по крайней мере надолго. Пока в самом деле что-то придумают.

Нет смысла повторять эти интеллигентские стенания. Нужно искать, думать — почему? Что делать?

Но сначала — о реальностях.

Первая — научно-технический прогресс, НТП. С него все началось, и им же нужно спасаться. Обратно в пещеру пути нет. Никто не будет оспаривать такую цепь причин-следствий: наука — техника — экономика — повышение абсолютного уровня жизни всех граждан — общий рост образованности и информированности — изменение труда от физического к интеллектуальному — смещение соотношения социальных групп («синие воротнички» в США — 25 процентов, фермеры — 4—5 процентов). Теперь разница между странами больше определяется не идеологиями, а технологией, ВВП — Внутренним Валовым Продуктом на душу населения.

БЕЗ ПРЕТЕНЗИЙ на полноту и компетентность перечислю главные достижения и угрозы НТП.

Лидером прогресса является микроэлектроника, изменила все технологии и практику управления. Оборотная сторона: неограниченные перспективы для автоматического управления оружием без солдат и даже СОИ.

На втором месте — химия. Это агротехника, машиностроение, быт. Но в то же время она больше всего загрязняет внешнюю среду и грозит оружием не менее страшным, чем атомное.

К химии примыкают генная инженерия и биотехнология И здесь необъятные перспективы пользы и страха. Да, новые растения и даже животные, много пищи, лекарств Но ведь и новые микробы, против которых нет защиты — вроде СПИДа, и бактериологическая война.

Нет необходимости распространяться о пользе атомной энергии. Хотя после Чернобыля стало ясно, что безопасность — штука дорогая, но без АЭС уже не обойтись. Еще одно: атомные станции держат нас заложниками в собственной стране, даже если боеголовки уничтожат.

Можно бы еще сказать о лазерах, что режут металл и помогают хирургам. Но беда, что они и ракеты могут взрывать на взлете. Как у инженера Гарина.

Впрочем, довольно ужасов. Обратимся к хорошему. Наука и техника уже сейчас могут практически решать почти все глобальные проблемы: ограничение рождаемости производство пищи, сбережение ресурсов, защиту среды.

Наука подвела мир к смертельной черте. Она же может и отвести. Скажем — надолго. Так кто же виноват? Правительства? Нет, биологическая природа человека. Наука все может. И эту нашу природу переделать. Но хватит ли для этого времени? Ответа нет?

Ответ есть: правительства должны думать о науке неусыпно. В частности, позволять ей делать ошибки, не дрожать за чистоту идеологических риз. Прежде чем наука через гены кастрирует нашу жадность и агрессивность, нужно, чтобы она прояснила психологию человека и разрешила идеологические споры — это возможно, и это позволит человечеству продержаться до золотого века разумности.

Вторая реальность — современный капитализм. Я уже не застал разговоров о мировой революции, но о загнивании слышу до сих пор. Сколько можно! Знаю о капитализме достаточно: он жизнеспособен и динамичен, стоит на крепких биологических основах. Притом воспринял от нас социальные программы и получил мощные подпорки. К этому на 100 процентов мобилизовал НТП. По части экономических основ капитализма у нас до сих пор преподается забавная сказочка: эксплуатирует рабочий класс и прибыль кладет в карман. Все так примитивно. Да, каждый капиталист старается выжимать соки, но все вместе они заинтересованы в покупательной способности, в росте производства и НТП. Профсоюзы ограничивают их жадность, но тоже в меру, чтобы не разорились. Правительство между ними балансирует — опять же не только из идеи, хотя и это есть, несомненно, а из лидерства, властолюбия. Социальными программами удерживает популярность, налогами и субсидиями регулирует экономику. Многопартийная система и демократия предохраняют от диктаторов и разложения аппарата, разделение власти и пресса обеспечивают обратные связи. У нас не печатают статистики о Западе, а она показывает устойчивый рост производства, потребления, образования, здравоохранения, социального обеспечения. Рост — больше нашего.

Отнюдь не идеализирую капиталистический строй: эксплуатация и неравенство. Да, эффективен, потому что зиждется на жадности и лидерстве. Но также и на любознательности — от образованности. И на некоторой идейности — от христианства. В основе — индивидуализм, даже эгоизм. Но они тренируют тело и волю. Вот откуда успехи.

Вдохновляет ли на подражание эта вечная гонка конкурентов? Сильных — да, слабых — нет. Годится ли она как идеал для человечества? Нет, потому что большинству граждан это тяжело и счастья не обещает. Кроме того, планета не выдержит такого сумасшедшего потребления ресурсов.

Капитализм — реальность, с которой приходится считаться. Объем ВВП в США почти вдвое больше нашего Япония тоже нас обогнала. «Общий рынок»—почти в полтора раза больше Америки. Вместе набирается превышение ВВП над нами в четыре-пять раз. Это только по количеству. Но главное — превосходство в качестве этого ВВП. Тут уж расчет не на годы — на десятилетия...

Скажу так: мне неприятно раскрывать третью реальность — наше общество. Сам я — его часть. С 1930 года работаю... Но что сделаешь? Обманами тешиться больше нельзя. НТП и капитализм уж очень реальны.

Три года гласности развеяли мифы о нашей системе. Теперь все читают публицистику — В. Селюнина, Ю. Черниченко, Н. Шмелева, А. Нуйкина, Г. Попова, Л. Гордона, А. Афанасьева и многих других. Добавьте выступления на XIX партконференции (Е. Чазов, Г. Ягодин, Ф. Моргун и др.) — и можно ограничиться простым перечислением наших недостатков.

Экономика топчется на месте, и вообще директивное планирование осуществить невозможно при наличии 25 миллионов номенклатуры производимых изделий. В натуральном исчислении за 60 лет рост экономики — 6—7 раз, а не 90 (В. Селюнин).

Передовая наука — только физика и космос, остальные — отсталые.

Социальная справедливость сомнительна. Вверху — «элита», «внизу» — бездельники.

Социальные завоевания — широкие, но белные

Высочайшая мораль? Уже все есть: коррупция, мафия, рэкет, проституция, наркомания. Но не только экзотика: алкоголизм, озаводы, брошенные дети, несуны

Грустная получается картина.

НО НЕТ, не будем драматизировать. Никакая катастрофа нам не грозит. Жили при застое и не замечали. Бодренько шагали с лозунгами, боролись в соревновании, ордена, награды шли к круглым датам. Ну, не будем первыми... Вторые и третьи тоже живут.

Это гласность все разворошила.

Что делать? Без всякого подхалимажа скажу — путь выбран правильный. Только хорошо бы освятить его наукой... А то уже много раз правильные пути выбирали. И сворачивали на старые колеи.

С философов надо бы спросить за изгибы идеологий. Впрочем, что с них спрашивать? Вся эта наука работала «на вождя». Он изречет, а команда начинает судорожно листать классиков и подбирать цитаты. Классики были умны и плодовиты Я уже пять вождей пережил, и все самое противоположное, делалось по Марксу и Ленину. Так и сложилась у меня крамольная мысль: нет теории человека и общества. И следующая: вот приложение для моделей — начало длинного пути исследований, чтобы превратить эвристические в реальные. В теорию.

Эвристическая модель начинается с перетряски гипотезы. Два возражения у меня имеются к философам, объясняющим общество: недооценка биологической природы человека и предвзятое изучение истории.

Итак, человек. Почитаешь наших ученых, так получается, что все что ниже глаз, — почти как у шимпанзе, а выше — продукт общества: сделай революцию уничтожь частную собственность, повторяй лозунги — и коммунизм обеспечен. Почему не получилось?

Люди оказались неподходящие. Не такие, как думали. Впрочем, в этом и сейчас никто не признается. А без того, чтобы знать, каков человек, невозможно проектировать общество. Это должно быть для нас самой главной задачей.

В нашей литературе есть несколько ошибочных, на мой взгляд, представлений о человеке. Вот они.

Люди принимаются одинаковыми. В действительности диапазон различий—по набору потребностей и силе характера — примерно 1:3.

Воспитуемость считают почти безграничной. Из каждого воспитанием можно сделать ангелочка, и он еще передаст свое ангельство потомкам. Это неверно. К сожалению, степень воспитуемости неизвестна. Мы берем в своих моделях 40—50 процентов.

Коллективизм в человеке сильнее индивидуализма. Как раз наоборот: человек прежде всего эгоист. Однако альтруизм ему присущ и воспитуем.

Биологические потребности как производные инстинктов на словах признаются, но в трактовках поведения ими пренебрегают. Да и сами потребности упрощают, сводят до простейших чувств: голод, секс, страх, агрессия. В то же время этологи и биосоциологи нашли у стадных животных целую гамму общественных чувств с очень большой значимостью. Мы вводим в модель такие: потребность в общении, самоутверждение, лидерство. Но есть и полярная потребность — подчиниться авторитету сильного или группе. Еще есть сопереживание и подражание, любознательность. Более того, мы допускаем биологические корни правдивости, справедливости и даже искусства. Не удивляйтесь: есть потребность в игре у детенышей и у взрослых — это имитация настоящих действий, вызывающих те же чувства.

Еще один предрассудок: бедные и угнетенные являются носителями высших моральных ценностей и поэтому призваны принести их всему человечеству. Этому нет доказательств.

Еще одно замечание: упустили исторический опыт организации управления — необходимость разделения власти и обратных связей. Без них общество деградирует. Винер говорил о тоталитарном государстве, что в ответ на сигналы обратной связи оно реагирует уничтожением их носителя. Мы долго были в подобном положении.

Самый интересный вопрос в моделях общества: как отразить идеологию? Что считать справедливым и почему? Я думаю, что есть два источника происхождения идей — Алгоритм Разума и биологические потребности. Разум выдвигает гипотезы, выражает их словами и тренирует, пока они становятся источником активности, управляющим поведением наравне с центрами биологических потребностей. Так возникли гипотеза о боге и идеализм, гипотеза о материальных силах и материализм, этические идеи о справедливости в распределении собственности и власти.

ТАК МЫ подошли к идеалам.

Если упростить предельно, то идеал общества — это его модель с координатами обеспечивающими реализацию неких формул, уже давно имеющих хождение: «Свобода равенство, братство», «От каждого по способности, каждому по потребностям» или по труду...

У людей есть потребность верить в идеалы и авторитеты. И здесь снова биологические корни: слабый защищается прикосновением к сильному.

Потому и предлагаются идеалы, что действительность любого общества полна недостатков и люди во все времена мечтали их радикально устранить. Как известно, ни одна мечта еще не осуществилась.

Нужны ли идеалы? Необходимы. Для воспитания. Если бы людям с самого детства говорили об их истинной эгоистической природе и развенчивали идолов, то они стали бы еще хуже. Идеалы основаны на вере. Однако чем человек становится разумнее, тем больше он ищет доказательств реальности идеалов. Если они вступают в противоречие с действительностью, то низвергаются и часто меняются на противоположные. Это очень болезненно.

Поэтому нужны идеалы реальные, фактически они уже не заслуживают своего названия и превращаются в компромиссы По ним и приходится управлять обществом, чтобы смягчать разрушительные противоречия реальностей.

Что важнее — «идеальность идеалов» или идеальность авторитета? Пожалуй, важнее последнее. Вера ищет воплощения в личности, хотя бы — в прошлом. На этом построены религии. И даже — идеологии.

Вот главные противоречия нашего времени, требующие решения.

Экспансия жадного и могущественного человека угрожает биосфере. Одним усилением защиты, видимо не обойтись: нужно ограничивать потребление. Компромисс

Нетерпимость идеологий не только чревата войной, но и мешает договориться о защите природы. Нужно искать научную платформу для «компромиссов.

Неравенство является сильным стимулом прогресса, но в то же время служит источником недовольства слабых. Нужен компромисс внутри идеологии.

Сама природа человека вступает в противоречие с будущим планеты. Лидерство, жадность, немного сопереживания и любопытства при значительной воспитуемости — вот естество человека. Нужно ли его насиловать внедряя социализм? Наверное, это самый трудный вопрос. Опыт последнего полустолетия и его реальности предлагают положительный ответ. Нужно. Нужно использовать воспитуемость человека для социализма. Частное предпринимательство, даже при демократии, угрожает природе, поскольку стимулирует потребительство.

Реальные идеалы нашего общества, порожденные компромиссами, в значительной степени уже сформулированы в документах партии. Однако это не значит, что к ним нечего добавить. Попытаюсь изложить свое мнение по пунктам.

1. Да, недопустима эксплуатация. Нужно добавить: не только экономическая, но и моральная. К ней относится и «технологическая», вызванная служебным подчинением. Уменьшить ее можно только демократией и высоким уровнем морали. Нельзя унижать человеческое достоинство.

2. Труд есть обязанность, а не потребность. Он — источник богатства и тренировки. Для стимуляции труда не избежать неравенства в заработках и даже безработицы.

3. Потребность в собственности заложена в генах, но регулировать размеры имущества необходимо, чтобы не стимулировать жадность и зависть. Кроме того, собственность желательна гражданину, чтобы чувствовать себя независимым от государства, особенно если оно является основным работодателем.

В связи с этим: морально ли использовать наемный труд для частного предпринимательства? Не морально, но компромиссы заставляют его допускать — при строгих законах.

4. Демократия необходима — от правительства до предприятия. Воля большинства должна сочетаться с уважением к интересам меньшинства. Полезно заимствовать демократические процедуры Запада: разделение власти, выдвижение нескольких кандидатов «снизу», тайное голосование, ограничение сроков и пр.

5. Конституция должна обеспечить гражданские права в полном объеме. включая и свободу ассоциаций, однако при соблюдении принципа социализма. Обратные связи осуществляет независимая пресса. (Исследование на моделях показывает, что при наличии двух партий с одинаковой исходной идеологией возможен дрейф в сторону капитализма.)

6. Необходимо восстановить в правах общечеловеческую мораль.

7. Охрана природы должна стать моральной категорией и пользоваться приоритетом в любых компромиссах.

8. Нужно пересмотреть атеистическую догму «Религия — опиум для народа». Эта формула никогда не соответствовала исторической правде, поскольку не останавливала политической активности. Но религия всегда поддерживала мораль, а вера в бога облегчала страдания многим людям

9. В сфере экономики единственно возможный вариант — рынок самоуправляющихся предприятий с государственным регулированием, обеспечивающим защиту природы и социальные программы. Частное предпринимательство необходимо (компромисс!), но подлежит контролю.

ЧЕМ ЖЕ отличается общество, обрисованное этими пунктами, от капитализма западного образца? В самом деле: собственность, демократия, права человека, социальная защита, конституционные гарантии, охрана природы, рынок. Все как там.

Ну и что? Разве это плохо? Человечество двигается в сторону совершенствования своих форм организации, и никто не может претендовать на монополию в идеях.

Тем не менее отличия есть, и, на мои взгляд, значительные. Первое — сам социализм: общественная собственность на средства производства, правда, с небольшими уступками частному предпринимательству. Это преимущество не экономическое а только моральное. Хозяин всегда лучше управляет, чем коллектив. Но мораль дороже. А кроме того, сверхвысокую эффективность не выдержит планета. Компромисс!

Второе: отсутствие эксплуатации. Подчиняться хозяину унизительно, а начальству от общества — нет.

Третье: демократия «внизу» — самоуправление предприятиями, выборность руководителей, что при капитализме пока нереально.

Четвертое: компромиссное ограничение неравенства необходимым для производительности оптимумом.

Преимущества хороши, только когда малы недостатки. Поэтому нашему обществу просто необходима высокая научно-техническая и экономическая компетентность. В противном случае выигрыши в «качестве жизни», порожденные эффективностью капитализма, пересилят наши моральные плюсы. Не надо забывать об эгоистической сущности человека. В век международной интеграции и информированности, при гласности уже не закроешь свои дефекты железным занавесом. Тем более что мы еще не показали наши добродетели и уже успели изрядно попортить природу.

Так мы подошли к перестройке.

Что в ней главное — демократия или ускорение? Думаю — ускорение. Оно нужно всем.

В экономике пока дела идут туго Попытаюсь назвать причины исходя из природы человека Первая — всеобщая детренированность. Совершенная техника как фактор производительности затрагивает в лучшем случае треть трудящихся. Из этого и нужно исходить в надеждах на ускорение через технический прогресс. А остальные две трети? Они мало дают, потому что просто плохо работают. Если они не возьмутся за работу как следует, то ускорения не достичь.

Причина детренированности — командная экономика. Не работал универсальный регулятор — рубль. Начальники для своего благополучия «выбивали» низкие планы и дополнительные штаты. Когда стало мало рабочих — усилилась «выводиловка», это совпало с ростом алкоголизма. Тогда стандарты труда окончательно пали Множество людей теперь не только не хотят работать, но уже и не могут. Не секрет, что напряжение труда у нас в два раза ниже, чем на Западе. Соответственные и производительность, и уровень жизни. Если учесть негодное управление да вычесть военную технику — откуда же взяться богатству?

Вторую причину я осторожно назвал бы эрозией идеологии. Общечеловеческую мораль выбросили как буржуазную, а вера в социализм, призванная ее заменить, сильно понизилась из-за лжи и падения уважения к начальствующим чинам.

Много упреков делается бюрократам Борьбе с ними не обещает успехов, пока не будет пересмотрена система хозяйства.

Есть еще один гормозной психологический фактор: ложное милосердие Уволить плохого или ненужного работника исключительно трудно, а с демократизацией стало еще труднее. Все жалеют: «А как он будет жить?» Сопереживание само по себе хорошо при всеобщем эгоизме, но идет оно от иждивенчества: «Государство не обеднеет».

Вот и получается: все поддерживают перестройку, но почти никто не хочет напрягаться.

Нужны стимулы. Где их взять? Что говорят психология и модели?

Самое простое — повысить зарплату. Но ее нужно обеспечить хорошими товарами Для них требуются новые машины. Но у машиностроителей нет хороших материалов и даже мало хороших конструкторов Нужно еще, чтобы на машинах добросовестно и квалифицированно работали. В общем, цепочка с товарами растянется на годы. А пока прибавка зарплаты не побуждает напрягаться вдвое-втрое.

В капитализме важнейшим стимулом, хотя и со знаком минус, является страх перед безработицей. Боюсь, что и нам совсем без нее не обойтись. В Югославии и Китае социализм не рухнул, выстоит и у нас. Не нужно заблуждаться — мы держим десятки миллионов работающих безработных. Если малая часть их (два процента) получит пособие вместо гарантированной зарплаты, дисциплина труда сразу поднимется.

Еще один стимул заложен в новой системе организации труда и экономики. Это хозрасчет и коллективный подряд. Маленькая группа — бригада — вполне «биологична». Она выступает и как хозяин оборудования, и как борец за выгоду, и самое главное — в ней действует коллективистская сторона сущности человека: потребность в уважении со стороны ближних и совесть перед товарищами.

Важный, хотя и не главный, резерв ускорения — в раскрепощении инициативы индивидуалистов. В «популяции» их 5—10 процентов, но это люди сильные, и главное их желание — работать самостоятельно, в одиночку или с группой «ведомых». Их стимул — лидерство, самоутверждение, а потом уже — жадность. Они ценны не только тем, сколько сделают, но и как пример для других.

БЫСТРО активизировать наше общество невозможно, поскольку тренировка требует времени, так же как и восстановление идеалов, морали и авторитета руководителей.

Общая линия партии — «больше демократии — больше социализма» с раскрепощением индивидуальных интересов не вызывает сомнений. Но ее конкретное воплощение, на мой взгляд, требует серьезного научного подкрепления, с отказом от всех прежних догм. И еще одно: не следует обещать, что через 2—3 года положение с товарами и продовольствием радикально улучшится. Боюсь, что понадобится 7—10 лет. Трезвую правду с хорошим объяснением народ способен понять и принять, обман же вызывает раздражение и окончательно подорвет веру в социализм.

Может ли наука помочь в устройстве общества?

Думаю, что может. Старые идеалы поведения людей вполне достаточны, но компромиссы с ним порожденные реальностями может рассчитать только наука.

У нашего общества нет модели. Управление им идет в значительной степени вслепую Пробы и ошибки оказались весьма болезненными и стойко придвинули нас, скажем так, «к потере статуса». Любые эксперименты на обществе в наш век опасны. Поэтому модели необходимы. Не панацея и не спасение, но могут дать дополнительный материал для принятия решений.

Можно назвать ряд задач.

Каков оптимум неравенства в заработках и частного предпринимательства? Не следует ли увеличить социальную защиту детей и стариков за счет уменьшения ее здоровым молодым людям? Каков оптимальный объем обратных связей для управления, а если без хитростей — сколько нужно свободы чтобы начальство не портилось, социализм не деформировался и устойчивость не потерять? Какими средствами можно повысить «духовность» нашего социализма? Сколько средств нужно выделить для экологии?

К сожалению ни одну задачу не решить, потому что отсутствует основной исходный материал — не изучена психосоциальная природа человека. Нет распределения людей по типам (сильные, слабые), неизвестна значимость важнейших биологических потребностей человека.

Научный подход к познанию и управлению обществом мне представляется в проведении исследований по двум направлениям.

Первое — крупномасштабное психосоциологическое изучение граждан, принадлежащих к различным социальным группам. В основу его необходимо положить единую гипотезу о составе личности, которую сформулировать по экспертным оценкам психологов, социологов, педагогов и практиков сферы управления. Взгляды будут разные, но некоторые усредненно можно получить. По гипотезе нужно разработать методику, пригодную для массового распространения. При этом индивидов нужно изучать вместе с социальной группой, к которой они принадлежат. Сами исследования потребуют привлечения больших сил, но начинать можно с малого

Второе направление как раз состоит в создании эвристических моделей общества, для начала с гипотетическими характеристиками социальных групп. По мере накопления фактического материала по психологии эти характеристики будут заменяться реальными, и таким путем сами модели будут сдвигаться от гипотез к теориям. Не нужно обольщаться — путь этот очень длинный.

Начав эту статью с грустных реальностей, я заканчиваю ее призывом к интеллигенции, к специалистам: давайте вложим свой труд в дело непредвзятого изучения человека и общества. Это сейчас важнее физики и биологии, так как они уже ничего не могут предложить для спасения. Едва ли мы получим обнадеживающие данные поскольку мощь разума ясно вошла в противоречие с человеческой природой. Но кроме науки, у человечества нет надежды на выживание.

КИЕВ

Поддерживаем предложения академика Амосова и, считая интересными, перспективными работы по изучению психосоциальной природы человека, по созданию эвристических моделей общества, будем информировать читателей о ходе этих работ, знакомить с материалами проведенных исследований.

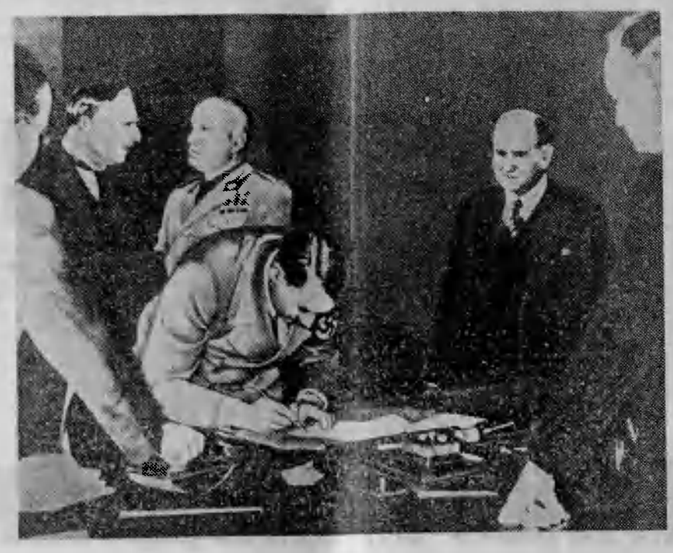
ОТДЕЛ НАУКИ «ЛГ»

Карел ДОУДЕРА

А если бы Бенеш не струсил?..

Из книги «Республика в кредит»

Две эти даты — 30 сентября 1938 года и 23 августа 1939 года — принадлежат к историческим не только в том смысле, что вошли в учебники, но и потому, что память человечества вновь и вновь обращается к ним в поисках ответа на вопросы, отнюдь не утратившие актуальности. Была ли неминуемой вторая мировая война, унесшая 50 миллионов жизней? Какие ошибки сделали в канун той войны политики разных стран и какие уроки можно и нужно извлечь из этих ошибок сегодня?



ПЕРЕГОВОРЫ, которые вели в Мюнхене премьер-министры правительств Великобритании и Франции с фашистскими диктаторами Германии и Италии, затянулись за полночь. После подписания соглашения Гитлер выразил Чемберлену и Даладье признательность за их усилия «в достижении благоприятных результатов переговоров» и добавил, что «как германский народ, так и другие заинтересованные народы воспримут этот итог с большой радостью». Чемберлен ответил в унисон: «Мюнхенские решения будут встречены заинтересованными народами с удовлетворением». Никого из них не волновало, примут ли с радостью и удовлетворением мюнхенский сговор чешский и словацкий народы. Они не относили эти народы к числу «заинтересованных».

Чехословацкого посла в Берлине Войтеха Мастного и руководителя отдела министерства иностранных дел Губерта Масаржика заставили ждать в приемной. Из донесения Масаржика: «В один час тридцать минут мы были приглашены в зал заседаний, где находились Невилл Чемберлен, Даладье, сэр Гораций Вильсон, Леже, Гваткин... Чемберлен в коротком вступительном слове упомянул о только что подписанном соглашении и предложил послу Мастному прочесть вслух текст... Пока посол уточнял детали (Чемберлен то и дело откровенно зевал), я спросил Даладье и Леже, ожидают ли они какого-то ответа со стороны нашего правительства на предлагаемое нам соглашение. Даладье — видимо, от растерянности — молчал, но Леже, сославшись на отсутствие времени, заявил, что никакого ответа от нас уже не ждут, что соглашение считается принятым... Обстановка становилась для всех присутствующих тягостной, нам было в довольно грубой форме сказано, и именно французом, что приговор обжалованию не подлежит, равно как и изменениям... Чехословацкая республика в границах 1918 года перестала существовать».

Когда Губерт Масаржик заканчивал в Мюнхене это донесение, было четыре часа утра 30 сентября 1938 года. Двумя часами позже поверенный в делах германского посольства в Праге Андор Генке вручил ноту своего правительства с текстом мюнхенского соглашения министру иностранных дел Камилу Крофте. Это был ультиматум, не дававший времени на размышления. Предлагалось начать эвакуацию с тех территорий, которые отходили от Чехословакии к Германии, уже на следующий день — 1 октября и закончить ее в течение десяти дней. На чехословацкое правительство возлагалась ответственность за полную сохранность всего оборудования на покидаемой территории. В том числе и на только что возведенных пограничных укрепленных пунктах, передававшихся германской армии в полном порядке.

Крофта был потрясен. Послам в Париже и Лондоне было направлено распоряжение: «Обратите внимание правительства и генерального штаба (Франции и Англии. — Ред.), что мюнхенскими решениями нас вынудили отдать укрепления в полном порядке и с вооружениями. Обратите внимание, что тем самым они приложили руку к вооружению Гитлера, ибо в укрепленных пунктах, которые мы вынуждены покинуть до 10 октября, находится орудий, пулеметов и боеприпасов на сумму в два миллиарда крон...»

В Мюнхене Чемберлен поделился с корреспондентом «Фёлькишер беобахтер» своей надеждой, что благодаря решению «судето-немецкого вопроса» устранено «последнее препятствие на пути к лучшему взаимопониманию между Англией и Германией». Перед отъездом он еще раз встретился с Гитлером. И пытался убедить того в нецелесообразности дальнейшего наращивания вооружений: «Для нападения на Советский Союз у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах». Открывая фюреру дорогу на восток, Чемберлен будто бы заявил в кругу семьи: «Для нас, разумеется, самым лучшим исходом было бы, если бы эти бешеные псы — Гитлер и Сталин — сцепились и разорвали друг друга».

Прежде чем правительство Чехословакии решилось сообщить о мюнхенском сговоре народу, прошло еще много часов. Многие министры не желали принять «пакт четырех» без возражений. Они направились к президенту Бенешу, но тот сообщил, что не может предложить ничего иного, кроме как согласиться с ультиматумом.

Почему же правительство не запросило помощи СССР? Министр информации Авречка сказал по радио 1 октября: «Несомненно, великая Россия готова вступить в военные действия. Но вся Европа, включая Францию и Великобританию, считала бы эту войну войной большевизма с Европой, и тогда, вероятно, вся Европа выступила бы против России и против нас».

Сам Бенеш впоследствии объяснил свою капитуляцию так: после «мучительных раздумий» он пришел к выводу, что «решиться на войну в этой ситуации мы не можем и — в интересах своих и Советского Союза — не должны. Я полагаю, что это было самое важное мое решение в той критической ситуации».

Однако германский вермахт в сентябре 1938 года отнюдь еще не был той военной машиной, которая позднее вторглась в Польшу. Чехословацкий генеральный штаб в сообщении от 9 сентября указывал: «Что касается германской армии, то ее нынешняя мощь — кажущаяся. К распространяемым слухам о ее возможностях, уровне вооружения, решимости сражаться со всем миром следует относиться с большой долей сдержанности. Ни одна армия не может в столь короткий срок, какой имела Германия в своем распоряжении, высосать из пальца квалифицированные кадры, обзавестись всесторонне подготовленными офицерами и необходимым количеством обученных резервистов... Равным образом нельзя, словно по мановению волшебной палочки, заполучить достаточное количество современного вооружения».

Опубликованные позже сведения сходятся в том, что вермахт имел тогда в своем распоряжении 47 дивизий, из которых для вторжения в Чехословакию предназначались 39. Чехословацкая армия была в состоянии развернуть 42 дивизии, из которых 37 должны были препятствовать вторжению гитлеровских войск. Советский Союз предлагал моментально ввести в действие 30 дивизий, а другие привести в боевую готовность. Французская армия имела, по данным начальника генерального штаба Гамелена, на германской границе 28 дивизий, причем, как отмечает в своих воспоминаниях Черчилль, могла поставить под ружье до ста дивизий. Таким образом, даже без английского участия налицо был значительный перевес над гитлеровской Германией.

В германском генеральном штабе это понимали. Генерал-фельдмаршал Кейтель показал на Нюрнбергском процессе: «У нас не было сил брать штурмом чехословацкую оборонительную линию». В меморандуме, переданном Гитлеру 16 июля 1938 года, начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Бек предсказывал, что нападение на Чехословакию может «окончиться не только войной, но и общей катастрофой для Германии». С меморандумом согласились многие военачальники. Гитлер заставил Бека подать в отставку...

Британский посол в Берлине Гендерсон с облегчением сообщал 6 октября Галифаксу: «Сохранив мир, мы сохранили Гитлера и его режим». В этом-то и заключался истинный смысл мюнхенской политики Чемберлена.

Спустя год Гитлер признавался верховному комиссару Лиги Наций в Данциге Брукхарту: «То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас представлением об опасности, которой мы могли подвергнуться... Только тогда я понял, почему мои генералы меня удерживали».

Чехословацкая линия обороны могла стать для гитлеровской армии твердым орешком. Не случайно газета германского капитала «Франкфуртер цайтунг» спустя несколько недель после Мюнхена с облегчением констатировала: «Самая тяжелая и самая сложная задача уже позади: уничтожение чешско-франко-советской крепости на нашем восточном рубеже.... Наши собственные позиции, экономические, политические и прежде всего стратегические, существенно, если не сказать чрезвычайно, усилились».

Историю переписать нельзя, однако у истории можно и нужно учиться.

Книга чехословацкого публициста Карела Доудеры «Республика в кредит» вышла в 1987 году в издательстве «Новинарж». В ней предпринята попытка реконструировать события пятидесятилетней давности на основе материалов, печатавшихся на страницах газет и журналов различной политической ориентации в период с октября 1938-го по март 1939 года.

Естественно, при рассмотрении исторических альтернатив неизбежны столкновения мнений. В частности, редакция не исключает, что выводы профессора М. И. Семиряги в чем-то спорны. Тем не менее его статья, на наш взгляд, заслуживает общественного внимания и обсуждения.

Михаил СЕМИРЯГА,
доктор исторических наук, профессор

23 августа 1939 года

Советско-германский договор о ненападении: была ли альтернатива?

ВЕЧЕРОМ 23 августа 1939 г. телеграфные агентства мира распространили полученную из Москвы сенсационную новость: в Советский Союз прибыл министр иностранных дел фашистской Германии Иоахим фон Риббентроп. В связи с этим строились различные догадки. Однако вскоре все прояснилось: в ночь на 24 августа Молотов и Риббентроп подписали документ, который стал официально именоваться советско-германским договором о ненападении.

Договор состоял из семи статей. Статья I устанавливала, что обе стороны обязуются воздерживаться от агрессивных действий и от нападения в отношении друг друга. В случае нападения третьей державы на одну из сторон другая сторона не будет поддерживать нападающую державу (ст. II и IV). Стороны обязались также консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы (ст. III). Могущие возникнуть споры стороны обязались разрешать мирным путем (ст. V). Договор заключался сроком на десять лет и вступал в силу немедленно после его подписания (ст. VI и VII).

Существовали ли секретные протоколы к договору? На Западе в их существовании не сомневаются, в советских архивах они не обнаружены. Но для того, чтобы представить себе картину событий того времени, вовсе не обязательно опираться на реальные или мнимые «секретные протоколы». Достаточно проанализировать официально опубликованные заявления Советского правительства и, главное, вспомнить обстановку после договора, чтобы убедиться, что она в основном совпадает с теми намерениями сторон, какие приписываются «секретным протоколам». Так, в одном из них, по опубликованным в западной печати текстам, отмечалось, что в случае «территориально-политических изменений в принадлежащих польскому государству областях линия государственных интересов Германии и СССР будет проходить по рекам Писса—Нарев—Буг—Висла—и Сан». Но ведь точно те же данные о прохождении демаркационной линии между двумя армиями содержатся и в официальном германо-советском коммюнике, опубликованном месяцем позже, 23 сентября 1939 г.

При оценке договора от 23 августа необходимо учитывать, что он был «головным» в системе других политических, экономических и торговых договоров и соглашений, заключенных между СССР и Германией как до, так и после него. Среди них особо выделяются германо-советский договор о дружбе и границе, заключенный в Москве во время вторичного приезда Риббентропа 28 сентября 1939 г., и заявление правительств обеих стран, принятое в тот же день. В нем Советское правительство сочло возможным присоединиться к лицемерному призыву Гитлера, обращенному к Англии и Франции, о прекращении войны и заключении мира.

Большое и с годами усиливающееся внимание к этим документам вызвано тем, что они касались не только подписавших их государств, но и задевали жизненные интересы всей Европы. Попытаемся высказать некоторые соображения по двум принципиальным вопросам: был ли выгоден этот договор Советскому Союзу и была ли альтернатива, адекватная интересам нашей Родины?

Заключив договор, Советский Союз выиграл полтора года драгоценного времени, хотя в силу существовавших тогда в стране командно-административных методов управления экономикой этот выигрыш использовался далеко не эффективно. Тем не менее нам удалось увеличить численность Вооруженных Сил, сформировать 125 новых дивизий, произвести частичную реорганизацию армии. Было также расширено военное производство, запущен в серию ряд новых типов вооружений и боевой техники. Отодвинутые на 250—300 км западные границы позволили несколько улучшить стратегическое положение страны. Выигранное время в определенной мере было использовано и для совершенствования боевой выучки и структуры войск, подготовки офицерских кадров понесших большие потери во время массовых репрессий в предыдущие годы. Все это, в общем, не вызывает сомнений и освещено в советской исторической литературе с достаточной полнотой.

Ну, а гитлеровская Германия — что выиграла она? Как подтвердили последующие события, вот она-то действительно сполна использовала благоприятные возможности, открытые ей договором.

Во-первых, к июню 1941 г. вермахт оккупировал практически всю континентальную Европу за пределами СССР, на территории которой проживало, с учетом стран-сателлитов, 290 млн. человек. Это означало, что разрыв между Германией и СССР в таком важном стратегическом факторе, как численность населения, изменился в пользу Германии.

Во-вторых, благодаря территориальным захватам Германия значительно ослабила негативные последствия экономической блокады со стороны Франции (до июня 1940 г.) и Великобритании и резко увеличила свои запасы сырья и материалов: по углю — в 2 раза, железной руде — в 7.7 раза, медной руде — в 3.2 раза, по зерновым культурам — в 4 раза, по нефти — в 20 раз. Не последнюю роль сыграли здесь и регулярные, предусмотренные договорами поставки военно-стратегического сырья из СССР. Все это вместе взятое привело к тому, что к июню 1941 года «третий рейх» превосходил Советский Союз по экономической мощи в несколько раз.

В-третьих, Германия сумела существенно увеличить свои вооруженные силы, коренным образом реорганизовать и оснастить их достаточным количеством боевой техники и вооружения. Общая численность солдат и офицеров, составлявшая 3750 тысяч в 1940 г., была доведена до 7234 тысяч к июню 1941 г., а число дивизий со 103 увеличено до 214. Количество танков возросло с 3200 до 5640 и самолетов — с 4405 до 10 тысяч.

Кроме того, в ходе военных кампаний 1939—1941 гг. гитлеровский вермахт приобрел немалый боевой опыт. Были проверены и уточнены военно-теоретические концепции, испытаны новые образцы оружия и боевой техники, принципы организации и боевого использования различных родов войск. В этот период вермахт вел боевые действия в разнообразных географических и климатических условиях от Норвегии до Греции. Красная Армия подобным опытом не располагала, а специфические театры военных действий — на реке Халхин-Гол, в советско-финляндской войне и в гражданской войне в Испании — совершенно не походили на тот театр, на котором позже развернулись сражения Великой Отечественной войны.

В-четвертых, заключение договора, вызвав у многих советских людей сложные и противоречивые чувства, заставило нашу пропаганду свернуть на рельсы самоуспокоенности, зазнайства, шапкозакидательства. Пропаганда в армии велась в том же духе. Позже, когда враг вторгся на советскую землю, пришлось исправлять эти настроения с большими усилиями.

В-пятых, договор нанес удар по международному престижу Советского Союза, подорвал доверие к советской внешней политике, поставил нашу страну в состояние международной полуизоляции. По требованию французского правительства из Парижа был отозван советский посол, Москву покинул посол Великобритании. В декабре 1939 г. в связи с советско-финляндской войной СССР был исключен из Лиги Наций. Нельзя назвать дальновидным и решение Советского правительства порвать дипломатические отношения с правительствами ряда оккупированных стран, нашедшими приют в Англии. Зато с прогитлеровскими правительствами Виши во Франции и марионеточного Словацкого государства были установлены отношения на уровне послов.

Наконец, договор создал серьезные трудности в мировом рабочем и коммунистическом движении. По требованию Сталина Исполком Коминтерна обязан был одобрить его, в силу чего этот руководящий орган международного коммунистического движения потерял свою идейно-политическую самостоятельность. Из публикаций Коминтерна исчезло понятие «фашизм». В компартиях многих стран произошел раскол, активизировались всевозможные антикоммунистические силы.

Просчеты Сталина относительно намерений нацистов, воплощавшиеся в директивах Исполкома Коминтерна, дезориентировали международное коммунистическое движение. Еще больше обострились разногласия между коммунистами и социал-демократами, что существенно затормозило образование антифашистского народного фронта в первый период войны. Международная социал-демократия, критиковавшая договор, оценивалась однозначно негативно и предвзято. Ее по-прежнему чернили как «пособницу реакционных сил», причем до 23 августа — как пособницу фашизма, а после договора — англо-французского империализма. Многие друзья Советского Союза оказались в растерянности. Затормозился процесс зарождения движения Сопротивления. И перечень таких отрицательных последствий договора можно было бы продолжить.

Таким образом, за продление мирного состояния только для себя Советский Союз заплатил чрезвычайно высокую цену, но национальные интересы нашей страны договор так и не обеспечил.

Имел ли он характер взаимного компромисса сторон? В известной степени да, ибо такие страны с крайними политическими режимами, как СССР и Германия, не смогли бы договориться без определенных взаимных уступок. Но суть в глубине и характере этих уступок. Факты подтверждают, что советская сторона сделала больше уступок «третьему рейху», чем получила от него, и это привело к серьезному изменению равновесия в Европе в пользу Гитлера.

Для оправдания поспешного заключения договора, конечно, можно сослаться (и такие ссылки предпринимаются чаще всего) на неподготовленность СССР к войне с Германией в 1939 г., на угрозу создания объединенного антисоветского фронта западных держав и на стремление СССР избежать войны на два фронта — на западе против Германии и на востоке против Японии. Иными словами, Советский Союз якобы был вынужден подписать «договор с дьяволом», ибо иной альтернативы не было.

По поводу подготовленности СССР к войне в 1939 г. можно лишь отметить, что даже после жестоких сталинских чисток, серьезно ослабивших армейские кадры, уровень военно-теоретической мысли, качество вооружения и боевой техники, а равно организационные основы и численный состав Красной Армии все же стояли на уровне того времени. У наших артиллерийских, танковых и авиационных конструкторов уже в то время были солидные технические заделы на новую боевую технику, которая, правда, слабо внедрялась в производство и в войска. Ускорился ли этот процесс с подписанием договора? Скорее, наоборот.

Историкам, которые привычно ссылаются на то, что Сталин-де пошел на договор, сознавая неподготовленность армии и страны к войне, следует вспомнить события в канун мюнхенского сговора. Тогда, в сентябре 1938 г., Советский Союз сконцентрировал крупную группировку войск для оказания военной помощи Чехословакии, даже в том случае, если бы Франция нарушила свои обязательства и отказалась от совместных действий. Польше пригрозили суровыми санкциями, если она вместе с Германией примет участие в разделе Чехословакии. Закономерен вопрос: рискнула бы Советская страна пойти на такие крайние меры, грозившие вызвать войну с гитлеризмом один на один, если бы она не была уверена в своем военном превосходстве? Нет оснований считать, что годом позже, к сентябрю 1939 г., ситуация для Советского Союза ухудшилась коренным образом. Ухудшилась она, как мы видели, в последующие полтора года после подписания договора.

Несколько сложнее обстояло дело с угрозой образования антисоветского фронта. Советскому Союзу, учитывая происки реакционных сил западных держав (хотя вопреки утверждениям пропаганды тех лет капиталистический мир не был так уж тотально враждебен нашей стране), действительно нужно было соблюдать бдительность и быть начеку. Серьезные и обоснованные опасения у Советского правительства вызвал мюнхенский сговор. Невозможно оправдать и общую внешнеполитическую стратегию реакционных кругов Запада, мечтавших канализировать гитлеровскую агрессию в восточном направлении. Все это реальные факты истории, и уйти от них невозможно.

Однако трудно уйти и от объективной оценки событий после Мюнхена, существенно изменивших политическую обстановку в Европе. 15 марта 1939 г. германские войска вторглись в Чехословакию, оккупировали ее и расчленили на две части — на одной из них образовался протекторат Богемия и Моравия, а на другой было создано «независимое» Словацкое государство. Правящие круги Англии и Франции, как и прежде, не предприняли никаких мер для защиты государственной независимости Чехословакии. Но вместе с тем они стали вынужденно отходить от прежнего прямого и неприкрытого попустительства фашизму и тогда же, в марте 1939 г., начали переговоры с Советским Союзом о совместных действиях против агрессора.

Правда, англо-франко-советские политические переговоры, которые позднее были дополнены военными, шли трудно, зигзагообразно, но они все же шли, и этот тлеющий огонек нужно было поддерживать во что бы то ни стало. Именно в этот сложный момент советских руководителей покинуло чувство реализма и выдержки. Они демонстративно подписали роковой договор с Германией, что означало по существу отказ от дальнейших переговоров с Англией и Францией.

Весной и летом 1939 г. советское руководство поступало благоразумно, поддерживая контакты как с этими западными державами, так и с Германией, держа открытыми обе двери. Но захлопнуло, к сожалению, не ту дверь. Вообще следует сказать, что «хлопанье дверью» — не лучший метод ведения дипломатических дел. Если уж Гитлер так торопился подписать договор, значит, другой стороне надлежало, наоборот, задуматься о мотивах этой спешки и проявлять предельную осторожность, особенно в преддверии готовящейся агрессии против Польши, о чем было известно чуть ли не всей Европе и, конечно же, Советскому правительству.

Сталин и его окружение допустили серьезную ошибку, оценивая международную ситуацию исключительно под углом противоречий между СССР и всем капиталистическим миром. Такие противоречия существовали реально, но в центре европейской и в конечном счете мировой политики в то время стояли все же империалистические противоречия между англо-французским блоком и Германией. Именно они составляли стержень сложившегося к 1939 г. политического кризиса, который и привел к войне. Острота и непримиримость этих противоречий делали возможность создания единого антисоветского блока маловероятной.

Более того, не исключено, что, не будь договора, Германия вообще не рискнула бы ввязаться в военную авантюру против Польши, ибо необеспеченность стратегического тыла на востоке, чреватая борьбой на два фронта, могла бы вызвать опасную для Гитлера оппозицию военных кругов в самой Германии. Ведь известно, что главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал Браухич заявил тогда фюреру, что, если Франция и Англия помогут Польше, она все равно будет разгромлена. Однако если против Германии выступит и Советский Союз, то вермахт наверняка потерпит поражение. В донесении от 1 июня 1939 г. французский посол в Берлине Кулондр отмечал: если Гитлер осознает, что ему придется иметь дело с СССР, он отступит от Польши. Это мнение разделял и английский посол в Берлине Гендерсон.

Ну, а существовала ли тогда опасность войны на два фронта для Советского Союза? Можно с большой степенью уверенности сказать, что подобная опасность также была сильно преувеличена. Некоторые авторы трактуют события у озера Хасан в 1938 г. и на Халхин-Голе в 1939 г. как попытки японской военщины развязать большую войну против СССР. В действительности это была «разведка боем», проба сил. Еще в период событий у озера Хасан Рихард Зорге сообщал, что «этот инцидент не приведет к войне между Советским Союзом и Японией». Во время военного конфликта на Халхин-Голе в следующем году он вновь подчеркивал, что Япония не готова к большой войне. Позже его донесения нашли подтверждение в высказываниях некоторых государственных деятелей Японии и выводах специальной японской комиссии, расследовавшей причины поражения на Халхин-Голе.

Итак, общий вывод таков. В сложившейся к осени 1939 г. системе политических координат приоритетом внешнеполитической стратегии СССР должна была стать ориентация на сотрудничество с буржуазно-демократическими странами, а не с фашистской Германией. Этого, к сожалению, не произошло по двум причинам: в Англии и Франции влиятельные позиции сохраняли антисоветские элементы, не желавшие никакого военного союза с СССР, а у нас господствовали стереотипы, чрезмерно действовали идеологические ограничители. Огромный вред советской внешней политике нанес тогда «антифранцузско-антианглийский синдром» Сталина и его ближайшего окружения, верх взяли эмоции, а не трезвый политический расчет. Конфронтационный дух так пронизал все действия советского руководства, что помешал открытыми глазами взглянуть на свои собственные интересы и реально определить, где противник, а где силы, способные стать нашими, пусть временными, союзниками.

Существенно и то, что к выработке такого важнейшего решения, как советско-германский договор, не был привлечен конституционно-правовой механизм, хотя речь шла о судьбе государства. Документы готовились в строжайшем секрете. Работники наркомата иностранных дел СССР, кроме самого наркома Молотова, практически не принимали участия в их подготовке. Более того, по некоторым данным, даже многие члены Политбюро ЦК ВКП(б) узнали о договоре только после его подписания. Начисто отсутствовала глубокая научная проработка такого крутого изменения внешнеполитического курса страны, какой произошел в те дни. Внезапное подписание договора стало проявлением авторитарных, административно-командных методов, которые главенствовали тогда и во внешнеполитической сфере.

Конечно, судить о том или ином историческом действии надо с учетом всех условий, в которых оно протекало. Но решающим аргументом в таких суждениях выступает все-таки результат. Так вот, если исходить именно из результата, поставить на весы истории все плюсы и минусы этого договора, то применительно к интересам Советского Союза минусы перевесили плюсы. Заключение договора было политическим просчетом советского руководства.

Решение было принято без стратегического видения последствий этого шага, оно принималось одновариантно, без учета возможности какой-либо альтернативы. Между тем альтернатива существовала реально. Вполне возможно применительно к августовским дням 1939 г. представить себе иной путь развития событий: Советский Союз отвергает предложение Германии как неприемлемое или затягивает переговоры с ней — и одновременно терпеливо, но упорно добивается заключения военного соглашения с Англией и Францией. Даже если бы оно и не было заключено немедленно, то все равно угроза его, как дамоклов меч, висела бы над агрессором и удержала его от немедленных авантюр. А любая затяжка в такой обстановке была бы нам на пользу.

Заключение советско-германского договора 49 лет назад — это не просто факт истории. Оно содержит в себе важный и поучительный урок: чем сложнее международная ситуация, тем настоятельнее нужна осмотрительность в принятии решений, настойчивость и трезвость в оценках, освобожденных от всякого рода догм и стереотипов. Так, и только так, можно строить конструктивные отношения с капиталистическими странами. Так, и только так, что и продемонстрировала наша страна в трехлетний период перестройки, можно с успехом решать международные дела и отстаивать интересы Родины.

Грэм ГРИН

Момент познания

РАССКАЗ

Близость смерти — это как преступление, в котором стыдно признаться друзьям или коллегам, и, однако же, так хочется с кем-то поделиться — быть может, даже с совсем чужим человеком, первым встречным на улице. Артур Бэртон носил в себе свою тайну, бегая с кухни и на кухню, подавая блюда и принимая заказы от посетителей в ресторане на Кенсингтон-стрит под названием «Chez Auguste», где он работал уже много лет. В ресторане не было ничего французского, кроме названия и меню, где английские блюда именовались по-французски, а потом под каждым стояло объяснение по-английски.

За последнюю неделю какая-то американская пара дважды заказывала один и тот же столик — маленький столик в углу у окна; ему было около 60 лет, ей — под 50, но это была очень счастливая пара.

Есть посетители, к которым сразу проникаешься симпатией, и эти люди принадлежали к их числу. Они советовались с Артуром Бэртоном, что заказывать, и потом благодарили его за выбор. Они доверили ему даже решать вопрос о вине, а когда пришли во второй раз, стали расспрашивать о его жизни, словно он был здесь таким же гостем, как и они, и им хотелось получше с ним познакомиться.

— Давно вы тут? — спросил мистер Хогминстер. (Артур Бэртон узнал его забавную фамилию, когда он заказывал столик по телефону.)

— Да уже около двадцати лет, — ответил Бэртон. — Когда я сюда поступил, ресторан назывался иначе — «Королевский».

— Он был тогда лучше?

Артуру Бэртону не хотелось быть нелояльным:

— Не сказал бы, что лучше. Проще — да. Вкусы ведь меняются.

— А ваш хозяин — он что, француз?

— Нет, сэр, но он, по-моему, много времени жил во Франции.

— Мы рады, что вы нам помогаете. А то мы ведь ничего не понимаем в этих французских названиях в меню.

— Но они же переведены на английский, сэр.

— Мы и в английских названиях не шибко разбираемся. Но завтра все равно к вам придем. Если вы оставите за нами этот столик... Артур, правильно я вас назвал? По-моему, я слышал, хозяин называл вас Артуром?

— Совершенно верно, сэр. Я прослежу, чтобы вы получили этот же столик.

— И поможете нам, Артур, — сказала миссис Хогминстер.

Артура тронуло то, что миссис Хогминстер назвала его по имени и одарила по-настоящему дружеской улыбкой. За все годы работы официантом такого с ним еще не случалось.

У Артура Бэртона вошло в привычку наблюдать за посетителями — походя, чтобы поддерживать в себе интерес к работе, которую было уже поздно менять. Он уже немало прожил на этом свете, и стремления к переменам у него не было, а теперь, как он прекрасно понимал, и менять что-либо было уже поздно. Смерть, как преступление, висела над ним.

Частенько, вернувшись к ночи домой, — если единственную комнату с общим душем в коридоре можно назвать домом, — он вспоминал некоторых посетителей: супружеских пары, обедавшие в унылом молчании, не без зависти наблюдавшие за теми, кому было что друг другу сказать; влюбленные, которых никто больше не интересовал; иногда — нервничающая замужняя молодая женщина (Артур всегда смотрел на левую руку, на которой носят обручальное кольцо) в сопровождении мужчины значительно старше нее. Она понижала голос или вообще переставала говорить, когда кто-то усаживался за соседним столиком, и Артур Бэртон жалел, что не смог оставить его свободным, чтобы эта пара могла спокойно решить свои проблемы.

В тот вечер, вернувшись домой, он думал о мистере и миссис Хогминстер. Жаль, что он мало с ними поговорил. Он чувствовал, что может довериться им, как можно довериться первому встречному, совсем чужому человеку. По крайней мере он мог намекнуть на свою напасть, отделявшую его от управляющего, повара, других официантов, посудомойщиков, — конечно, только намекнуть: ему бы не хотелось их огорчать.

На другой день они на полчаса опоздали, и управляющий хотел, чтобы Артур отдал столик другим гостям, просившим их туда посадить.

— Они не придут, — утверждал управляющий, — да к тому же есть еще три свободных столика, так что выбор у них будет.

— Но им понравился этот столик, — сказал Артур Бэртон, — и я обещал им его оставить. — И добавил: — Это такие милые, добрые люди. — Но, по всей вероятности, ему пришлось бы уступить, если бы в этот момент они не появились.

— Ох, извините, пожалуйста, Артур, мы ужасно запоздали. — Артура тронуло то, что они запомнили его имя. — Все из-за распродажи, Артур. Мы там просто увязли.

— Она увязла, — сказал мистер Хогминстер.

— Ничего, завтра ты увязнешь.

— Есть рестораны, которые гораздо ближе к магазинам мужской одежды, — сказал им Артур. — Я могу порекомендовать один близ Джермин-стрит.

— Ах, но нам нравится здесь, «Chez Augustine».

— «Chez Auguste», — поправил ее мистер Хогминстер.

— И нам нравится Артур. Он так хорошо выбирает нам блюда. Можно совсем не думать.

Человек, у которого есть тайна, очень одинок, и Артуру Бэртону стало немного легче, когда он смог приоткрыть краешек своей тайны. Он сказал:

— Извините, мэм, но завтра меня здесь не будет. Однако, я уверен, управляющий...

— Не будет? Какой кошмар! А почему?

— Мне надо в больницу.

— Ох, Артур, извините. А в чем дело? Что-нибудь серьезное?

— Обследование, мэм.

— Очень разумно, — сказал мистер Хогминстер. — Я верю в необходимость обследований.

— Он уже обследовался раза четыре или, кажется, шесть, — вставила миссис Хогминстер, — он это делает, по-моему, с удовольствием, а я волнуюсь. Что они у вас проверяют?

— Да уже проверили. Теперь должны сообщить результат.

— О, я уверена, все будет в порядке, Артур.

— Я рад, что вам тут понравилось, мэм.

— Понравилось. И все благодаря вам.

Артур Бэртон сказал вполне искренне:

— Мне жаль, что мы с вами прощаемся.

— Ах, нет, еще не прощаемся. Мы снова придем сюда в четверг. Завтра воспользуемся вашим советом и поедем поближе к магазинам мужской одежды, а на следующий день — уже в последний раз — придем сюда, в «Chez Augustine».

— «Chez Auguste», — снова поправил ее мистер Хогминстер, но она не обратила на него ни малейшего внимания.

— В пятницу мы улетаем в Нью-Йорк, но, безусловно, увидим вас в четверг и узнаем ваши добрые вести, Артур. А то, что они будут добрые, я уверена. Я буду думать о вас и держать пальцы крестом, но я уверена, абсолютно уверена, что все будет в порядке.

— Я прохожу обследование каждые полгода, — сказал мистер Хогминстер. — И всегда все в порядке.

— Желаете попробовать в четверг что-нибудь особое, мэм? Я могу попросить повара...

— Нет, нет. Мы будем есть то, что вы посоветуете. А до тех пор — счастья вам, Артур.

Артур Бэртон знал, что счастье его не ждет. Он понял это еще до обследования по тому, как уклончиво говорил с ним доктор. Интересно, подумал он, в дни, когда еще существовала смертная казнь, мог подсудимый предугадать вердикт присяжных до того, как они покинут зал суда, — исходило ли от них чувство стыда за то, что им предстояло вынести? А сейчас ему стало легче от того, что он, по крайней мере наполовину, признался в своей напасти миссис Хогминстер и она не отринула его. Если, как он предполагал, вердикт ему вынесут — смерть, в какие бы обнадеживающие медицинские термины это ни было облечено, не будет ли миссис Хогминстер для него тем первым встречным, которому он сможет об этом поведать? Они ведь никогда больше не увидятся. В пятницу она улетает в Нью-Йорк. У них нет общих друзей, которым она могла бы рассказать о его напасти. Он почувствовал к ней странную нежность.

Ночью Артур Бэртон увидел ее во сне. Не в эротических сценах и не в сценах любви — это был самый обычный сон, в котором она играла какую-то незначительную роль, и, однако же, Артур проснулся с таким чувством облаготворения, какого не знал многие месяцы. Словно он поговорил с ней и она посочувствовала ему, что придало ему мужества предстать перед своими врагами, готовыми раскрыть позорную правду.

На работе он взял отгул, хотя встреча с хирургом была назначена лишь на пять часов, а потом его еще заставили ждать целый час. Хирург предложил ему сесть таким серьезным, таким сочувственным тоном, что Артуру нетрудно было догадаться о том, что последует.

— Срочно требуется операция... да, рак, но не надо бояться этого слова... я знал случаи не менее сложные, чем ваш... если вовремя вмешаться, всегда есть немалая надежда...

— Когда вы хотите оперировать?

— Я бы хотел, чтобы вы легли в больницу завтра утром, и я прооперирую вас на другой же день.

— А я не мог бы прийти во второй половине дня? Видите ли... мне надо быть на работе завтра утром. — Думал он при этом не о работе, а о миссис Хогминстер. Она ведь ждет вестей о его состоянии.

— Я бы предпочел, чтобы вы провели день спокойно, в постели. Так или иначе... я приду в шесть с анестезиологом осматривать вас.

Лежа ночью в постели, Артур Бэртон думал: врачи и хирурги не всегда бывают хорошими психологами — сосредоточивают все свое внимание на теле и, пожалуй, забывают о душе, не понимая, как много приоткрывает пациенту тон, каким с ним разговаривают. Они говорят: «всегда есть немалая надежда», а пациент слышит: «надежды очень мало, почти никакой».

Дело не в том, что Артур боялся смерти. Никому не избежать всеобщей доли, и, однако же, страх не довлеет над людьми, населяющими наш мир. Артуру Бэртону хотелось лишь разделить то, что он знал, свою тайну с чужим человеком, которого это серьезно не затронет, как затронуло бы жену или дочь — а у него не было ни той, ни другой, — но который бы по-доброму проявил интерес к его преступной тайне — «Я осужден». Миссис Хогминстер была как раз таким человеком. Он прочел это в ее глазах. Завтра, когда она спросит его о результатах обследования, он найдет способ сообщить ей правду так, чтобы ее супруг не приобщился к его преступлению. Она спросит его: «Ну, что сказали вам врачи, Артур?» И что он ответит? Нет, слов не надо, достаточно будет передернуть плечами, и она все поймет. «Все выяснилось. Спасибо, что вы думали обо мне», — и она в свою очередь взглядом даст ему понять, что постигла его тайну.

Он уже не один вступит в будущее.

— Можете не держать этот столик, — сказал ему управляющий. — Эти американцы были тут вчера, и я посадил их за другой столик — он им даже больше понравился.

— Они были тут вчера?

— Да, им, видно, тут у нас нравится.

— А мне казалось, они собирались на распродажу мужской одежды.

— Понятия об этом не имею. Мне кажется, Артур, слишком много вы разговариваете с посетителями. Они часто предпочитают, чтобы им не докучали.

И он поспешил к двери навстречу мистеру и миссис Хогминстер. Миссис Хогминстер кивнула Артуру и улыбнулась, проходя к маленькому столику, стоявшему отдельно в углу ресторана. Оттуда им уже не видна была улица, но, возможно, как сказал управляющий, они предпочитают уединение, а кроме того, возможно, предпочитают, чтобы сам управляющий обслужил их.

Только уже пообедав и расплатившись, миссис Хогминстер подозвала Артура, когда он проходил мимо, направляясь на кухню.

— Подойдите же к нам, Артур, поговорите с нами.

Он охотно подошел — на сердце у него сразу стало легче.

— Нам недоставало вас, Артур, но управляющий так любезен — нам не хотелось его обижать.

— Надеюсь, вы хорошо пообедали, мэм.

— О, мы все время хорошо обедаем здесь, в «Chez Augustine».

— «Chez Auguste», — поправил ее мистер Хогминстер.

— И насчет распродажи вы были совершенно правы, что послали нас на Джермин-стрит. Мой муж купил там две пижамы и, можете себе представить, три — три! — рубашки.

— Выбрала их, конечно, она, — сказал мистер Хогминстер.

Артур Бэртон извинился и продолжил путь на кухню. Разговор о его проблеме, которого он так опасался, не возник, но ему не стало от этого легче: его по-прежнему давила тяжесть тайны, которую он носил в себе. Он ничего не скажет управляющему — просто не выйдет завтра на работу, и все. А в положенное время из больницы сообщат, выжил он или умер.

Он постарался как можно меньше времени находиться в зале — к тому же ему больно было видеть, как другой официант обслуживает Хогминстеров и разговаривает с ними.

Через полчаса управляющий вошел на кухню и подозвал его. В руке у него было письмо. Он сказал:

— Миссис Хогминстер просила меня передать вам это. Они отбыли в аэропорт.

Артур Бэртон сунул конверт в карман. Он почувствовал огромное облегчение. Конечно же, миссис Хогминстер правильно поступила. Не могли они обсуждать его тайну в ресторане, где столько ушей. Теперь он унесет с собой в больницу ее исполненный сочувствия вопрос о его состоянии и завтра, перед самым приходом анестезиолога, сможет снова перечитать ее письмо. Теперь он уже не одинок. Чужой человек будет держать его за руку. Она никогда не получит ответа на свой вопрос: «Что же доктор сказал вам?» — но она задала его в своем письме, и это главное.

Прежде чем выключить лампочку над больничной койкой, он вскрыл конверт. К его изумлению, оттуда сначала выпали три фунтовые бумажки.

Миссис Хогминстер писала: «Дорогой Артур, я сочла нужным написать вам несколько слов благодарности, прежде чем уехать в аэропорт. Нам так понравилось у вас, в «Chez Augustine», мы, несомненно, когда-нибудь еще сюда вернемся. А распродажа — мы так удачно все купили. Вы были совершенно правы насчет Джермин-стрит».

И подпись: Долли Хогминстер.

Июнь 1988 г.

Перевела с английского
Т. КУДРЯВЦЕВА

Рис. Ю. МИХАЙЛОВА

Новый рассказ Грэма Грина «Момент познания» опубликован в газете «Индепендент» от 18 июня 1988 г.

Илья ФОНЯКОВ

ВЬЕТНАМ. ОБНОВЛЕНИЕ

Из писательского блокнота

Уже на пути из ханойского аэропорта Нойбай к центру столицы вьетнамские друзья ошеломили меня сообщением: не так давно заработную плату им увеличили... в десять — двенадцать раз! Там, где были сотни донгов, теперь — тысячи. Не каждое государство на такое решится. Шаг дерзкий и смелый. Еще один из целой серии решительных шагов, предпринимаемых руководством Вьетнама с целью оздоровить и стабилизировать экономику.

При этом увеличение зарплаты было предпринято без какой-либо замены находящихся в обращении платежных знаков, без проведения, иными словами, денежной реформы. Реформу осуществили раньше — в 1985 году. Тогда я как раз тоже был во Вьетнаме. Помню, как рядом с образцами товаров в витринах магазинов стояли двойные цены — в «старых» и в «новых» деньгах. «Новый» донг стоил десяти старых. Предполагалось, что реформа поможет сдержать инфляцию, ударит по нетрудовым доходам определенной части населения.

Сами вьетнамские товарищи говорили потом: этих целей реформа не достигла, усугубила положение как раз тех, кто живет на зарплату. Ведь заработок в денежном выражении снизился в десять раз, а цены, особенно рыночные, после короткой заминки поползли вверх и скоро достигли прежних размеров. Только уже в «новых» донгах.

Именно в те дни в центре города Хошимина я разговорился с велорикшей. «Ничего удивительного, — сказал он, — по образованию я учитель. Именно английского языка. Но заработная плата учителя невелика — триста донгов в новых деньгах. А у меня семья. Вот и приходится крутить педали в ожидании лучших времен. Работа тяжелая, но зарабатываешь все-таки побольше».

Я прикинул, что такое триста донгов. Пачка самых дешевых местных сигарет стоила тогда, например, сорок донгов. Импортных — уже сотню-полторы. Две-три пачки — и вся зарплата.

Кто же в таком случае курит их, кого ждет мальчишка-торговец, перед которым на лотке пестрят разнообразные этикетки? Кому предназначены шеренги японских телевизоров ценой в миллион и выше? Люди с деньгами в стране есть. Это прежде всего те, кто сам торгует, кто получает посылки из-за рубежа, кто не брезгует контрабандой. «Они покупают друг у друга», — коротко пояснили мне вьетнамские друзья. В свое время — в конце семидесятых годов — были предприняты попытки «атаки в лоб» на рыночную стихию. К желаемому результату они не привели. Ведь рынок, хорош он или плох, дает сотням тысяч людей занятие и заработок. Взамен предложить пока нечего. И на смену лобовым атакам пришла известная либерализация, а с ней — и определенное оживление в повседневной жизни. Это особенно заметно на Севере: больше стало на улицах нарядных людей, звонки велосипедов все чаще заглушает треск мотоцикла.

Экономика Вьетнама переживает в последние годы трудные времена. Впрочем, когда времена для нее были легкие? Как ни парадоксально, эти благодатные края испокон веков были регионами постоянного голода и чудовищной нищеты. Жителя северных стран или даже умеренного пояса все-таки нельзя обирать догола, надо оставить ему какой ни на есть кров и одежду, иначе он просто погибнет. А обитателя благословенных солнечных стран можно раздеть буквально до набедренной повязки, вовсе лишить крыши над головой — и он, еще вполне возможно, будет жить и продолжать род. Так и происходило веками. Были времена колоний и протекторатов, были десятилетия изнурительных войн, потребовавших нечеловеческого напряжения сил. «Выйдя из войны, Вьетнам оказался в числе тех стран мира, которые имеют самый низкий доход на душу населения», — напоминает публицист Нгуен Ван Дан. Сама разделенность страны на две части, в течение долгих лет развивавшихся по-разному, преодолевается не так-то легко. Они и поныне разнятся, строгий, даже аскетичный Север и яркий, контрастный Юг с его сохранившими прежний шик отелями в центре Хошимина, с его богатыми рынками и с его бездомными, спящими на тротуарах, с его нищими и калеками, среди которых дети-уроды — жертвы американских дефолиантов, распылявшихся в свое время над здешними полями и джунглями. Слабая (в основном сборочная) промышленность, толпы безработных, сотни тысяч солдат бывшей марионеточной армии, которых тоже надо как-то устраивать в жизни, — с таким «наследством» не сразу справишься...

К трудностям объективным прибавлялись субъективные — «стратегические ошибки в руководстве экономикой на протяжении минувших десяти с лишним лет», как сформулировал состоявшийся в декабре 1987 года пленум ЦК Компартии Вьетнама. Строились крупные объекты, а том числе тяжелой индустрии, без достаточного сырьевого, транспортного и прочего обеспечения. Была допущена поспешность в деле коллективизации сельского хозяйства. Вспоминается давняя, вскоре после объединения страны, поездка в дельту Меконга. «Мы уже объединили всех крестьян в бригады солидарности.— рассказывал председатель сельского народного комитета товарищ Као Ван Дьен, — а в будущем году осуществим настоящее кооперирование. Ведь большинство крестьян нашей общины были очень бедны, так что собственнические инстинкты у них не очень развиты...» «А у вас у самого есть земля?» — поинтересовался я. «У меня был небольшой клочок, но я с готовностью отдал революции все, что имею». — ответил этот вьетнамский Нагульнов в легкой темной рубашке, с обветренным, загорелым лицом...

Поворотным моментом в истории страны стал декабрь 1986 года — VI съезд КПВ. Повело свой отсчет «тхонгбао» — «обновление». Съезд провозгласил курс на создание «рациональной экономической структуры, прежде всего структуры отраслей народного хозяйства, соответствующей возможностям страны». Намечены три главных направления: развитие сельскохозяйственного производства, в первую очередь продуктов питания, увеличение выпуска товаров народного потребления и товаров на экспорт. В исполнение этих задач предпринят ряд решительных мер. Показателен прежде всего отказ от традиционной для Вьетнама жесткой централизации. Провинциям, например, было дано право самостоятельно вступать в деловые связи с зарубежными партнерами. «Недавно у нас пронесся тайфун, причинил значительный ущерб, — рассказывали мне весной 1987 года в городе Хюэ. — Чтобы поправить положение, мы решили продать одной из японских фирм наши запасы металлолома. У нас его много на полях с войны осталось. Мы решили: пусть империалистическое железо послужит нам как товар. Японцы прямо-таки с руками оторвали наш металл. Но это случай, конечно, особый. А вообще-то мы готовы продавать продукцию сельского хозяйства, кустарных промыслов. Для этой цели в провинции создана специальная комиссия по международной торговле. Многие капиталистические страны и фирмы проявляют интерес к открывающимся возможностям».

Была заложена правовая основа для создания предприятий со смешанным капиталом. Серьезные перемены произошли в сельском хозяйстве. Еще в самолете Москва — Ханой мне рассказывал о них попутчик — молодой инженер Суан, выпускник московского вуза, возвращавшийся на родину.

— Работать предстоит в столице, — говорил он, — но при первой возможности побываю в родной деревне, посмотрю, как у них там идут дела. Мне писали из дому: почти всю землю в последние годы распределили на подрядных началах по крестьянским дворам. А за правлением кооператива оставили общее руководство, снабжение удобрениями, заботу о технике. Очень интересно получилось: сначала каждая семья старалась ухватить себе кусок побольше. Потом одумались: больше участок — значит, больше натуральный налог, больше должен отдать государству. Стали взвешивать свои силы, брать ровно столько, сколько смогут обработать с максимальной тщательностью. В первый же год прирост продукции в наших местах составил тридцать процентов. И в домах прибавилось достатка...

Семейный подряд дал толчок развитию сельского хозяйства во многих регионах Вьетнама, позволил избежать многих дополнительных трудностей.

— Если в 1976 году нам нужна была государственная дотация в объеме 120 тысяч тонн риса, — рассказывали руководители провинции Биньчитхьен, — то сейчас мы обеспечиваем себя сами. Получили возможность шире возделывать, кроме риса, другие высокодоходные культуры: красный перец, арахис, кофе. Только не подумайте, что семейный подряд разом решил все проблемы. Некоторые из прежних забот действительно отпали, но появились новые. Ведь семьи-то неодинаковые! В одной — несколько сильных мужчин, в другой — почти сплошь старики, женщины, дети. А чем виновата семья инвалида войны? Где тут социальная справедливость? Мы пытаемся восстановить ее с помощью системы льгот, продаем этим семьям товары по сниженным ценам, но чувствуем, что еще не все здесь нами продумано.

Пожилые супруги Чан Ким Хы и Нгуен Тхи Ба живут в уютном домике на окраине Хошимина. Здесь так тихо, что, кажется, слышно, как падают и касаются земли лепестки бесчисленных орхидей. Одни похожи на бабочек, другие — на малиновых пауков. Или на осьминогов с полосатыми желто-черными ногами, или на танцовщицу в широкой, колоколом юбке: сорт так и называется — «танцовщица».

Однако сад Чан Ким Хы не только традиционное место покоя и размышлений. Это хотя и экзотическое, но вполне коммерческое предприятие, причем высокодоходное, работающее по преимуществу на экспорт. И вовсе не бесчисленны здесь орхидеи — они все до единой учтены.

— В наших джунглях растет около ста видов диких орхидей, — рассказывает хозяин. — В моем саду около тысячи сортов, а всего в мире зарегистрировано свыше семидесяти тысяч...

Миловидная девушка заглянула на веранду, где мы беседовали, спросила о чем-то хозяина. Он отдал короткое распоряжение, и девушка исчезла.

— Работница, — пояснил Чан Ким Хы. — Хозяйство большое, работы хватает всем — мне, жене, троим сыновьям, трем невесткам, трем внукам. И еще нанимаем десять человек. Иначе не справиться!

Известное в стране «постановление № 34», разрешившее нанимать рабочую силу — до десяти человек на Юге, до пяти на Севере, под строгим, разумеется, контролем государства, — тоже один из новых шагов в экономической политике.

— В нашем городе можно насчитать по меньшей мере пять социально-экономических укладов, — рассказывал секретарь Хошиминского горкома КПВ товарищ Во Чан Ти. — Это государственный сектор, смешанные частно-государственные предприятия, кооперативы, индивидуальное предпринимательство и, наконец, мелкие капиталисты. Такова реальность, и с ней надо считаться. Мы убеждены, что будущее — за социалистической экономикой, но она должна доказать свои преимущества на деле: обеспечить людей работой, кровом, пищей, одеждой. Каждый год мы создаем сто тысяч новых рабочих мест, но год из года у нас двести тысяч безработных. Откуда? Естественный прирост плюс постоянный приток из деревни. В этих условиях «постановление № 34» открывает перед нами большие возможности. С другой стороны, производство сдерживается острым энергетическим голодом. Поэтому мы возлагаем особые надежды на агрегаты гидроэлектростанции Чиан, сооружаемой по советскому проекту и с помощью советских специалистов.

Разумеется, было бы наивно ждать от предпринятых шагов немедленных радикальных перемен. «В социально-экономической сфере, — отмечал декабрьский пленум ЦК, — по-прежнему существуют острые проблемы. Поступления в бюджет не покрывают расходов. Продолжаются сокращение реальной заработной платы, рост численности незанятых, неразбериха в сфере распределения и обращения. Сохраняются острые негативные явления и в общественной сфере...».

На улице в центре Хошимина одноногий нищий с усмешкой возвращает сердобольному прохожему голубую бумажку — донг. Она не стоит сейчас ничего, на один донг не купишь даже коробка спичек. Впрочем, это по нашему представлению нет ничего дешевле коробка спичек, во Вьетнаме спички стоят далеко не так дешево. «Реальные» деньги начинаются донгов этак с двадцати. На них можно купить, скажем, почтовую открытку или крохотную бутылочку с одним из знаменитых здешних лекарственных бальзамов. Но денежные знаки в один донг продолжают печататься. И даже в полдонга. Эта розовая бумажка, не имеющая уж вовсе никакой цены, — последнее напоминание о существовавшей некогда денежной единице в одну десятую донга.

Предпринятое десяти-, двенадцатикратное повышение зарплаты, объясняли нам, имело своей целью ликвидировать или хотя бы сократить существующий разрыв между государственными и рыночными ценами, освободиться наконец от карточной системы снабжения. Рынок отреагировал на эту акцию государства моментально: цены выросли. Но не в десять раз, а только в три, в два раза. Так по крайней мере было на первых порах. Что это — затишье перед бурей? Или все-таки начало стабилизации?

В главной вьетнамской газете «Нян Зан» в последнее время регулярно появляются небольшие статьи под постоянным названием, которое можно перевести как «Неотложные задачи». И подпись под ними постоянная — инициалы «NVL». Для читателей, впрочем, отнюдь не является секретом имя публициста, пишущего сжато и энергично: это Нгуен Ван Линь, Генеральный секретарь ЦК КПВ. Прямой и откровенный разговор руководителя с народом — тоже одна из примет обновления. Не случаен и огромный интерес к процессам, происходящим в нашей стране. Вьетнам — на трудном повороте своей судьбы. Вьетнам — в поиске оптимальных путей развития. И поиски эти вызывают пристальный интерес у всех, кому небезразличны судьбы социализма на нашей планете.

ХАНОЙ — ХОШИМИН

ЗЛОБОДНЕВНАЯ КОЛОНКА

ТЕМА ДЛЯ РАЗГОВОРА

У ВАС как с дикцией? Вы можете с первой попытки произнести что-нибудь вроде «...эффективное использование интенсивных технологий в экстремальных условиях межсезонного производства при отсутствии конструктивного подхода в осуществлении обозначенной проблемы проблематично», чтобы были понятны не только отдельные слова, но и вся фраза в целом? Произнести в хорошем темпе, не подсматривая в текст?

А теперь то же самое, но с разными интонациями. Восторженно-восхищенно... Кокетливо-заискивающе... Недоуменно-таинственно... Если у вас кое-что получилось и вы заставили сопереживать, можете претендовать на участие в серьезном, заинтересованном разговоре. А говорить можно о чем угодно. Главное — открыто, не стесняясь, со знанием дела.

Ну, например, о примусах. Кто из вас в последний раз видел в магазинах примусы? Да-да, те самые — на гнутых ножках. Или патефоны? Человек после напряженного рабочего дня заходит в посудохозяйственный магазин «1000 мелочей», а патефонов нет. 999 мелочей есть, а этой — нет. При наличии гвоздей ненужных размеров, широкого ассортимента рюмок, фужеров, бокалов и давно утратившего убойные свойства дихлофоса. Ему уже не нужен дихлофос, он им пресытился, его к культуре потянуло.

Робертино Лоретти в подлиннике человек послушать хочет. Лоретти есть. В сопровождении военного духового оркестра. А патефонов нет. Проблема? Проблема. Давайте поговорим. Громко, взволнованно, от души, с привлечением общественности: мол, как же так? Универсальный магазин — а примусов нет! Неужели в то время, когда почти во всех ресторанах перешли на нержавеющие столовые приборы, мы не можем каждого из нас обеспечить примусами в достаточном количестве?

Ну и что, что он тебе не нужен, а мне тем более?! Все равно выскажись. Не держи в себе. Ведь накипело. Подними руку, набери побольше воздуха в легкие и выскажись. Мол, до каких пор этот дихлофос будет любимым лакомством этих неистребимых чудовищ! До каких пор! И все. Только погромче. Мол, до каких же по-ор!

Слышишь, какое эхо? Видишь, как они сразу врассыпную? По щелям. К соседям. Главное — знать, какие слова произнести. И погромче. Пусть за стеной уже спят. Пусть проснутся. Пусть услышат, что ты возражаешь, что ты не согласен с пребыванием этих наглых насекомых на твоей жилплощади. Что твой любимый певец — Робертино Лоретти. В сопровождении военного духового оркестра. Не бойся никого.

И так во всем. Видишь — лужа у твоего подъезда или там камень на проезжей части — не проходи мимо. Собери народ. Нарисуй лозунги, транспаранты. Сооруди трибуну. Установи микрофоны. И — митинг! Чтоб в другом конце города услышали, в самой глухой деревушке. Слова такие найди, чтоб за душу брало. Робертино Лоретти заведи. Для усиления эффекта. В сопровождении военного духового оркестра.

Чтоб наши друзья по соревнованию из других областей откликнулись, смежникам стыдно стало из-за неритмичной поставки того, что им самим позарез нужно. Чтоб проняло, чтоб всколыхнуло... А для этого работайте над дикцией, расширяйте словарный запас, смело предлагайте свои темы для разговора.

Александр КЛИМОВ
ЛИПЕЦК

Персоналка «Клуба ДС»

— именно так администрация «Клуба ДС» решила назвать свою новую рубрику. Наша «Персоналка» не имеет ничего общего с машинами, дачами, пенсиями и тем более компьютерами. Это короткое рабочее название персональной выставки одного из любимых и уважаемых «Клубом» художников-карикатуристов. Учитывая, что талантливых художников у нас довольно много а персональных благ у них, как правило, крайне мало, мы и решили организовать им одно-единственное, посильное — постоянно действующую на 16-й странице выставку карикатур.

За первой «Персоналкой» далеко ходить не пришлось — всего только пара остановок на метро до Центральной городской публичной библиотеки имени Н. А. Некрасова. Там в отделе краеведения как раз только что открылась выставка карикатур Игоря Смирнова «Перестройка в нашем городе». Для тех, кто почему-то не знает И. Смирнова, сообщаем, что его знают в Канаде Франции, Турции Италии Японии Польше, Голландии, где он становился лауреатом международных конкурсов, в Союзе художников РСФСР, в котором он постоянно состоит, во многих центральных газетах и журналах, где он без конца печатается.

По мнению понимающих людей, карикатуры И. Смирнова, как ничьи другие, удовлетворяют сегодняшний спрос на острый антибюрократический, антизастойный рисунок. Его работы — хорошее подспорье будущим исследователям механизмов торможения и их механизаторов.

А так как по выставкам хорошо ходить самому, предлагаем вам совершенно самостоятельно вглядеться в несколько работ нашего первого персонального выставленца.

ПЕРЕСМЕШНИК

Семен ЛИВШИН

ПИАЛКА МОНМАРТРА

Сценарий проблемно-эротического советско-заграничного фильма

ДАЛЕКИЙ кишлак Шайтан - шашлык. Под южным солнцем зреет «белое золото». Школьницы увлеченно собирают его и на всякий случай прячут в банки. Особенно спорится работа у восьмиклассницы Бибигуль. Мирный пятнадцатичасовой труд девочек прерывает приезд гостей. Это по горящей путевке Парижского горкома республиканской партии прибыла группа сенаторов для изучения опыта группы народного контроля.

Один из них, красавец Пьер Эклер, случайно забредает на кишлачную выставку достижений народного хозяйства. Народ с изумлением разглядывает мясо, масло и другие достижения. «Касса, больше двух экспонатов не выбивай!» — кричит из-за прилавка Бибигуль, которая пришла на выручку к матери-буфетчице.

Пьер восхищен ее красотой и выручкой. Но его уводят на открытие нового роддома на полтооы койки. Пьер переоезает первую пуповину. В честь гостей акушерки исполняют танец живота с саблями. Французы пожирают их глазами и заедают пловом. Олин Пьер не ест и не пьет. Он думает о косичках Бибигуль, в которые вплетены серебряные монеты и облигации. Если добавить к ним мои сбережения, прикидывает Пьер, можно открыть собственное дело.

Бибигуль идет сдавать нормы ГТО и пустые бутылки. Как это принято в Париже, Пьер галантно тащит девушку под развесистый саксаул. Покоренная его красотой, девушка отдает ему самое дорогое — фотографию Валерия Леонтьева с автографом Аллы Пугачевой. Но ему все мало. Он овладевает девушкой и местным языком.

Бибигуль рыдает:

— Из-за тебя я опоздала в школу!

— Я устрою тебя в парижское ПТУ, которое готовит куртизанок широкого профиля, — обещает Пьер. — Моя мать преподает там политэкономию.

Узнав, что дочь опять потеряла невинность, старый пиальщик Аббас приходит в ярость. Он мечтал выдать ее замуж за директора треста «Главплов». Тот обещал подарить ему к свадьбе пост председателя облсовпрофа. А тут какой-то французишка, человек без роду, без пленума...

— Клянусь Лаврентием Павловичем! Это ему даром не пройдет, — кричит Аббас и снимает со стены свой старый верный миномет.

Но Пьер готов дорого продать свою жизнь. Они сходятся на тысяче франков, стереокофеварке «Грюндиг» и золотых зубах для всех членов семьи.

— Не забудь посчитать и того ребенка, которым Бибигуль забеременела от учителя труда! — заботливо напоминает мать.

Вдруг вспыхивает пламя. Это загорелся недавно введенный в строй самогонный аппарат с запоминающим устройством. Он сам наливал, сколько надо, а потом звонил, куда надо. Но народные контролеры увлеклись сокращением аппарата и забыли отключить змеевик.

Пьер бросается в огонь. Но с непривычки самогон ударяет ему в голову вместе с бидоном. Парня может спасти только пересадка кожи.

— Возьмите мою! — предлагает Бибигуль и приносит почти не ношенные сапожки.

При виде невестки у отца Пьера, простого фермера с Елисейских полей, от радости отнимается французский язык. Он только и может сказать: «Ма-ть...» Появляется мать — мадам Эклер. Она только что вернулась с панели. Вечерами она подрабатывает на домостроительном комбинате. Семья принимает Бибигуль как родную и предлагает устроиться в их бордель на семейном подряде.

Веселье продолжается в казино. Там проходит выдвижение кандидатов на звание «Мисс Стриптиз». Симпатии простых парижан завоевала наша девушка, обладательница титула «Мисс Нижний Тагил». Но ее изящные анкетные данные и мускулистое, политически зрелое тело не волнует председателя жюри, известного кинорежиссера Жана Бельмо. Он обдумывает автобиографический фильм «Легко ли быть голубым?».

Кровь Бибигуль закипает. Она сбрасывает платье от Кристиана Зайцева и остается в чем мать-героиня родила: в стеганом халате, телогрейке, шароварах и ленте «Победителю соцсоревнования». Да, такого Париж еще не видел!

Восхищенный Пьер протягивает невесте полную пиалу и говорит: «Се ля ви, мон амур!» Что в переводе с ихнего означает: «Шампанское не будешь пить — откуда силы возьмешь?»

Слышен взрыв. Это лопнула от зависти местная секс-бомба замедленного действия.

...Ночь опускается на мансарды Монмартра. Все давно уснули. Только Пьер и Бибигуль не спят. Они обдумывают проект самогонопровода «Кишлак — Париж». Обратным ходом по трубам пойдут французские духи. Опрысканный ими хлопчатник не боится ни вредителей, ни приписок.

Полуобнаженная луна, выглянув из-за туч, смотрит на молодых ласковым международным взглядом.

СМЕШНАЯ ТРАГЕДИЯ

Павел ХМАРА

С каждым человеком иногда происходят какие-то смешные истории, которые в связи с ограниченной контактностью попавших в истории индивидуумов не становятся объектом гласности.

Считая такое положение малонормальным, администрация призывает читателей (не в первый кстати, раз) вспомнить, написать, прислать. Самое смешное будет опубликовано. А самое смешное из самого смешного может быть еще и отмечено премией.

Для начала администрация предлагает одну достаточно, на ее взгляд, смешную историю, случившуюся с администратором «Клуба ДС» П. Хмарой в свободное от работы время.

КАК-ТО раз в «Клуб ДС» зашел (вернее, проездом из Новосибирска в Новосибирск заехал) один наш автор. Дело было к вечеру, после «Клуба» ему предстояло возвращаться в гостиницу, и я из гуманных соображений решил пригласить его к себе домой на чай. Тем более что человек он хороший, и чаю на него не жалко. Да и много он его не выпьет.

По окончании рабочего дня мы быстренько доехали до моего дома, я вставил ключ в замок и попытался открыть дверь. Не тут-то было! Как и сколько ни крутил я ключ, дверь не открывалась!.. Причем не просто дверь, а царь-дверь, которой месяц назад была заменена дверь-нищенка, не рассыпающаяся от ветхости по причинам лично мне просто непонятным. Так что выбить новую двери крепким ударом мог бы разве что хорошо разбежавшийся танк.

В бесплодных попытках прошло час. На моем указательном пальце образовалась кровавая мозоль, на лице гостя — пока еще обыкновенная. Что делать?

Вдруг у меня родилась гениальная мысль. Я решил с балкона третьего этажа спуститься на свой балкон второго, влезть в окно и открыть дверь изнутри.

Сказано — сделано! Бегу на третий этаж, звоню. Открывает сосед Саша, заспанный и, простите, в исподнем.

— Что, опять залили? — спрашивает испуганно.

Дело в том, что раз в неделю они нас заливают. Я его успокаиваю, объясняю в чем дело, прошу предоставить балкон. Саша осознает свою невиновность, радуется и в порыве благодарности предлагает сам выполнить этот рискованный номер — спуститься со своего балкона на мой. Трюк для меня, инфарктника, сложный, а Саша — мужик физически крепкий, меня он моложе, к тому же раз в неделю заливает. Словом, я ему уступаю, и он спускается при помощи веревки и смекалки. Едва успев, кстати, одеться, причем не до конца: спускался босиком.

Короче, через каких-то 5 минут дверь наша была открыта изнутри и я заключил своего соседа в жаркие объятия благодарности. Принимал он их со смущением и как бы не веря в удачу, поскольку многие годы выслушивал от меня только брань (впрочем, довольно формальную, поскольку к дождю с потолка в ванной я просто привык).

Когда наш взаимный восторг иссяк, Саша поплелся своими босыми ногами на третий этаж с целью продолжить прерванный отдых, тем более что отдых этот своими героическими действиями он, безусловно, заслужил.

Через минуту Саша вернулся грустный. Из его объяснения выяснилось, что в свою квартиру он попасть никак не может, поскольку дверь закрыта, а, спускаясь со своего на наш балкон, ключ с собой он, естественно, не взял, так как очень спешил в знак благодарности мне помочь.

Цемент лестницы холодный, я понял, что долго Саша не выдержит, и, будучи ему благодарен, а также из гуманных соображений пригласил его разделить с нами чай, из-за которого мы с моим гостем, собственно, ко мне и приехали. Тем более что в это время пришла домой моя жена и, хоть она всем происшедшим была изумлена, проблем с чаем не предвиделось.

Саша от чая отказался и сказал, что чай он может попить и дома, а для этого пойдет сейчас на четвертый этаж, спустится с балкона своих верхних соседей на свой, ну а там уж будет пить что и сколько захочет. Идея нам показалась разумной, и мы все четверо пошли (захлопнув свою дверь и взяв ключи) на четвертый этаж, чтобы своим присутствием быть Саше хоть чем-то полезными.

Соседей на четвертом этаже не оказалось дома. Спуск был безрадостным. На третьем этаже я предложил (скорее из воспитанности) нашему спасителю попробовать открыть его дверь моим ключом. Бессмысленность этого предложения была очевидна, но оно было принято. Это смешно, однако ключ вошел в личинку. Правда, поворачиваться не желал. Но Саша, как уже говорилось, обладал отличными физическими данными, он не сдался, поднажал раз, потом еще... В замке что-то хрупнуло, и дверь к очередному всеобщему восторгу распахнулась. Объятия, восклицания, смех. Очень довольный, Саша хочет отдать мне мой ключ, но вдруг обнаруживается, что перенапряженный во время открывания ключ намертво заело в замке и вытащить его невозможно. А без ключа мы опять к себе не попадем! Полчаса вытаскивания привели все-таки к желаемому результату. Саша плоскогубцами каким-то точным боковым рывком вырвал ключ из замка и торжественно вручил его мне. Я мельком только зафиксировал, что ключ вроде бы утратил свою прямоту (видимо, вследствие бокового рывка). Но не придал этому большого значения. После очередных восторженных объятий, оставив Сашу дома, мы отправились к себе.

Потерявший прямоту ключ в замок не желал влезать категорически. Когда мы после длительного онемения опять позвонили Саше, он открыл не сразу и был, простите, в исподнем.

— Что, опять залили? — обреченно спросил он.

Три минуты ему понадобилось для выпрямления ключа.

Чай был хороший.

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Наталия ГРАЧЕВА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ ПАНЕЛЬНОГО ДОМА

Спать пора давным-давно,
Спит метро, и спит кино.
На метле с охапкой дел
Тихий дворник пролетел.
Выше луж с негромкой бранью
Он по воздуху сквозит,
К профсоюзному собранью
Речь готовит, паразит...
Видишь, плюнул нам в окно...
Спать пора тебе давно!

Чуешь запахи в ночи!
Это греет кирпичи
Тетя Валя на плита.
Зябко бедной в темноте.
Даром только что с дипломом,
Оплошала год назад —
Батареи спер из дома
Пионерский ваш отряд.
Спи. Уснул металлолом,
Насдававшись, за углом.

Спит и Вася, наш сосед,
Тунеядец-домосед.
Гонит Вася самогон,
У него хороший сон.
Чуть попозже он проснется,
Превратится в пылесос,
И завоет, и забьется,
И завертится вразнос.
Вот тогда уж не заснешь!
Все поешь тебе, поешь...

Закрывай глаза, малыш!
Я уж сплю... А ты не спишь!
Все у нас с тобой о'кей
От тайги и до морей.
Пусть не радуют надои,
Урожаи и приплод,
Поколение младое
К Марсу двинет звездолет!
Будут там дворы мести,
Будут яблони цвести...
Поскорей, сынок, расти!

УЛЕТУЧИЛИСЬ!

Администрация «Клуба ДС» с глубоким сожалением вынуждена известить наших читателей, что объявленная ею несколько месяцев назад «Летучка» она же «Доска почета», закрыта впредь до особого распоряжения. И хотя мы регулярно помещали на 16-й странице итоги соревнования авторов и прославляли победителей (каковыми были в минувших номерах М. Липскеров, А. Инин, Б. Рябенький, Л. Измайлов, Л. Фульштинский, Э. Медведкин, М. Мишин, Ф. Кривин и О. Кербель), все же количество писем от читательского жюри оказалось значительно меньшим, чем мы вначале предполагали. Объясняется ли это нелегкой конкуренцией «Клуба ДС» с остальными полосами «Литгазеты» или же какими-либо иными, иррациональными причинами — мы не знаем. Но факт остается фактом: роль арбитров не соблазнила наших читателей и не подвигла их на тяжелый труд по определению лучших материалов, покупке конвертов и почтовых марок, бросанию писем в почтовый ящик и т. д.

Администрация принимает этот факт к сведению и резервирует за собой право обратиться к читателям с каким-нибудь новым заманчивым предложением.

«ПРИКАЗ ПО АРМИИ ИСКУССТВ»

Всему миру известны строки поэта Бориса Заходера «Не бывает любви несчастной». Однако некоторые несознательные русскоязычные авторы, плохо знакомые с мировой классикой, позволяют себе употребление слов «любовь», «несчастная», словосочетаний «не бывает любви», «любви несчастной» и «не бывает любви несчастной» без ссылки на первосочинителя этого словосочетания. Например, критик, некто И. Панкеев, в «Литгазете» прямо так и пишет в одном из предложений, что «не бывает любви несчастной», еще и приписывая эту мысль некоей Л. Татьяничевой. В той же «Литгазете» некогда был заголовок, бессовестно перевирающий строки классика, — «Не бывает любви несчастливой». Были и другие случаи употребления тех же самых слов почти в тех же сочетаниях без ссылки на автора.

Дабы избежать этих накладок в дальнейшем, приказываю:

1. Всем прочитать и, главное, запомнить все стихи Б. Заходера; 2) впредь любое употребление слов и словосочетаний, связанных с любовью, согласовывать с Б. Заходером; 3) виновным в плагиате публично принести извинения газете «Советская культура», которая (возможно, из-за недостатка материала) оповестила об инциденте, напечатав письмо Б. Заходера на своих страницах 24 сентября с. г. и, видимо, тем самым взяв на себя защиту авторских прав на вышеизложенные словосочетания; 4) надлежащее довести до сведения всей миролюбивой общественности.

Евг. САЗОНОВ-сын,
личный секретарь
Евг. САЗОНОВА-отца

...Отзвучала ежевечерняя телевизионная колыбельная. Отец посмотрел на часы, выключил телевизор и строго сказал сыну: «Время далеко уже не детское, давайка, сынок, повторим «Правила поведения детей и подростков на улицах и в общественных местах на территории района».

Сынок пробасил что-то невнятное и начал перечислять обязанности несовершеннолетних жителей Тогульского района Алтайского края. Перечисляя, он дословно воспроизводил текст «Правил» по районной газете «Сельские огни» от 4 августа с. г.:

«...быть вежливыми со старшими, внимательными и предупредительными к лицам преклонного возраста и маленьким детям; выполнять установленный порядок и требования обслуживающего персонала кинотеатров, стадионов, Домов культуры, а также других учреждений и предприятий; бережно относиться к социалистической собственности, сохранять зеленые насаждения, птиц и животных, соблюдать чистоту и порядок; удерживать товарищей от поступков, порочащих звание советского человека».

— Да уж, товарищи у тебя, — не удержался отец. — Давно предупреждал... Теперь о правах, пожалуйста.

«Пребывание на улицах и в других общественных местах детей и подростков без сопровождения взрослых разрешается в осенний и зимний период до 22 часов, а во время летних каникул — до 24 часов...

В дни учебных занятий посещение детьми и подростками до 16 лет учреждений культуры без сопровождения взрослых разрешается лишь на спектакли и киносеансы, начинающиеся не позднее 18 часов...»

— С учреждениями культуры вообще надо быть поосторожнее, — заметил отец, — а то насмотрятся всякого, наслушаются. Сначала рок, а после срок. И про сопровождение взрослых хорошо сказано. А лучше всего — парами. И двое взрослых — один впереди, один — замыкающим. Продолжай, сынуля. Давай про запретные плоды.

«Детям и подросткам запрещается:

продавать промышленные и продовольственные товары;

личные вещи, овощи, фрукты и другие плоды;

учинять различные надписи, вырезать, выскабливать их на стенах зданий, лестничных клетках, скамейках, заборах;

лазить через заборы и ограждения для проникновения в спортивные, культурно - зрелищные учреждения;

повреждать и самовольно вырубать зеленые насаждения;

покупать и употреблять алкогольные напитки, заниматься токсикоманией, наркоманией;

категорически запрещается пользоваться автомототранспортом после 24 часов, использовать чужой транспорт».

Сын вздохнул, и по его плохо выбритой щеке скатилась скупая детская слеза.

«Ответственность за детей и подростков, — еле слышно добавил акселерат, — за их жизнь, здоровье, поведение возлагается на родителей и лиц, их заменяющих (опекунов, попечителей). При нарушении настоящих правил несовершеннолетними родители могут быть наказаны штрафом до 50 рублей».

Мужчины замолчали. В Тогуле давно уже наступил детский комендантский час. А на кухне тихо плакала материально ответственная мать. Дрожащими руками она перебирала корешки штрафных квитанций за месяц и думала о развитии принудительной педагогики в родном городе.

Е. ЛАНКИНА

ЗАПРЕТНЫЕ ОВОЩИ,

или Детский комендантский час

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, К-45, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП, Москва К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МОЕВ (отв. секретарь), Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, С. СЕЛИВАНОВА, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А-06183 Номер подписан к печати 3/X-88 г.

Типография «Литературной газеты»: Москва, Ц., Цветной бульвар, 30 Зак. 856 ИНДЕКС 50067